HD3355
.B3
1925

М. БАЛАБАНОВ

ИСТОРИЯ РАБОЧЕЙ КООПЕРАЦИИ В РОССИИ

Москва, М.-К. О.
№
БИБЛИОТЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ»
МОСКВА — 1925

A.Leo.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

HD3355
.B3
1925

NOV 1 7 77

BARCODE ON
BACK COVER

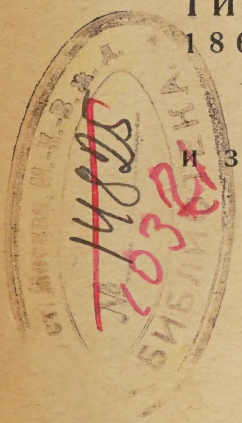
AHL
HD3355
.B3
1925
334
Б-20

М. БАЛАБАНОВ

ИСТОРИЯ РАБОЧЕЙ КООПЕРАЦИИ В РОССИИ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РАБОЧЕГО КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ 1864 ◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆ 1917

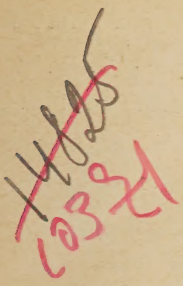
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ



ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ“
Москва ◆◆◆◆◆◆◆◆◆ 1925

ТИПОГРАФИЯ
„КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ"
ИМЕНИ ВОЛОДАРСКОГО,
Ленинград, Фонтанка, 57.

Ленинградский Гублит № 14349. Зак. № 1860. Тираж 6000 экз.—16.



ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

Кооперативное движение в России еще не дождалось своего историка, рабочей же кооперации еще менее повезло в этом отношении. Краткие исторические очерки А. Меркулова («Исторический очерк потребительской кооперации в России», М. 1917 г.) и М. Хейсина («Исторический очерк кооперации в России», П. 1918 г.) при всех своих достоинствах дают лишь общие обзоры прошлого кооперации, уделяя рабочей кооперации, ровным счетом, несколько страниц. Не больше сведений о прошлом рабочей кооперации получит читатель также от других более ценных работ (С. Прокопович «Кооперативное движение в России», С. Ежов «Пути рабочей кооперации», А. Татарчуков «Рабочий и Кооперация», П. Колокольников «Рабочая и общегражданская кооперация» и друг.)

Между тем, наша рабочая кооперация имеет свое прошлое. Рабочий класс потратил не мало усилий и понес не мало жертв по созданию и укреплению этой формы своей освободительной борьбы. И если рабочие должны знать прошлое своего движения, то это в равной мере относится к рабочему кооперативному движению.

Настоящая работа имеет целью восполнить, хотя бы до некоторой степени, пробел в нашей кооперативной литературе по ознакомлению с историей рабочей кооперации. Мы стремились дать, при этом, по возможности больше фактического материала,

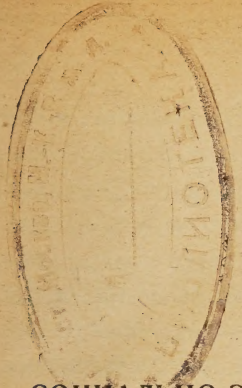
имея в виду, в частности, интересы учащих и учащихся многочисленных теперь кооперативных курсов.

Фактический материал, где это не отмечено особо, взят нами из кооперативных журналов («Союз Потребителей», «Объединение», «Труженик», «Труд», «Петроградский Кооператор», «Южно-Русский Потребитель», «Голос Рабочей Кооперации» и друг.).

Киев, август 1922 года.

К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ.

По сравнению с двумя предшествующими, настоящее издание просмотрено и в некоторой, значительной, части исправлено.



ГЛАВА ПЕРВАЯ.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ОБЩИЙ ХОД РАЗВИТИЯ РАБОЧЕЙ КООПЕРАЦИИ В РОССИИ.

1.

Потребительская кооперация имеет ближайшим образом своей целью устранение торгового посредничества и сближение потребителя с производителем. Для своего возникновения и развития она, стало быть, предполагала наличность, с одной стороны, развитого товарно-денежного хозяйства и товарного рынка при разветвленном частно-торговом аппарате, а с другой стороны—массу потребителей, для которой непосилен гнет торгового посредничества и вольной цены «свободного рынка». Испытывая на себе тяжесть товарно-денежного рынка и дороговизну жизни, потребитель ищет выхода в устранении посредника и в удешевлении жизни путем совместной закупки товаров и организованной их продажи.

Обыкновенно говорят, что кооперация—дочь нужды. Это верно, но только отчасти. Кооперация—дочь нужды, но не всякой нужды. Нуждающиеся, голодные были и раньше, однако, не всегда была кооперация и не всегда к ней прибегали люди, живущие под гнетом нужды. Натуральное, как и полунатуральное хозяйство знало неравенство в распределении богатств, знало достаток и нужду, но не знало кооперации. Слабо развитое товарно-денежное хозяйство также покоилось на общественном неравенстве, но кооперация была ему чужда. Не всякая нужда—мать кооперации, но только нужда, рожденная определенными общественными отношениями, нужда, в условиях определенного общественного порядка.

Эту нужду приносит с собой капиталистическое общество. Оно неразрывно связано с развитым товарно-денежным хозяйством и делает куплю-продажу не исключением, а общим правилом, когда ничего нельзя купить, предварительно чего-нибудь не продав, когда производитель и потребитель сталкиваются на рынке, который имеет свои законы, опутывая потребителя густой сетью, пущенною крупным и мелким торговым капиталом, продавцами, посредниками, ростовщиками, спекулянтами. От этого властелина-рынка никому не укрыться и не уйти ни в какое «натуральное» хозяйство, он втягивает в свой водоворот каждое хозяйство, всех заставляя с собой считаться, и сильнее всего, конечно, тех, кто экономически неустойчив и материально необеспечен. Капиталистическое общество заботится и об этой последней стороне. Оно углубляет пропасть общественного неравенства, создавая несметные богатства для одних и безысходную нужду для других, нужду, которая не знает просвета и до которой не доходит даже луч слабой надежды. Капиталистическое общество рождает нового потребителя—рабочий класс, лишенный средств производства и вынужденный продавать свою рабочую силу, чтобы покупать все прочее. Рабочие составляют основное ядро потребителей, резко противостоящее капиталистическому рынку и капиталистической системе распределения; это ядро облегают потребители, полу или отчасти пролетаризированные—малоимущее крестьянство, служащие, городские ремесленники и городское мещанство, интеллигентный пролетариат,—которые для обороны от рынка должны прибегать к кооперативному сплочению. Рабочий класс является, вместе с тем, носителем подлинного кооперативного начала, поскольку, призванный своим положением в капиталистическом обществе перестроить последнее на основе коллективизма, он и в повседневной борьбе своей на почве капиталистических отношений может рассчитывать на успех лишь в той мере, в какой выступает сплоченно, общими силами, организованно-классовым и солидарным.

Вот почему только при капиталистическом строе возникает и развивается потребительская кооперация. Этот строй впервые создает необходимые для кооперации предпосылки: развитое товарно-денежное хозяйство, господство рынка, широко развитую потребительскую нужду, потребителей, ищущих облегчения в ко-

операции и способных воспринять и применить в жизни кооперативное начало.

Каков же был общий ход развития в России потребительской кооперации вообще, и рабочей в частности?

Россия вышла из крепостного права промышленно-слабой и социально-отсталой. Фабрично-заводская промышленность была и при крепостном хозяйстве, но не ею еще окрашивался экономический строй; напротив, она сама испытывала на себе все влияние отсталых крепостнических отношений. Первые пореформенные годы мало изменили Россию в этом отношении. Со страны спали цепи крепостничества, но потребовались долгие десятилетия для того, чтобы земледельческая Россия с полу-натуральным крестьянским хозяйством переварилась в котле капиталистических отношений. Неуклонно—сперва медленно, затем все быстрее—крестьянское хозяйство вовлекалось в товарно-денежный водоворот, подвергалось процессу расслоения и замены общинного уклада частно-владельческим. Параллельно развивалась промышленность, увеличивалось число фабрик, пока в начале 90-х годов прошлого столетия это развитие приняло по размаху своему характер промышленной революции, быстро двинувшей страну по пути капиталистического роста.

«Мать» кооперации—нужда—здравствовала уже в то время. Хотя жизнь первых десятилетий пореформенной России была многим дешевле, чем накануне, например, мировой войны, но нужда трудящихся была не менее, если не более остра, чем в начале XX столетия. Заработная плата фабричных рабочих и тогда не давала им возможности жить сколько-нибудь по-человечески; крестьяне, ковыряя на нищенском наделе, не выходили из ярма, чтобы выплатить наложенные на них подати и сборы.

В эти первые десятилетия пореформенной России только еще развертывался процесс образования рабочего класса. Дореформенная фабрика пользовалась трудом вольно-наемных рабочих, но не в меньшей степени она работала трудом крепостных. Падение крепостного права оставило некоторые кадры рабочих, но это не были еще рабочие, прошедшие свой тяжелый путь в условиях сколько-нибудь развитого капитализма. Их ряды стали пополняться новым элементом «свободных» рабочих, по мере того, как новый пореформенный общественный порядок, основанный на сво-

бодном труде и господстве товарно-денежного хозяйства, разрушал старые экономические отношения.

Крепостная Россия постепенно сменялась капиталистической Россией. Крестьянство, обобранное реформой 19 февраля 1861 года в пользу помещиков, пролетаризировалось. Недостаточный земельный надел не давал крестьянскому хозяйству устойчивости; подати, налоги и выкуп помещикам отнимали у крестьян возможность хозяйственной самостоятельности. Крестьяне отрывались от земли частично или полностью, вынуждены были широко прибегать к отходу на фабрично-заводские работы, к работе на откупщиков в кустарных промыслах, поддавались, вообще, тяге в города в поисках за заработком, пополняя и образуя ряды рабочего класса.

Процесс этот совершался медленно и количественно и качественно, так что, разумеется, не сразу народился рабочий класс. Новые элементы, пришедшие из деревни, долго не порывали связь с землей, уходили летом на полевые работы, жили жизнью не столько фабричной, сколько деревенской. Сплачивание работников в единый класс с общими доступными их пониманию интересами, со способностью защищать общими силами эти интересы, с навыком классовой организованности и солидарности, — это сплачивание затруднялось сохранявшейся связью с землей, продолжавшимся преобладанием в рабочей среде крестьянского мировоззрения и настроения. Высвобождение от власти земли давалось с одной стороны шедшей все дальше пролетаризацией крестьянства и, с другой, ростом капитализма и крупной промышленности, отрывавшей рабочих окончательно от деревни и ставившей их в неизбежную необходимость сплочения и солидарности для борьбы с капиталом.

С другой стороны, новые капиталистические отношения не сразу овладели Россией. Падение крепостного права открыло перед капитализмом свободный путь развития, и капитализм использовал все открывшиеся перед ним возможности с той, однако, так сказать, последовательностью, какая диктуется законом экономического развития. Первые десятилетия уходили больше на накопление капитала, на проникновение его в деревню, на постройку железных дорог и развитие парового транспорта, на упрочение и расширение денежного хозяйства с его банками, кредитными учреждениями и т. п.

Параллельно изменялось также и социальное строение деревни. Уже начала, на которых проведено было упразднение крепостного права, содействовали обезземелению крестьянства, поскольку значительная часть крестьян получила нищенский, либо недостаточный надел. В дальнейшем это обезземеление и пролетаризация крестьянства продолжались во все возрастающей степени. Втянутое в товарно-денежное хозяйство, крестьянство теряло свой натурально-хозяйственный облик, расставалось с общинным порядком, все больше проникалось частно-собственническим началом. Деревня расслоялась на богатых и бедных, на многоземельных и безземельных, на многолошадных и безлошадных, на кулаков и бедноту. Все нарастали кадры сельско-хозяйственного пролетариата, поставлявшие рабочую силу помещичьим хозяйствам и фабрично-заводской промышленности и еще в большем числе остававшиеся в кабале у деревенского богатея. Это процесс социального перерождения деревни, тянувшийся десятилетиями, созрел и особенно бурно проявился наружу в 90-х годах прошлого столетия. Голод 1891 года только вскрыл всю глубину происходящего процесса и сделал для всех ясными те пути развития, на которые пореформенная Россия вступила твердо и прочно, все более оставляя позади отсталые формы социальных отношений.

Мы можем, таким образом, с интересующей нас точки зрения, разделить время с освобождения крестьян на два крупных периода: один тянется до 90-х годов прошлого века, другой — от 90-х годов до февральской революции. Первый период отмечен внедрением в народное хозяйство капиталистических отношений, борьбою старого натурально-хозяйственного начала с капиталистическим, разложением социальных пережитков, процессом образования рабочего класса, с одной стороны, и буржуазии, с другой. Девяностые годы — рубеж двух периодов — отмечены характером, приближающимся к промышленной революции, которая с небывалой раньше быстротой двинула вперед процесс капитализации страны. С этого времени начинается второй период — период укрепления капиталистических отношений. Капитализм, овладев городом и деревней, окончательно расчистил путь для своего развития. Не отсталыми экономическими формами, в той или иной степени, определяться стали судьбы России, а формами капиталистическими, с присущим им обострением классовой борьбы, с принимающим массовый характер рабочим движением.

2.

Было ли время первого периода благоприятным для зарождения и роста потребительской кооперации? Мы уже говорили, что одной нужды для возникновения кооперации недостаточно. Какова бы ни была нужда трудящихся, для реализации кооперативного начала последние должны были располагать еще некоторыми другими данными. Требовалась наличность того нового слоя потребителей, который силою необходимости обращается к кооперации: рабочего класса и мелко-буржуазных элементов в городе и деревне, ищущих в кооперации подкрепления в своей борьбе за существование. Требовался и навык общественной солидарности и организованности, который приобретается не в день и не в год, и который, в свою очередь, предполагает более усложненные формы общественно-политической жизни. Очевидно, первые десятилетия пореформенной России этих предпосылок еще не давали, и потребительская кооперация в этот первый период должна была встретить малоблагоприятные условия, вылившись, как это мы увидим, в своеобразные формы.

Существует, однако, мнение, что общие неблагоприятные условия искупались, до известной степени, благоприятным стечением условий другого порядка: той счастливой звездой, под которой родилась в России идея кооперации, общественным подъемом, каким отмечены 60-ые годы, характером революционно-социалистического движения того времени.

«Если условия, при которых пришлось у нас возникнуть потребительской кооперации, были настолько неблагоприятны, то почему же, спрашивается, она все же могла зародиться и даже достигнуть временно некоторого успеха?» — задает, например, вопрос А. Меркулов и отвечает: «Ответ мы найдем, если перенесемся за 5 лет назад; он заключается в *настроении* (курсив автора) тогдашнего общества... Эпоха великих реформ... Бурное время общественного возбуждения, когда впервые после многих веков русское общество получило, казалось, возможность свободно участвовать в государственном строительстве во всех его сферах. Долго связанные руки тянулись к работе, освобожденная мысль рисовала ослепительные перспективы переустройства всего

общественного уклада, ставились широкие задачи, выдвигались яркие лозунги» [1]).

Так ли, однако, было в действительности? В самом ли деле настроения того времени создавали благоприятную обстановку для кооперативного движения?

Думается, что обстоятельства складывались несколько иначе. Не только в шестидесятые годы, но и в последующее время социально-политические воззрения направляли и мысль и волю активных общественных элементов далеко в сторону от кооперативной идеологии и практики.

Нужно не упускать из виду, что передовые, социалистически настроенные круги того времени, как в литературе, так и в активной политической работе, находились исключительно под влиянием утопического социализма отчасти в его западных образцах, отчасти в своеобразном его преломлении в условиях русской действительности. Если сперва для одних весь свет исходил от великих утопистов Сен-Симона, Овена и Фурье, то для большинства на долгое время определяющей идеей была идея об особых, отличных от Запада, путях социального развития России, черпающих движущую силу в ее отсталых общественных устоях. Если одни предавались надежде с помощью «ассоциации», фаланстер переродить общество, то другие исходили из утопического предположения о возможности перейти от общинной России непосредственно в царство социализма.

Наивное представление об общинно-артельном строе крестьянства, утопическая вера в возможность непосредственного перехода от отсталых экономических форм к социальной революции, как и отрицание неизбежности развития в России капитализма и революционно-исторической роли промышленного пролетариата — такова основная линия, протянувшаяся от Герцена до В. В., представителя упадочной стадии народничества. Очевидно, при такого рода настроениях для пропаганды и практики кооперативного движения оставалось мало места. Если общинно-артельное начало уже реализовано самим народом в жизни, если крестьянство является «коммунистом по духу», то нести со стороны в его среду

---

[1]) А. В. Меркулов, Исторический очерк потребительской кооперации в России, М. 1917 г., стр. 9.

идеи кооперации представляется, по меньшей мере, нецелесообразным. Если на очереди стоит народное движение в целях социальной революции, то усилия нужно, конечно, направить на боевую организацию народных масс, либо на их подготовку к такой организации, но не на насаждение кооперации, в которой «народ», осуществивший коллективистические начала высшего порядка, к тому же не нуждается.

Чтобы не отклоняться в сторону, остановимся на одном примере, показывающем, как в этом отношении складывалось течение мыслей в рассуждениях, например, Плеханова, в бытность его народником, в одной из статей его в «Земле и Воле» 1879 г. «Россия, — писал Плеханов [1]), — страна, в которой земледельческое население составляет громадное большинство. Промышленных рабочих в ней едва ли можно насчитать даже один миллион, да из этого, сравнительно ничтожного, числа большинство земледельцы по симпатиям и положению. Преобладающая форма землевладения в России (т.-е. общинная) не только не нуждается в пропаганде, но составляет самую характерную черту в отношениях нашего крестьянства к земле, она составляет для крестьянина завет всей его истории». Если на Западе восприимчивость масс к пропаганде коллективного владения развилась из форм коллективного труда на фабрике, то у нас, наоборот, коллективный труд может развиваться только из коллективного владения. Поэтому Плеханов приходит к выводу, что «еще не настало время пропаганды коллективного труда»: последний немного изменил бы успешность труда в условиях первобытного способа земледелия. «Там же,—продолжает Плеханов,—где успешность труда находится в большей зависимости от дружного, артельного ведения дела — во всевозможных промыслах,—такая пропаганда может и должна иметь место. *Но там мы и без того видим всестороннее проведение артельного принципа в отношении русского рабочего люда* (курсив наш); если наши промышленные артели и клонятся к упадку, то главная причина этого заключается во вредном влиянии кулаков, существование которых так же необходимо в нынешнем государстве, как существование паразитов на теле нечистоплотного человека. Значит, главные усилия и здесь должны быть направлены на устранение

[1]) См. Сочинения, т. I, II, 1920, стр. 14—15.

развращающего влияния современного государства. А оно может быть устранено только окончательным разрушением государства и предоставлением нашему освобожденному крестьянству устраиваться «на всей своей воле». Общий же вывод Плеханова такой: «центр нашей деятельности переносится из сферы пропаганды лучших идеалов общественности на создание боевой народно-революционной организации, для осуществления народно-революционного переворота в возможно более близком будущем», при чем молодой народник-революционер Плеханов, отдавая дань времени, подчеркивает, что это те же задачи, которые «ставили себе титаны народно-революционной обороны: Болотников, Булавин, Разин, Пугачев и другие».

Итак: для пропаганды коллективного труда среди общинников-крестьян *еще* не настало время, так как коллективное владение землей *уже* является фактом, из которого произойдет и коллективизация труда. Может и должна иметь успех такая пропаганда во всевозможных промыслах, но и здесь мы видим «всестороннее проведение артельного принципа в отношении русского рабочего люда», и если артели гибнут, то, главным образом, под ударами кулацкого элемента, необходимого спутника нынешнего государства. Иначе говоря, бесцельна пропаганда коллективного труда также в промыслах, ибо в артельном «духе» здесь никакого недостатка не ощущается и не в отсутствии его беда, а в современном государстве.

Если, таким образом, даже промысловая артель должна встретить со стороны революционеров чисто пассивное отношение, если применительно ко «всевозможным промыслам» они должны исходить не из предположения необходимости пропаганды коллективного (кооперативного) труда, а из факта нашедшего уже свое «всестороннее применение артельного (кооперативного) принципа», то, разумеется, потребительская кооперация, не имеющая непосредственной связи с коллективным владением и коллективным трудом, могла интересовать революционные элементы того времени еще меньше. В частности, еще менее внимания должна была привлечь к себе кооперация среди рабочего класса, ибо не к фабрично-заводскому пролетариату приурочивались надежды на «осуществление народно-революционного переворота в возможно более близком будущем», а к коммунистической деревне. Нет нужды и в

пропаганде принципов потребительской кооперации, раз вообще на второй план отступает «пропаганда лучших идеалов общественности», выношенных самими народными массами.

Мы можем, стало быть, сказать, что общественные «настроения» первых десятилетий пореформенной России не оказались для кооперации более благоприятными, чем общая социально-экономическая обстановка того времени. Утопический социализм, владевший умами передовой интеллигенции и выросший на почве социальной отсталости и недоразвившихся еще капиталистических отношений, вместе с последними не давал предпосылок для развития и укрепления кооперации. Чтобы последняя могла возникнуть и пустить прочные корни в жизни, необходимо было дальнейшее преобразование России по образу капиталистическому, дальнейшее развитие капиталистических отношений с отслоением потребительской массы, фабрично-пролетарской и крестьянской, и с нарастанием на почве этих отношений новых «настроений», пролетарских и мелко-буржуазных, устанавливающих каждое свое отношение к кооперации. Эти новые условия с достаточной силой сказались в 90-х годах прошлого столетия, чтобы открыть новую полосу кооперативного движения.

3.

Можно сказать даже больше: с девяностых годов кооперативное движение только и начало развиваться и складываться сколько-нибудь нормально. Намеченный нами первый период — от падения крепостного права до девяностых годов, — не создавая предпосылок, необходимых для зарождения кооперативного движения, мог дать обстановку, благоприятную лишь для робких кооперативных попыток, либо для извращения кооперативного принципа. Это — подготовительный период нашего кооперативного движения, период жалкого существования единичных кооперативов, охватывающих горсточку потребителей, и широкого использования кооперативной формы капиталом в целях утонченной эксплоатации рабочих. Лишь с девяностых годов начинается рост кооперативного движения, сперва слабый и затем все возрастающий, по мере усиливающегося процесса капитализации страны.

Иллюстрацией к сказанному может служить следующая таблица, в которой приведены данные для определенных периодов о

числе утвержденных уставов потребительских обществ, отдельно городских, сельских, фабрично-заводских и железнодорожных (зависимых) и офицерских и чиновничьих (корпоративных) [1]); первый столбец показывает, сколько всего утверждено уставов, второй — сколько в среднем приходится утвержденных уставов на один год.

	1865—1890 г.г.		1891—1911 г.г.	
Городских	117	4,5	794	37,8
Сельских	33	1,2	5545	264,0
Фабр.-зав. и ж.-д. . . .	96	3,7	479	22,8
Офиц., чинов. и пр. . .	13	0 5	77	3,6
Рабочих незав.	—	—	ок. 100	4,7
Всего	259	9,9	6995	333,0

Таблица эта дает яркое представление об общем ходе развития нашей потребительской кооперации. Первый период обнимает 26 лет, второй 21 год. Но во второй период было утверждено уставов в 27 раз больше, чем в первый, и в то время, как в 1865 — 1890 г.г. в среднем утверждалось в год 10 уставов, в 1891—1911 г.г. эта средняя поднимается до 333. И далее: в первый период на первом месте идут почти на одном уровне городские, с одной стороны, и фабрично-заводские и железнодорожные общества, с другой; во втором периоде на первое место сильно пробиваются сельские общества, за ними следуют городские, и третье место занимают фабрично-заводские с железнодорожными. Но что представляют собой фабрично-заводские и железнодорожные общества? Это, как мы увидим из дальнейшего изложения, — общества зависимые, ложно-кооперативные: они служат интересам предприятий, но не рабочих, и кооператива в них лишь вывеска, фирма. В таком случае первый период (1865 — 1890 г.г.) носит тот именно характер, о котором мы говорили: при слабом развитии городских обществ он отдает равное с ними место зависимой кооперации, обществам, извращающим кооперативное начало. Второй период, наоборот, отбрасывает зависимую кооперацию на третье место и

[1]) Данные эти обработаны Петроградским отделением Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах и в иной комбинации приведены в статьях М. Хейсина в «Вестнике Кооперации», 1916 г., № 3, и 1912 г., № 5.

первенство отдает свободной кооперации городского и сельского типа.

Этот процесс роста потребительской кооперации в связи с условиями, его определявшими, станет еще более отчетливым, если мы разделим второй период (1891—1911 г.г.) на отдельные периоды, отмеченные своими особенностями (первый столбец — общее число утвержденных уставов, второй — среднее число утвержденных уставов на один год).

	1891—1897 г.г.		1898—1905 г.г.		1906—1911 г.г.	
Городские	127	18,1	259	32,1	408	68
Сельские.	84	12	746	93,2	4715	786
Фабр.-зав. и ж.-д. . . .	95	13,6	160	20	224	37
Рабоч. незав.	—	—	6	—	92	15,5
Офицер., чинов.	40	5,7	33	4,1	—	—
Всего . .	346	49,4	1204	150,5	5439	906,5

Сопоставляя намеченные нами здесь периоды с первым периодом (1865—1890 г.г.), мы можем усмотреть следующие этапы развития нашей потребительской кооперации.

Период 1891—1897 г.г. охватывает всего 7 лет, но быстрота роста потребительских обществ многим превышает первый период, обнимающий 26 лет. В год утверждено почти в 5 раз больше уставов, при чем городские и фабрично-заводские общества занимают то же место, что и в предыдущем периоде, и развиваются приблизительно одинаково, но с ними уже почти выравниваются сельские общества. С чем связан этот резкий перелом в развитии потребительской кооперации? Очевидно, с резким переломом в социальном развитии России, каким отмечено начало девяностых годов прошлого столетия. Голод 1891 года, пробившееся резко наружу расслоение деревни, приток иностранных капиталов и введение золотой валюты, быстро подвинувшее вперед промышленное развитие страны, — все это изменяло социальный облик России и сразу создало условия для роста потребительской кооперации, каких не знал весь предыдущий период. Значительный, небывалый раньше по размеру рост потребительской кооперации не дает, однако, еще равносильного ему качественного ее перерождения. Зависимая, ложная кооперация продолжает еще играть огромную роль, хотя первенство уже принадлежит городской и сельской кооперации.

Период 1898—1905 г.г., протяжением в 8 лет, дает новый толчок в развитии потребительской кооперации. За эти 8 лет утверждается почти в 4 раза больше уставов, чем за предыдущие 7 лет, и на каждый год падает в 3 раза больше утвержденных уставов. Этот количественный рост сопровождается и соответствующим качественным ростом потребительской кооперации. Зависимая кооперация отходит на третье место, первое место занимает кооперация сельская и впервые нарождается независимая, не связанная с интересами предприятий рабочая кооперация. Этот период отмечен бурным промышленным развитием России, дальнейшим процессом расслоения деревни, массовым рабочим движением, пробудившим широкие рабочие массы. На почве сложившихся новых социальных отношений совершенно отчетливо начинает выступать совершившееся отслоение потребительской массы, рабочей и в особенности крестьянской, захватывающей поле кооперативного движения: в то время как в 1865—1890 г.г. возникало в среднем ежегодно одно крестьянское общество, а в 1891—1897 г.г. их возникало в среднем 12, в 1898 — 1905 г.г. возникает ежегодно 93 крестьянских общества, в 4 раза больше, чем фабрично-заводских, и почти в 3 раза больше, чем городских. Проявлению этих новых тенденций в развитии потребительских кооперации содействует последовавшее в 1897 году утверждение нормального устава потребительских обществ, облегчившее их возникновение.

Следующий период после 1905 года открывает полосу массового кооперативного движения. В первые шесть лет этого периода утверждено уставов в пять раз больше, чем за все предыдущие 41 год. Тенденции, наметившиеся в предшествующие 8 лет, достигают полного развития: сельская потребительская кооперация решительно берет верх и далеко оставляет позади как городскую, так и зависимую фабрично-заводскую кооперацию. Вместе с тем, сильно вперед выдвигается независимая рабочая кооперация; численно еще слабая, она достигает за эти шесть лет такого же развития, какое зависимая кооперация получила за первые 26 лет. Эти годы отмечены сильным общественным подъемом после революции 1905—1906 г.г., напряженной борьбой рабочего класса, зарождением классовых рабочих организаций, пробуждением деревни, силы которой были развязаны первой революцией. Положение крестьянства в социальном строе страны сказывается и на коопера-

тивном движении, которое густо окрашивается цветом крестьянства.

Мы можем теперь более отчетливо выделить основные этапы развития нашей потребительской кооперации. Первый период тянется от возникновения ее до начала девяностых годов прошлого столетия. Это — первоначальный, подготовительный, «доисторический» — если можно так выразиться — период, время разрозненных, единичных попыток образования потребительских обществ, даже отдаленно не напоминающее массового характера движения, с одной стороны, и время использования кооперативного начала капиталом в форме зависимой кооперации, с другой стороны. Перелом обозначается с начала девяностых годов, когда на почве социального преобразования страны кооперативное движение получает новый толчок к развитию в окрепнувших и оформившихся капиталистических отношениях. С этого времени открывается новый период кооперативного движения или, вернее, кладется его начало. Сперва (1890—1897 г.г.) нарастающей сельской кооперации и городской приходится еще конкурировать с зависимой фабрично-заводской кооперацией, продолжающей играть крупную роль; это—время утверждения начала свободной кооперации. Последующие годы (1898 — 1905) дают перевес независимой «общегражданской» кооперации, отводят зависимую кооперацию на второй план и захватывают в движение деревню. С 1905 года кооперативное движение принимает массовой характер с ростом независимой рабочей кооперации, но и с подавляющим преобладанием сельской кооперации; потребительская кооперация России становится, по преимуществу, крестьянской кооперацией. На этой почве, под влиянием войны и потом революции, начинается отслоение рабочей кооперации от общегражданской.

В этом длительном процессе развития потребительской кооперации рабочий класс играл свою крупную, хотя и не всегда одинаковую роль. В первый период рабочие оставались больше пассивным, чем активным элементом; попытки самостоятельного кооперативного творчества, хотя, как мы увидим, и крупного исторического значения, составляли исключение в общем правиле прикрепления рабочих к заводским потребительским обществам. С пробуждением рабочего класса, с ростом его экономической и политической борьбы изменялась и роль рабочих в кооперативном дви-

жении. Они начинают принимать активное участие в общегражданской кооперации, строить свою независимую рабочую кооперацию, начинают бороться за раскрепощение заводских обществ. Широкий характер рабочая кооперация начинает принимать с революции 1905 г. Война дала новый толчок ее росту, а революция 1917 г. приводит сперва к идейному, а затем к организационно-хозяйственному обособлению рабочей кооперации.

Обратимся теперь к судьбе рабочей кооперации в каждом из намеченных периодов.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

НА ЗАРЕ КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ.—ПЕРВЫЕ РАБОЧИЕ КООПЕРАТИВЫ.

1.

Мы уже говорили об условиях развития потребительской кооперации в первые годы после падения крепостного права. Пришедшее на смену крепостному хозяйству хозяйство, основанное на свободном товарном обороте, должно было, конечно, поднять товарные цены, удорожить жизнь, а торговый капитал должен был всей своей тяжестью налечь на потребителя. Но могло ли это немедленно вызвать кооперативное движение, противодействие организованных потребителей? Ответ на этот вопрос дает судьба кооперации в этот период.

Устав первого потребительского общества в России был утвержден в 1865 году. Это — устав «первого рижского потребительского общества». В том же году был утвержден устав ревельского потребительского общества. В следующем, 1866 году последовало, в ряду немногих других, утверждение уставов обществ городов: Дерпта, Митавы, Пернова. В 1867 году к ним присоединилась Либава. В 1865 году учреждено было в Петербурге общество «Бережливость», руководящую роль в котором играли немцы. И это не случайность, что первые потребительские общества в большем числе возникли в городах с немецким населением. Бывшие «прибалтийские» губернии — край с особым складом экономической жизни, с промышленными и торговыми городами-портами, с особой культурой, корни которой питались не Россией, но Германией. В этих городах уже тогда образовался прочный слой город-

ского мещанства, ремесленников, средней и мелкой буржуазии, пригодной для организованной взаимопомощи в буржуазном, разумеется, духе. В Германии к тому времени уже процветали общества, пропагандированные Шульце-Деличем и преследовавшие цели исключительно «сбережения». Под этим влиянием возникли и потребительные об-ва в немецких городах. Устав рижского об-ва был составлен по образцу Штутгартского общества, инициаторы общества предполагали даже пригласить в Ригу Шульце-Делича для прочтения лекции о кооперации. По такому же типу организовались и прочие немецкие общества. Здесь почва была подготовлена для потребительской кооперации буржуазного типа. Поэтому характерно, что из 10 обществ, устав которых был утвержден в 1865 и 1866 году (Рига, Ревель, Петербург, Дерпт, Псков, Харьков. Кыновский завод, Пернов, Нарва, Курск), к 1874 году прекратили свое существование петербургское и харьковское общества. Из четырех русских городов (если не считать Кыновского завода, о котором речь будет особо) сохранили свои общества всего два, из пяти же немецких городов все сохранили свои общества.

Русские города оказались менее удачливыми. Да и сами они в те годы и много лет позже были в подавляющем большинстве мелкими городскими поселениями, с несколькими тысячами жителей, со слабыми зачатками промышленности и мало развитой торговлей. Достаточно напомнить, что в середине прошлого века из тысячи русских городов только в двух было более 150 т. жителей, 38 из них имели больше 20 тыс. жителей, а 878 насчитывали менее 10 т. жителей. За несколькими исключениями, все составляли типичное «провинциальное болото» с верхним слоем всякого рода чиновничества и с горсточкой интеллигенции. Кто же принимался за организацию потребительских обществ и откуда вербовались их члены?

«Из имеющихся у нас списков господ учредителей существующих потребительных обществ в России,—писал издававшийся в 1870 г. первый русский кооперативный журнал «Русское Потребительное Общество»,—редакция убедилась, что почин в деле организации этих обществ премущественно принадлежит г.г. местным предводителям дворянства, председателям земских управ, городским головам, мировым посредникам и исправникам». Это наблюдение редакции, конечно, соответствует действитель-

ности: «просвещенные» администраторы не отказывались благодетельствовать опекаемое ими население надеждой побороть купца организацией потребительской лавки. Правильно и другое, подмеченное современниками, обстоятельство: кооперативной формой нередко пользовались предприимчивые люди, чтобы нажить капитал и глаже стричь доверчивого потребителя. Однако, необходимо все же выделить одну группу зачинателей нашей городской кооперации. Это—городская служилая интеллигенция, учителя гимназий, профессора, служащие городских управлений, некоторые элементы чиновничества. Так, киевское потребительское общество устроено было (в 1868 г.) по почину группы профессоров, в которой деятельное участие принимал Зибер, один из первых русских ученых, воспринявших учение Маркса; в жизни харьковского общества (1866 г.) деятельную роль играли некоторые местные профессора и примкнувшая к ним интеллигенция [1]); мысль об организации потребительного общества в Таганроге родилась среди преподавателей местной гимназии; в Чернигове (1869 г.) инициаторами явились чиновники, учителя гимназии и семинарии, домовладельцы и т. д. Эта именно группа служилой интеллигенции должна была в особенности чувствовать гнет дороговизны жизни, который нельзя было осилить скромным жалованьем, эта же группа могла лучше других воспринять идею кооперации.

Могли ли, однако, все эти общественные элементы, принимавшиеся за организацию потребительских обществ, вынести кооперативную идею и упрочить кооперативное движение? О «г.г. предводителях дворянства, председателях земских управ, городских головах, мировых посредниках и исправниках» говорить не приходится; их «просвещенное» отношение к кооперации не могло выдержать конкуренции социальной связи их с купечеством, и при всяком столкновении интересов потребителя с интересом торговца—активное содействие отдавалось последнему и земскими, и городскими управами, и полицейскими участками. Но и служилая интеллигенция не могла быть движущей силой кооперативного движения. Она находилась, конечно, как это было

---

[1]) См. В. И. Марков, Пионеры южно-русской кооперации, Харьков, 1919 г., стр. 8.

в Чернигове, «под гнетом двух—трех богатых местных купцов, захвативших в свои руки почти всю торговлю города» [1]). Но для того, чтобы дать организованный отпор капиталу, требуется и еще кое-что другое. Немцы прибалтийских городов имели за собой навык общественной самодеятельности, который они веками приобрели в торговых гильдиях, цеховых организациях, кооперативно-сословной организации городского населения. Наше городское население, даже в его более культурных слоях, продолжало оставаться распыленной обывательской массой, не прошедшей никакой общественной школы, не приученной к организованным формам общественной деятельности. Чуждо ей было и то увлечение идеей, какое если и не может преодолеть неблагоприятной общественной обстановки, то может дать яркие образцы общественного строительства, хотя бы обреченного на неудачу. Мы говорили уже о тех общественно-политических настроениях, которые господствовали в 60-х—80-х годах среди передовых, революционных и социалистических элементов и совсем не давали простора кооперативной работе. Эти идеи и настроения не доходили до среднего городского интеллигента и не владели им. Увлечение планами утопистов-социалистов, находившее сильное отражение в литературе, могло повлечь за собою опыты практического применения идей Сен-Симона и Фурье, но попытки эти не могли быть реализованы в потребительном обществе и принимали форму скромного подвижничества, вдали от общественного шума, на манер опыта Петрашевского [2]).

С другой стороны, русская кооперативная литература того времени скорее отражала смутные настроения кооперативной среды, чем могла бросить в эту среду здоровые кооперативные идеи. Упоминавшийся нами первый кооперативный журнал главную задачу кооперации видел в «составлении сбережения при

---

[1]) «Сборник материалов об артелях» Петерб. отделения Комитета о сельских ссудо-сберег. и пром. товариществах, ч. III.

[2]) Петрашевский—по имени его назван один из первых политических процессов — был последователем Фурье и, задумав в 1846 г. устроить в своем имении своего рода фаланстер, построил одну большую избу, в которой должны были жить все его 40 крепостных крестьян, с общей кухней, с общей мастерской для работ и т. д. Несмотря на все убеждения Петрашевского и всю его пропаганду, крестьяне сожгли избу.

удешевлении покупки необходимых предметов потребления». Журнал выражал сожаление, что в «массе сельских хозяев и фабрикантов» идеи кооперации «воспринимаются все еще медленно», полагая, очевидно, что помещики и фабриканты могут стать носителями кооперативной идеи. Много сделал в то время для кооперации Н. П. Баллин, один из основателей харьковского общества, издатель «Первой памятной книжки русских потребительных обществ» (издана в 1870 г.), ревностный пропагандист кооперации и долголетний ее деятель. Но это—типично русский «самородок», фанатически преданный идее кооперации, но не способный к стройным обобщениям и к активному творчеству. К Баллину критически относились и современники его, находившиеся в курсе кооперативной теории. Составитель общего очерка о потребительской кооперации в «Сборнике материалов», не называя автора, отмечает «Памятную книжку русских потребительных обществ», «которая, кроме существенных недостатков, переполнена такими афоризмами и поговорками, которым место в сборнике анекдотов, а уж, конечно, не в серьезной книге» [1]). Нужно помнить, что Баллин стоял во главе наиболее деятельной группы практиков кооперативного движения того времени, чтобы оценить все скромное влияние кооперативной литературы на судьбу первоначального периода движения. Конечно, появлялись и тогда солидные статьи в журналах, выходили и отдельные книги, серьезно трактовавшие вопросы кооперации,—напр., брошюра Зибера «Потребительные общества», которую с пользой можно прочесть и теперь,—но все это было незначительным, да и не эта литература близко стояла к практике кооперативного движения. Та же литература, которая к нему стояла ближе, отражала все его недостатки и была сама плотью от плоти его.

Понятно, что городское потребительное общество этого времени являет собой вполне печальную картину, в которой, в лучшем случае, можно усмотреть единичные попытки нащупать почву для кооперативного строительства. Мы можем в этом отношении довериться свидетельству современников, которые, как летописцы, сохранили для нас эту картину.

---

[1]) Сборник материалов об артелях, ч. III, стр. 322.

Вот какую характеристику положения дел в первой половине семидесятых годов дает «Сборник материалов» Петерб. отделения Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах: «Возникает общество. Население, кроме купечества, обыкновенно встречает его в высшей степени дружелюбно, даже с восторгом. Члены интересуются и верят в общество, правление горячо берется за дело, со стороны сулят обществу блестящую будущность. Но вот проходит год, два, а иногда только несколько месяцев, и положение совершенно меняется. Члены ругаются с правлением, перестают ходить на общие собрания; члены правления ругаются между собою и орудуют делом как попало. Общественное мнение отшатывается, и вчерашний идеал делается сегодня посмешищем. Правление жалуется на равнодушие членов: члены не собираются на общие собрания, не ходят в склады и не покупают товаров, крупные вкладчики вынимают вклады, а члены, в свою очередь, жалуются на дороговизну и недоброкачественность товаров, на неудобное помещение лавок, на слишком большие расходы, прочеты и потери, на изолированность и самовластие правления, на отсутствие гласности, запутанность счетов. Проходит, говорим мы, год, много два, и смотришь—общество падает, или само ликвидируя свои дела, или погибая «под стук аукционных молотков». Там и сям беспрестанно слышишь и читаешь, что одно общество погибло, другое перебивается, находится в мучительной агонии, третье клонится к упадку» [1]).

Перед нами типичная картина провинциальной бестолковщины и беспомощности. Основали кооператив, внесли пай, а затем разругались и бросили затеянное дело. Тот же источник так формулирует причины, обусловившие неудачи потребительных обществ: «Безучастное отношение членов к делу, переходившее очень скоро в полнейшее равнодушие; непонимание, доходившее часто до крайнего невежества, того дела, за которое взялись; неспособность к общественным делам вообще; неумелость в ведении их; формализм, отчуждение и произвол правлений, непрактичность, нерадение и невнимание их к членам общества». Зибер рекомендовал обществам побольше подражания своему прототипу—

[1]) Сборник материалов, стр. 350.

Рочдэльскому обществу, а также побольше единства и согласия в деле их дальнейшего устройства и совершенствования [1]).

Неудивительно, что большинство из возникших в шестидесятых годах обществ через несколько лет лопнуло, а к началу 70-х годов число вновь возникающих обществ резко падает. Для сколько-нибудь заметного развития потребительской кооперации среди городского населения вообще еще не наступило время.

Но в это же время мы наблюдаем течение, идущее с другой стороны и проявляющее большую жизнеспособность. Характерно, что, устанавливая печальную картину состояния городской кооперации, наблюдатели последней сравнивают ее с кооперативами, основанными «рабочим людом». «В то время,—читаем в «Сборнике материалов»,—когда так плохо идут потребительные общества в среде наших привилегированных сословий, совсем не в том виде представляются наблюдателю те немногие потребительные общества, которые возникли в среде простого народа». Автор не скрывает недостатков и этого рода обществ, но заявляет, что в них «видна жизнь и энергия, а не смерть и нравственное растление». Черниговский корреспондент Петербургского отделения, доставивший материал для «Сборника», заканчивая печальную повесть о черниговском обществе, приходит к выводу, что «единственной порядочной почвой для потребительных обществ в России пока могут служить густо населенные фабричные центры». Зибер, с сочувствием цитируя пожелание «С.-Пет. Ведом.», по адресу общества «Бережливость», перевести склады «по ближе к фабрикам», сам рекомендует русским обществам «позаботиться о привлечении в свои члены простого народа». Очевидно, жизнь уже давала материал и для сравнений, и для такого рода пожеланий.

И действительно, наряду с обществами «привилегированных сословий» существовали общества, возникшие в среде «простого народа». Больше того. В нашей кооперативной литературе уже установлено, что начало потребительской кооперации в России нужно вести не от 1865 г.,—года утверждения устава рижского общества, а от 1864 г.,—года зарождения идеи кооперативной торговли на Кыновском заводе, в Пермской губернии. Первое по-

[1]) Н. Зибер, Потребительные общества, К. 1869 г., стр. 104.

требительное общество возникло в России если, быть может, не по инициативе рабочих, то при их ближайшем участии и содействии, и, во всяком случае, на почве рабочей нужды и рабочей общественности.

Мы не должны, впрочем, строить преувеличенных ожиданий и думать, что эти первые рабочие кооперативы удовлетворят нашим сколько-нибудь скромным кооперативным требованиям. Все в мире относительно, и приведенные выше комплементы по адресу «простого народа» народолюбивых публицистов начала семидесятых годов надо принимать с оговорками. По сравнению с худосочными, лишенными прочной почвы, обреченными на гибель городскими обществами рабочие общества могли много выиграть своей жизненностью и большой близостью к массе. Но и они не были лишены крупных недостатков и—что самое главное—даже в лучших своих образцах не были безупречными кооперативами. Они были такими, какой была сама рабочая масса.

2.

Припомним сказанное выше: первые десятилетия пореформенной России были временем процесса образования, сложения рабочего класса. Обезземеление крестьянства, расслоение деревни, разложение кустарных промыслов, благодаря росту крупного фабричного производства,—все это выбрасывало на рынок новые рабочие слои, которые далеко не поглощались развивавшейся промышленностью. Заработная плата, повышавшаяся в крепостную эпоху, после отмены крепостного права падала [1]). Положение рабочих в эту первую стадию капиталистического развития близко к положению бесправных рабов. Низкая заработная плата, сбиваемая сильным предложением свободных рабочих рук, безграничная продолжительность рабочего времени, всесилие и произвол предпринимателей, условия полицейского государства, лишающего рабочего всякой возможности самозащиты, низкий уровень сознания рабочих, еще придавленных крепостными традициями и пережитками,—такая социальная обстановка могла,

[1]) Туган-Барановский, Русская фабрика, 3 изд., 1907 г., стр. 437.

конечно, создать почву только для самой жестокой эксплоатации труда беспросветной жизни рабочего. Всеми этими чертами характеризуется положение труда уже в первую половину шестидесятых годов. «Здесь,—пишет, напр., Флеровский о промышленных губерниях,—со всех сторон слышим жалобы на недостаток работы и на ее невыгодность, здесь ненавидят машины за то, что они уменьшают количество заработков и переносят доход в сферу капиталистов, здесь ненавидят капиталистов, если они понижают заработную плату» [1]). Везде на фабриках и заводах, по словам Флеровского, «рабочий поставлен в такое положение, что он не может существовать своими заработками, хотя производительность его была бы достаточной для роскошного содержания; вследствие недостаточных заработков, дурной расплаты и обсчитывания, он везде погрязает в долгах». Ярославский статистический комитет нашел образцовым положение рабочих на фабриках, где мужчины, женщины и дети работали по четырнадцать с половиной часов в сутки и жили в казармах. «Капиталисты,—рассказывает в другом месте Флеровский,—беспрепятственно делают все, что хотят, и противодействие им со стороны властей—величайшая редкость. Рабочий должен позволять себя обсчитывать, брать товар вместо денег, работать иногда по шестнадцати часов и до окончательного изнурения сил, он может окончательно изнурять работой свою жену и детей». За самые тяжелые работы в ужасающих условиях чернорабочему платят «иногда не только не выше, но ниже средней платы фабричному работнику, на них нередко кидаются работники, разоренные и которым нужны во что бы то ни стало деньги для уплаты долгов и недоимок. Они стараются при этом сделать всю возможную экономию, и весьма часто случается, что работники, которые зарабатывают таким образом до шестидесяти копеек в день, в то время как обыкно-

---

[1]) Положение рабочего класса в России, Спб. 1869 г., стр. 357. Флеровский рассказывает о своих встречах с рабочими: Внезапно смуглый парень резко повернулся и сказал, указывая пальцем: вон он, злодей-то идет». Я посмотрел по этому направлению и не увидел никого, но я догадался: слова эти относились к пароходу. Неужели здесь существует ненависть против машин, подумал я, и вскоре убедился, что действительно существует» (стр. 353).

венная плата от 15 до 20 к., постоянно едят один только черный хлеб и пьют одну воду» [1]).

На Урале, где впервые зародилось наше кооперативное движение, положение труда было не лучше, но многим хуже, чем в прочих местах промышленной России. Заводы до падения крепостного права здесь работали трудом крепостных, прикрепленных к заводу (т. н. поссессионных). Уральские горные заводы снабжали железом не только Россию, но и вывозили его в большом количестве за границу, где, напр., в Англии, оно считалось первосортным. Все уральские горные заводы находились в руках крупного дворянства, во главе которого стоял гр. Строганов. Во времена Екатерины II на заводах было занято свыше 25 тысяч крепостных, а вольных рабочих совсем не было. Освобождением крестьян эта дворянская клика воспользовалась для того, чтобы не выпустить из своих рук дешевой рабочей силы. Если при осуществлении реформы 19 февраля 1861 года крепостникам вообще не удалось добиться освобождения крестьян без наделения их землей, то уральским крепостникам это удалось провести, по крайней мере, поскольку это нужно им было для их заводов. Сельское население Урала при освобождении было приравнено к прочему крестьянству, т.-е. получило тот или иной земельный надел. Заводские же мастеровые получили только усадьбу и по 1 десят. земельного надела, при чем к мастеровым было приравнено почти все горнозаводское население Урала. Эта земельная экспроприация крестьянства обеспечила заводы дешевой рабочей силой. Обезземеленное горнозаводское население, хотя и юридически свободное, осталось прикрепленным к заводам, потому что нужда гнала его на продажу своей рабочей силы, а найти работу в этом крае, удаленном от промышленных центров, больше нигде нельзя было. Общая обстановка заводской жизни, поэтому, изменилась мало. Флеровский определяет заработок заводских рабочих Пермской губернии в 20 коп. в день или в 4 р. 80 коп. в месяц, заработок детей понижался до 2 р. 50 коп. в месяц. Такая плата, на которую без подспорья земельного хозяйства должен был существовать рабочий, недалеко ушла от крепостного вре-

[1]) Флеровский, стр. 362. См. также М. Балабанов, Очерки по истории рабочего класса в России, ч. II, гл. V.

мени, когда рабочий имел для своего пропитания 3½ коп. в день, в большинстве же случаев мог тратить на себя и на каждого члена своей семьи не более чем 1½—2 коп. в день [1]). Остались и другие формы жестокой зависимости заводских рабочих, только власть помещиков заменилась властью капиталистов и горных чиновников, охранявших интересы капитала. «Произвольная власть горных чиновников над крестьянами и рабочими была так велика,—рассказывает Флеровский,—что она вполне равнялась помещичьей; крестьяне так мало видели разницы между помещиком и горным начальником, что они горного начальника называли своим барином, точно так же, как крестьяне помещика». Нередки были случаи, когда заводовладельцы платили чиновникам постоянное жалованье—по рублю с таких-то рабочих, по три—с других, чтобы заставить их верно служить себе. И власть служила капиталу ревностно, не упуская ни одного из крепостных способов воздействия на рабочих, вплоть до наказания розгами!

Что же могли горнозаводские рабочие противопоставить этой каторжной жизни? Традиции «вольной» жизни были прочны на Урале. Еще при крепостном праве на заводах часто происходили волнения рабочих; в дни Пугачевского бунта рабочие принимали деятельное участие в восстании, поддерживая, между прочим, работу на заводах.

Дух протеста не исчез и сохранился,—Флеровский, между прочим, свидетельствует, что в середине 60-х годов «фабричное население оставалось недовольным и ожесточенным» и «для поддержания порядка в Пермской губернии необходимо держать там на каждых двух фабричных рабочих по одному солдату или казаку». Но от такого недовольства и ожесточения до сколько-нибудь организованной борьбы было еще далеко. Заводские рабочие многими головами стояли выше окрестного крестьянства,—«они лучше нас»,—говорили о них крестьяне [2]). Рабочая масса, конечно, чувствовала гнет капитала, ненавидела насильников, искала лучшей жизни. Но она еще даже не приблизилась к сознанию, что ее интересы, как класса, противоположны интересам класса капиталистов и что для борьбы за лучшую жизнь

---

[1]) Флеровский, стр. 334.
[2]) Флеровский, стр. 332.

нужны не вспышки-бунты, а планомерная борьба соединенными силами рабочего класса, который создает для этой борьбы свои боевые классовые организации и завоевывает право на эту борьбу в классовом государстве. В уровень с этим и самое представление о лучшей жизни остается смутным и не выходит за пределы мечты о «хорошем» царе и чиновниках, которые не берут взяток [1]). Рабочая масса, еще только строящаяся в ряды, нерешительно вступающая в экономическую борьбу, лишенная организованности в условиях самодержавного порядка, должна была пройти еще долгий путь, чтобы стать классовой силой и развить все стороны рабочего движения. И если она могла проявить начатки общественности, организованной самодеятельности, то это было лишь весьма скромным и несовершенным счастливым исключением при общем правиле пассивности и общественного безразличия.

Ничего, таким образом, сверхъестественного нет в том, что на глухом Кыновском заводе идея кооперации зародилась раньше, чем в шумном Петербуге, или почти ондовременно с последним. И там, и здесь—в столице и в уральской заводской глуши—это были только первые попытки, первые робкие шаги кооперативного движения. Но было и одно различие. Там, в столице, за дело брались «привилегированные», брались неумело за готовую кооперативную форму, без всяких исканий, строили дело в обстановке, еще не созревшей для кооперативной взаимопомощи. Здесь, на Кыновском заводе, шли, подгоняемые нуждой, своим путем, прежде чем дошли до потребительного общества. Идея кооперации настолько соответствовала рабочей среде, что созрела раньше, чем кооперативная форма.

3.

Посмотрим, как складывались первые рабочие кооперативы в этот первоначальный период нашего кооперативного движения.

---

[1]) Флеровский рассказывает об одной беседе с рабочим: «Я встретил одного рабочего, который собирался бежать в «Швейцарскую демократию», он представлял себе неопределенно, что там хорошо жить рабочему, но воображал, что там существует царь, у которого есть генерал-адъютанты, не берущие взяток, и которые поэтому защищают рабочий народ от притеснений (стр. 354)

Кыновский завод стоит на берегу реки Чусовой и в те времена находился в самой глухой местности: ближайшим городскими пунктами к нему были Кунгур, расположенный в 125 верстах, и Кувша— в 90 верстах. Сообщение с внешним миром, в том числе торговым, поддерживалось рекою на барках, а в долгие зимние месяцы по малоудобным проселочным трактам. Жителей на Кыновском заводе насчитывалось всего 2.500 человек и все они так или иначе работали на заводе, принадлежавшем Строганову. Как и все прочее горнозаводское население Урала, кыновцы жили на заводские заработки, так как земли не имели, стало быть, не имели и других доходов. Заработки эти колебались от 5 до 30 рублей в месяц, при чем последнюю, более высокую плату получали лишь некоторые служащие, прочие должны были существовать на скромный бюджет, экономя каждую копейку, чтобы свести концы с концами. Заброшенностью завода, отдаленностью его от торговых пунктов пользовались, конечно, торговцы, которые продавали рабочим скверные товары, наживая на них до 100%.

В 1864 году среди заводских рождается мысль о противодействии местным торговцам. Начали с чая, который им продавали дурного качества—вероятно, потому, что при скромном бюджете и при слабом питании хотели получить, по крайней мере, хороший чай,—отнюдь не роскошь в обиходе уральского рабочего. Потолковали, собрали некоторую сумму денег и выписали чай из Москвы и Нижнего-Новгорода. Первой попыткой остались довольны и затем стали закупать в Нижнем, помимо чая, также много других товаров.

Никакой продажи закупленных товаров на первых порах не было. Полученный товар просто делился между теми, кто участвовал в коллективной закупке. Только в 1867 году, по инициативе служащего завода Рогова, устраивается общественная лавка, без излишних формальностей, без устава. При основании лавки товаров было закуплено на 2.728 рублей. Продажная цена товаров была сперва назначена пониженная, а затем с надбавкой в 10%, которая шла частью на образование запасного капитала, частью—на покрытие расходов. Несмотря на надбавку, цены все же значительно понижались: мука раньше продавалась по 5 коп., теперь — по 3½ коп., сахар вместо 35 —

40 коп. фунт, стоил 23—21 коп., ситец, вместо 14—30 коп. аршин,—8—22 коп. и т. д.

До сих пор инициатива кыновцев еще не вылилась в форму кооператива.. Никакой организации еще не было, не было и органов управления. Для заведывания лавкой избирался распорядитель, который и вел все дела. Это не был служащий, и от выборного распорядителя не требовалось, чтобы он отдавал лавке все время: он торговал в свободное время, от 2 до 5 час., и получал за это вознаграждение в размере 1% с выручennой суммы. Отчетность по лавке составлялась раз в месяц.

При таком осторожном и скромном ведении дела лавка работала хорошо, операции расширялись. Но скоро почувствовался недостаток средств в сравнении с теми потребностями, которые нужно было удовлетворить.. И тут кыновцы совершили кооперативное грехопадение: они обратились за помощью к владельцу завода Строганову, который и дал им в ссуду на неопределенное время 6.000 рублей. Мы не знаем, чем руководствовались они, когда делали этот шаг, понимали ли они, что могут поставить все свое предприятие в зависимость от завода, от предпринимателя; задумывались ли над тем, что могут лишить свою организацию свободы и независимости от капитала. Во всяком случае, ссуду они получили в 1868 году и, поправив дела, а быть может, заручившись содействием заводоуправления, вздумали превратить общественную лавку в правильный кооператив. Устав Кыновского общества был утвержден в 1870 году, и ссуда, данная Строгановым, в нем показана, как единственный капитал общества.

В защиту кыновцев, однако, можно сказать, что они старались обезвредить полученную ими от завода ссуду. Члены общества приняли на себя ответственность за сохранность этого капитала, разделив его на т. н. ответственные паи, а к 1879 году ликвидировали задолженность заводу. Вместе с тем, с самого начала постановлено было отчислять из чистой прибыли 50% в основной неприкосновенный капитал и 50% номинально делить между членами сообразно числу ответственных паев и сумме закупок из лавок общества, считая их как бы членскими вкладами, которые, однако, не подлежат выдаче до 1881 года. Это дало возможность уплатить долг заводу, но этим самым общество вводило в практику основное кооперативное правило: выдачу диви-

денда, прибыли по забору. С самого начала пришло оно к признанию и другого правила: продажа только за наличные, но не в кредит. Последнее обстоятельство особенно характерно в том отношении, что предохранило общество от худшей формы зависимости от завода. Обычная практика прикрепления рабочих к потребительской лавке и потребительской лавки к заводу, путем продажи по талонам с удержанием платы из заработка, не могла иметь места, раз товары продавались только за наличные, а не в кредит.

С утверждением устава и образованием кооперативного общества лавка еще более расширилась. В 1867 г. было продано товаров на 2.828 рублей, в 1868 г. (год получения ссуды от завода)—на 11.236 р., в 1869 г.—на 15.380 р., в 1871 г. (первый операционный год кооператива)—на 23.925 р. Чистой прибыли было получено в 1869 г.—1.370 р., в 1871 г.—3.247 р. или 4,6%. Лавка кооператива торговала, разумеется, не сардинами и вином, как лавка «привилегированных кооперативов, а предметами первой необходимости: мукой, крупой, мясом, рыбой, горохом, простой мануфактурой, готовым платьем, чаем, сахаром, при чем чаем ценою не свыше 1 р. 50 к. фунт и развеской от 1 фунта до $^1/_{16}$ ф., в количествах, доступных мелкому потребителю.

Дело велось экономно, и главная часть расходов падала на выписку и доставку товаров, в особенности на последнее, так как товары закупались в Перми и Нижнем. Прочие же расходы были достаточно скромны, так что на вознаграждение служащих было, например, израсходовано в 1870 году 298 руб. или около 2% с выручки, в 1871 г. при продаже товаров на 23.925 руб на жалованье приказчикам ушло 522 руб., а на вознаграждение секретарю 39 руб. Вознаграждение правления было минимальным: на первых порах три выборных члена правления получали по 10 коп. за час времени, проведенного ими в лавке по делам общества, а секретарь для ведения переписки и счетов получал по 2 руб. в месяц. Прием новых членов производился сначала общим собранием, а потом—правлением.

Были, однако, в деятельности общества и темные пятна. Самое крупное из них—ограниченное число членов: в 1870—71 г. было всего 49 членов, в 1875—76 г.—53, в 1880—81 г.—47. В 1874 г. было постановлено взимать с вновь поступающих чле-

нов, сверх платы за ответственный пай, еще «входную» (т.-е. вступную) плату в размере 10 руб., а через три года—в размере 25 руб., устав же общества вообще предусматривал прекращение приема новых членов сверх определенного числа. Очевидно, это не была массовая организация, но лишь организация избранных, заводской «аристократии», которая не была чужда желания замкнуться в узкий круг и не дать всем доступа в общество. Массовым кыновское общество,—просуществовавшее до последнего времени,—становится лишь в позднейшее время, с начала девяностых годов, когда число членов его достигает нескольких сот. Широкое массовое рабочее движение исправило грехи молодых лет общества.

С другой стороны, далеко не последовательно проводились правильные кооперативные принципы. Кыновцы признали выдачу прибыли на забор, но одновременно еще в большем проценте выдавали прибыль на пай. Допускалось отступление от правила продажи за наличные, и к восьмидесятым годам задолженность членов достигала 70% паевого капитала. Практиковалась и продажа товаров по ордерам заводоуправления, окончательно исчезнувшая в 1904 году.

Мы не знаем в точности, в какой обстановке приходилось работать кыновским «пионерам», как велико было давление на них со стороны заводоуправления, строили ли они и в какой мере свою кооперативную политику в зависимости от последнего, или таково было их собственное понимание задач кооперации. Во всяком случае, темные стороны деятельности их не должны нас подтолкнуть на неправильную историческую оценку этого первого опыта рабочей кооперации. Исторически характерным, отличным остается не превратное понимание кооперативных принципов, а самое их признание, хотя бы и в несовершенном виде, как совершенно особыми были и пути, по которым кыновцы шли к образованию кооператива. Для них это не была идея, принесенная из Германии, как в Риге, навеянная литературой, как в Петербурге, или сразу, в готовом виде доступная для понимания, как для служилой интеллигенции. В Кынове начали не с устава-образца, не с выборов правления, не с широких планов кооперативной работы.

Здесь инициатива принадлежала нужде, жизненной необходимости, тяжелой доле заводского населения глухого угла. Купцы дерут, заработка не хватает на жизнь—попробуем сообща закупить товар и распределить его между закупщиками. Такова первая мысль, первая попытка ослабить гнет рынка. Общественная лавка—вторая мысль и вторая, более совершенная попытка. Мысль медленно, но упорно пробивается через житейскую обстановку, проходит свои этапы: в 1864 г. начата совместная закупка, в 1867 г. открыта лавка, в 1868 г. получена ссуда, в 1870 г. получен утвержденный устав кооператива. Почти четыре года—с 1864 г. по 1868 г.—пытаются собственными силами справиться с делом и поставить его на ноги без помощи заводоуправления. Шесть лет проходят в работе без оформленной организации. Общегражданские общества того времени успели бы за это время десятки раз переругаться и прекратить свое существование. Настойчивость и упорство кыновцев, очевидно, находили свой источник в экономической необходимости, в условиях заводской жизни, которые не давали материала для беспочвенных ссор, но настоятельно требовали так или иначе ослабить нужду потребителей. И именно связанностью с реальной обстановкой рабочей жизни объясняется движение ощупью к правильным кооперативным принципам.

Кыновцев не сравнить, конечно, с рочдэльскими ткачами, давшими миру новое построение кооперации. Но ведь рочдэльцы не жили на реке Чусовой, от которой 125 верст нужно было скакать до ближайшей городской глуши. Они не были еще только вчера освобожденными от крепостной зависимости и их не имели права пороть горные начальники. Они жили в промышленной Англии, знали прошлое борьбы и объединений, среди них были люди, находившиеся под влиянием социализма. Кыновцев сближала с рочдэльцами обстановка рабочей жизни с ее нуждой, с ее необходимостью взаимопомощи, с ее предпосылками к общей борьбе, к объединению потребителей, в частности, и притом к такому объединению, которое приносило бы реальную пользу, давало бы себя чувствовать, усиливало бы стойкость потребителей,—стало быть, отвечало бы запросам самого широкого рабочего круга потребителей. Рочдэльцы дали миру свои знаменитые правила; кыновцы всего лишь дошли до мысли, что больше отве-

чает интересам рабочих продажа за наличные, как бы заманчив ни был кредит, что выдача прибыли по забору—наиболее правильная форма распределения кооперативной прибыли, но, дойдя до этих мыслей, не были в силах полностью применить их к жизни. Но и от рочдэльской лавки не сразу родилась рабочая кооперация. И стоит вспомнить практику общегражданских кооперативов того времени, столь далекую от рочдэльских правил, тогда уже достаточно известных, стоит знать невысокий уровень тогдашней кооперативной литературы, чтобы признать за первыми шагами кыновцев при всех их несовершенствах бесспорное историческое значение, а несовершенства эти отнести на счет общих жизненных условий того времени, одинаково неблагоприятных для развития кооперации и в рабочей, и в нерабочей среде.

Кыновский пример тем более поучителен, что он, повидимому, не единственный. До нас дошло очень мало сведений о первых рабочих кооперативах, и возможно, что и в других местах шли таким же путем, но всего его не прошли. По крайней мере, мы имеем еще один случай, в некоторых своих чертах совпадающий с кыновским.

В 1864 году, т. е. в тот же год, что и в Кынове, была сделана попытка организации кооператива на Петровском заводе, в Забайкальской области [1]). Попытку эту связывают с влиянием декабриста Горбачевского, который по отбытии тюрьмы прибыл на завод на поселение. Нужно думать, что отношение Горбачевского к попытке этой было отдаленное и сказалось в том, что при его посредстве проникли на завод некоторые статьи о кооперации. Поводом к предложению объединить потребителей послужила дороговизна мяса. Население чувствовало эту дороговизну сильно, но само в темноте своей додумалось до выселения с завода евреев, торговавших мясом. В противовес такому плану выдвинута была идея организации общественной лавки. Один из инициаторов, Першин, предложил заводскому обществу открыть лавку для торговли мясом и другими продуктами. Вклады предполагались в размере до 5 руб., для ведения дела должны были быть избраны два человека с оплатой по 10 коп. с рубля оборота, а для контроля—ревизионная коллегия в составе 4 или 5 лиц.

---

[1]) См. «Союз потребителей», 1916 г., № 44.

Заводское общество этот план приняло. Всего собрали свыше тысячи рублей, при чем по 50 рублей дали управляющий завода и комендант. Внесли взносы и купцы (кто по 100 и 200 руб.), так как и им улыбалось дешевое мясо. С покупки мяса и начали. Закуплена была партия быков в 75 голов и открыта была продажа мяса. Цена сразу пала с 8 коп. до 5 коп., а затем и 2¾ коп. за фунт. С апреля по октябрь оборот превысил 9.000 рублей и с него сделано было отчисление на открытие училища в размере 1%. В сентябре произвели расчет с вкладчиками и думали уже о большой заготовке мяса, для которой требовалось 20 тыс. рублей. Но на этом дело и закончилось. Денег таких не собрали, и торговлю прикрыли.

Таким образом, дело ограничилось кратковременной продажей мяса в общественной лавке. Но интересен в данном случае именно этот исходный путь, сближающий петровский опыт с кыновским. Здесь тоже начали с простого, элементарного, доступного восприятию массы, но на этом элементарном дело и замерло. Самое возникновение мысли о кооперативной торговле и первые шаги ее осуществления показывают заметное воздействие заводской жизни. Возможно, что при более активном участии заводским в организации лавки дело велось бы с большей выдержкой и закончилось бы, как в Кынове, организацией кооператива.

Мы имеем, впрочем, еще другой типичный случай законченного и так сказать, самопроизвольного образования рабочего кооператива. В конце 1871 года 74 мастеровых и рабочих вагонного отделения Александровского механического завода (в Петербургской губ.) задумали открыть собственную торговлю, собрали 3.000 рублей и организовали кооператив «Общая Польза» с утвержденным уставом. Петербургским рабочим, как видно, не приходится начинать с совместных закупок—они уже имели перед собой в Петербурге же действующие потребительные общества. Но характер рабочего кооператива, конечно, существенно отличается от столичных образцов. «Общая Польза» торгует предметами широкого потребления—мукой, крупой, солью, картофелем, чаем, сахаром, каменной посудой, бумагой, чернилами и т. п. Выгодно отличается «Общая Польза» от «привилегированных» обществ и тем, что ближе подходила к правильной постановке кооперативной торговли. Так, она обращалась к петербургскому обществу «Бережли-

вость» с предложением совместной закупки товаров оптом и из первых рук. Однако, «Бережливость» не отнеслась к этому предложению серьезно, и соглашение не состоялось.

В делах «Общей Пользы» непосредственное участие принимали рабочие, члены общества. Интересен отзыв об обществе, данный автором отчета о нем в «Сборнике материалов». «Рабочие,—читаем мы в этом отчете,—все более и более верят в свое дело и плотнее связывают с ним свои интересы. Скромные и робкие вначале, они были неузнаваемы, когда мы были у них в прошлом году, и смотрели на нас с сознанием собственного достоинства. Кто их видел вначале, тот бы их не узнал теперь. И действительно, поставить такое дело на ноги при грошевых средствах, без всякой внешней помощи, единственно личными усилиями,—это заслуга, которой можно гордиться, в особенности в то время, когда потребительные общества в среде наших зажиточных классов идут так плохо. Кроме нужды, этого весьма серьезного двигателя рабочих, мы должны совершенно беспристрастно высказать, что рабочие классы в общественных делах проявляют гораздо более практического такта и сознания своих интересов, чем лица «привилегированных сословий» [1]). Мы можем этому «совершенно беспристрастному» свидетельству поверить. В то время как общество «Бережливость», относившееся свысока к рабочим и игнорировавшее их интересы, закончило свою жизнь «под стук аукционного молотка», «Общая Польза» поставила свое дело так, что уже с первого месяца стали окупаться все расходы по содержанию лавки, а при разверстке прибыли многие из членов получили рубль за рубль своих вкладов. Вся постановка дела общества говорит о жизненности организации, а то обстоятельство, что рабочие оперировали своими средствами, без помощи со стороны, свидетельствует об известной степени независимости кооператива.

Однако, и в деятельности этого общества были недостатки, более крупные, чем в Кыновском обществе. «Общая Польза» оставалась организацией избранных, немногих: число членов не достигало и сотни. Устав допускал неограниченное число паев, ограничивал права вкладчиков, имевших менее 25 полных паев,

[1]) Сборник материалов, стр. 301.

предусматривал поступление в запасный капитал 10% прибыли посторонних покупателей и «частных пожертвований», под которые могли подойти и ссуды заводской администрации. Товары продавались по пониженной цене, хотя и с большой надбавкой. Общество допускало выдачу книжек на забор товаров в кредит не членам, знакомым членов, с ручательством последних, при чем прибыль выдавалась только членам, которые, таким образом, играли роль своего рода торговых посредников, извлекающих выгоду от привлечения рекомендованных ими покупателей.

Все это, конечно, умаляет добрую память о первых рабочих кооперативах. Пример Кыновского общества и «Общей Пользы» Александровского завода показывает, что в кооперацию тогда шли и ею интересовались только верхние слои рабочих, лучше оплачиваемые, и служащие, но не наиболее сознательные и политически-передовые. Создавая кооператив в интересах своих же, рабочие все же поддавались общему духу пониженной общественности, отдавали более чем дань эгоистическим побуждениям, не раскрывали широко дверей организации перед рабочей массой, не звали ее в кооперативы, чтобы воспитать ее и вместе с ней творить общее дело, но замыкались в узкий круг и в самом же уставе строили рогатки для наименее обеспеченных слоев рабочих.

И все же это—лучшие общества того времени. Стоит немного отклониться в сторону от этих образцов, и наблюдению представится другая картина — зависимых фабрично-заводских обществ, с которыми мы познакомимся в дальнейшем изложении.

Вот потребительное общество Невского механического завода, находящееся в самом близком соседстве с «Общей Пользой» Александровского завода, в 1½—2-х верстах, и возникшее одновременно с ним. Об этом обществе мы читаем, что когда рабочие задумали устроить «артельную лавку», «хозяева завода не только отнеслись к этой мысли с сочувствием, но даже оказали рабочим весьма важное материальное содействие, дав им ссуду в 20 тыс. рублей с условием погашения этой ссуды в течение 15 лет». Администрация завода шла еще дальше навстречу обществу и приставила к нему 12 артельщиков, которые следили за тем, чтобы не производили расчета с рабочими, задолжавшими обществу. Общие собрания происходили редко, раз в год;

когда дела общества поправились, оно совсем прекратило прием новых членов. А в довершение всего делами заведывал единолично председатель общества, он же управляющий заводом, Самарин, имевший в том же с. Коломенском свою лавку. Этот управляющий заводом и председатель получал от общества жалованье 100 рублей в месяц и так повел дело, что общественная лавка не только не подорвала его лавку, но содействовала ее процветанию, товар в общественной лавке продавался Самариным дороже, чем в его, Самарина, лавке, и качеством хуже. Тут уже совсем трудно разобрать, кто кому служит—кооператив заводу или завод кооперативу, Самарин кооперативу или кооператив Самарину.

Таковы были многочисленные общества, находившиеся бок-о-бок с Кыновским и с «Общей Пользой». Рядом, но точно на двух различных полюсах. В одних бьется жизнь и делаются усилия, чтобы нащупать новые пути. В других—апатия рабочих при энергии заводоуправления, мерзость запустения и надувательство. Очевидно, мы имеем дело с тем же процессом, какой видели на примере общего состояния российской кооперации. Отсталость общественных условий, недоразвитие капиталистических отношений не дают еще здоровой обстановки для кооперативного движения. Общегражданские кооперативы, дав образцы того, как не надо строить кооперацию и до чего можно извратить кооперативные начала, зачахли и в большинстве погибли. Рабочая среда пыталась проявить кооперативное творчество, пробуждалась энергия среди немногих, но здоровые ростки тотчас же заглохли и заглушены были тою же обстановкой социальной отсталости. Кооперативной формой овладели не рабочие, а капитал.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

КООПЕРАЦИЯ НА СЛУЖБЕ У КАПИТАЛА.

1.

«В нашей промышленности преобладает патриархальный склад отношений между хозяином и работником,—писало министерство финансов фабричным инспекторам в секретном циркуляре от 5 декабря 1895 года.—Эта патриархальность во многих случаях выражается заботами фабриканта о нуждах рабочих и служащих на его фабрике, в попечении о сохранении лада и согласия, в простоте и справедливости во взаимных отношениях. Когда в основе таких отношений лежит закон нравственности и христианского чувства, тогда не приходится прибегать к писанному закону». «В России, к счастью, не существует рабочего вопроса», продолжало министерство и выражало надежду, что его и не будет, «если рядом с проведением заботливости фабрикантов к благополучию рабочих» фабричный инспектор приложит « с своей стороны все старания к утверждению законности и нравственного долга среди рабочих» [1]).

Это было, конечно, фарисейство, навеянное министерству финансов богопослушным синодом и в такой высокой мере свойственное царскому правительству, которое для лучшего закрепощения народа всегда хотело изображать его глубокопатриархальным и преисполненным «христианского долга» преданности царю-батюшке и отцу-хозяину. «Рабочий вопрос» существовал

---

[1]) Озеров, Политика по рабочему вопросу за последние годы, М. 1906 г., стр. 24—52.

уже тогда. Всего через два с лишним года само же правительство должно было это признать. Командированный в Ярославскую, Костромскую и Владимирскую губернии для выяснения причин стачек генерал-лейтенант Пантелеев пришел в составленной им записке к заключению, что повторяющиеся все чаще и чаще волнения рабочих и забастовки объясняются «исключительно тяжким и безвыходным положением фабричного населения, среди которого многие могут быть доведены эксплоатацией фабрикантов до полного озлобления, и через то поддаться противоправительственной пропаганде», а это представит «в ближайшем будущем для нашего отечества, при быстром росте в нем промышленной деятельности, а с ней фабричного населения, трудно излечимую язву, обострив фабрично-заводский вопрос до крайних пределов» [1]).

Правительство пришло к такому выводу после массовой и настойчивой стачечной борьбы, которую в 1896—1897 г.г. вели рабочие петербургского и московского районов и которая привела к изданию в 1897 г. закона об ограничении продолжительности рабочего времени. Еще раньше, в начале восьмидесятых годов, прошла волна забастовок,—из которых, в особенности, крупное значение имела морозовская стачка 1885 г., значительно более скромная по размеру, чем забастовки середины девяностых годов, но уже вскрывшая наличность «язвы» и заставившая правительство внести в 1886 г. ряд изменений в фабричное законодательство. Никакого «закона нравственного и христианского чувства» в отношениях между трудом и капиталом, разумеется, не было, но бесспорно царила самая жестокая патриархально-кабальная зависимость рабочих от предпринимателей.

Произведенное в конце семидесятых и в начале восьмидесятых годов московским земством обследование санитарного состояния фабрик вскрыло весь ужас беспросветного существования рабочих [2]). На фабриках безудержно эксплоатировался труд детей и

---

[1]) Озеров, стр. 148.

[2]) Сводку данных этого обследования дал Эрисман в «Сборнике стат. сведений по Моск. губ. Отдел санитарной статистики», т. IV, ч. I, М. 1890 г. См. также Дементьев, Фабрика, что она дает населению и что она у него берет, М. 1907 г., и Перфильев, Очерки фабрично-заводского быта в России, СПБ. 1887 г.

подростков: процент занятых в производстве малолетних доходил до 15, подростков—до 28. Продолжительность рабочего времени колебалась между 12—14 часами в сутки, при чем нередко эта продолжительность поднималась до 16, 18 и даже 19 часов. При восьмичасовых сменах работали по 16 часов в сутки, да еще в ночное время. На фабриках с ночным трудом работа под праздники оканчивалась не в канун праздничного дня, а утром в день праздника, так что для отдыха оставались только день и ночь, в то время как в предприятиях, ночью не работавших, на отдых приходилось две ночи и день. На большинстве суконных фабрик московского уезда рабочим, после утомительной ночной работы, давалось на сон 3½ часа, затем их будили на полчаса для того только, чтобы машины не стояли, после этого они снова получали для сна 3½ часа.

При таких кошмарных условиях работы средний заработок рабочих, живших на своих харчах, составлял в 1884—1885 г.г. в московском районе для мужчин 13 руб. 75 к., для женщин 10 р. 97 к. и для малолетних 5 руб. Неудивительно, если рабочие жаловались, что всего их заработка едва хватает на одни харчи, да еще при голодном существовании.

Однако, для патриархально-кабальных отношений характерна не только эта безграничная эксплоатация чудовищно-долгим рабочим днем и нищенской платой. Пользуясь зависимостью существования рабочего от фабричной работы, его темнотой и малой способностью к сопротивлению, капитал старался всячески прикрепить рабочего к предприятию и поставить его в такие условия, чтобы и душа и тело рабочего ему принадлежали и чтобы выжать из рабочего можно было все, что поддается выжиманию — не только из работы его на фабрике, но также из жизни вне фабричного труда.

Все условия быта рабочего, в особенности низкий уровень платы, толкали его на кабальную зависимость от капитала. Нищенская заработная плата выдавалась к тому же в неопределенные сроки, как это удобнее было предпринимателю. Вначале закон совсем не устанавливал сроков выдачи заработной платы, а позже сроки эти хотя и были указаны в законе, часто совсем не соблюдались. Рабочий не мог рассчитывать, когда он получит плату, и с этим соразмерить свои расходы. Он должен был жить

в долг, прибегать к кредиту даже в удовлетворении своих каждодневных потребностей в хлебе. Он не мог свободно распоряжаться собой, как потребителем, и должен был стать в кабальную зависимости от того, кто откроет ему кредит.

Фабрикант без труда сообразил, откуда получить новый источник дохода и с какой стороны можно еще покрепче прикрепить рабочего к предприятию. Если частные торговцы наживают на рабочих ростовщические проценты, то такие пути не закрыты и для фабриканта. Если рабочий привязан к фабрике продажей своей рабочей силы, то он может быть прикреплен к ней также и покупкой продуктов потребления, необходимых для поддержания этой рабочей силы. Отсюда простой вывод о бесспорной выгодности для фабрики самой организовать снабжение рабочих продуктами потребления, открыть свою фабричную лавку.

Фабричные или харчевые лавки существовали на многих крупных и даже мелких фабриках и, как общее правило, создавались исключительно для того, чтобы нажить новую прибыль. «Забор из фабричных лавок нередко прямо обязателен для рабочих, — читаем, например, в своде московского обследования за конец 70-х и начало 80-х г.г., — так, например, в Вознесенской мануфактуре забор провизии производится рабочими исключительно и обязательно из фабричной лавки; то же самое мы встречаем на суконной фабрике Чернышевых, на всех бумажных фабриках, на бумаго-прядильной фабрике Балина и Макарова, где рабочим запрещается приносить на фабричный двор более или менее значительные количества съестных припасов; на ткацкой фабрике Егорова, по условию, артель обязана брать все припасы в лавке, принадлежащей хозяину, или же там, где он укажет». Обобщая данные других исследователей и свои наблюдения по многолетней деятельности фабричного инспектора, А. А. Микулин дает такую яркую картину роли фабричных лавок в жизни рабочих:

«В громадном большинстве, фабричные лавки являются для владельца фабрики побочным предприятием при фабричном деле, при чем иногда даже трудно различить, лавка ли существует при фабрике, или фабрика при лавке, доставляя последней лишь определенный контингент покупателей, не имеющих права торговаться в цене товара и требовать в нем хорошего качества, а принужденных брать, что дают, и платить, что возьмут. Так было поста-

влено дело на большинстве фабрик, и такой способ ведения дела должен быть признан для владельца до издания закона [1]) нормальным. Фабричные же лавки, созданные деятельностью в интересах рабочих, представлялись тогда исключительными одиночными явлениями. Весьма часто лавки устраивались при фабриках, расположенных в больших городах, собственно без всякой прямой необходимости, и существование их возможно только объяснить желанием фабриканта извлечь из них пользу, а никак не облегчить положение рабочего, так как подобные лавки стояли вне конкуренции с вольными и нисколько не были стеснены в назначении цен на товар» [2]).

«Принимая во внимание,—пишет далее А. А. Микулин,—отсутствие в прежнее время какой-либо правильности или регулярности в расчетах с рабочими и выдаче им денег, что особенно часто практиковалось именно на фабриках, имеющих свои лавки, очевидно, что рабочий волей-неволей должен был получать свой заработок продуктами, имеющимися в лавке, на что ему обыкновенно давался кредит, превосходящий иногда во много раз размер месячного заработка. Нуждаясь иногда в деньгах и не имея возможности получить их из конторы фабрики, рабочий идет в лавку, берет первый попавшийся товар, несет его в ближайший кабак или лавку и продает его за то, что дадут, теряя от 25 до 50% его стоимости против той цены, за которую был ему отпущен. Для того, чтобы у рабочего не было возможности просить у хозяина для себя денег для какой-либо надобности, которую он бы не мог удовлетворить, пользуясь фабричной лавкой, в большинстве лавок, кроме харчевых продуктов, имелись прежде всего самые разнообразные предметы для удовлетворения нужд рабочих, начиная от лаптей, рукавиц, миткаля и ситца, кончая дорогими смазными сапогами, сукном и даже гармониями, при чем во многих случаях цены за товары, не находясь ни в каком соответствии с рыночными, поражали своими высокими размерами. *Для удовлетворения потребностей рабочего в водке ему обыкновенно давалась записка в ближайший к фабрике кабак или трактир*».

---

[1]) Т.-е. закона 1886 г., о котором ниже.

[2]) А. А. Микулин, Фабричная инспекция в России, Киев 1906 г., стр. 74 и след.

Мы имеем здесь правдивую картину положения дела. Нуждаясь положительно в каждой копейке, рабочий вынужден был брать из лавки все, что ему нужно и не нужно, перепродавая за бесценок взятое в лавке, т.-е. еще больше понижать свой заработок, быть в вечной зависимости от лавки и, стало быть, в двойной зависимости от фабрики. Даже водка ему предупредительно давалась в кредит.

Все это делалось ко вреду рабочего, но, разумеется, к выгоде фабрикантов, которая получалась такой несложной операцией, как назначение для лавки цен выше базарных. По словам Микулина, даже на благоустроенных фабриках считалось нормальным, когда доход от лавки составлял 10—12% годового оборота, принимая же во внимание, что затраченный в предприятиях капитал оборачивается в течение года от 4 до 8 раз, доход на затраченный капитал можно принять от 40 до 80%. Считая средний заработок рабочего в 150 рублей в год и принимая переплату рабочего в лавку 12% лишнего, Микулин определяет, что рабочий ежегодно переплачивал фабриканту до 15—20 рублей, т.-е. около 14% своего заработка. Но исчисление это ниже действительного, так как из данных, которые приводит Микулин, видно, что разница в ценах колеблется от 20 до 200% и, стало быть, прибыль, извлекавшаяся фабрикантом, превышала 10—12 процентов.

Само по себе, этого достаточно для того, чтобы понять, почему фабричные лавки получили широкое распространение и почему фабриканты не передавали свое право на эксплоатацию рабочих, как потребителей, частным торговцам. Но был еще и другой смысл открывать лавки, не менее внушительный. Он сводился к тому, что фабрикант не всегда располагал свободными деньгами и свободным капиталом для оборота, а в таком случае, открывая лавку, он, по словам Микулина, «пользуясь сам кредитом у оптовых торговцев, получал возможность вести дело почти при полном отсутствии денег для расчетов с рабочими, так как все потребности рабочего удовлетворяются товаром, полученным самим фабрикантом в кредит». Фабрикант получал, таким образом, двойную выгоду: он наживал прибыль на продаже рабочим товаров и в то же время пользовался при расплате с рабочими кредитом, какого он не имел бы, если бы должен был выдавать плату деньгами.

Рабочие же на всем этом теряли, так как, сверх всего прочего, должны были плату получать натурой, а не деньгами.

Среди рабочих фабричные лавки встречали, конечно, ропот и недовольство. Так, объясняя причины известной морозовской забастовки 1885 г., владимирский губернатор указывает, между прочим, что когда «рабочий идет с харчевым листом в лавку за продуктами, то, зачастую, получает отказ с объяснением, что за ним уже значится перебор, или получает только селедку вместо фунта мяса, так как на последний денег у него не хватает. Расходуя ничтожные, до минимума сокращенные заработки на свое прокормление, значительное число рабочих состоит должниками Морозова и, при таких условиях, по их выражению, находится у него как бы в кабале» [1]). Очевидно, рабочие, говоря о закабалении их Морозовым, указывали также на фабричную лавку, и потому морозовская стачка, приведшая к изданию закона 1886 г. о найме рабочих на фабриках и заводах, имела одним из последствий своих также новую постановку вопроса о фабричных лавках. Непосредственно после ряда рабочих волнений в 1884—1885 г.г., возбуждая вопрос о пересмотре фабричных законов, министр внутр. дел Толстой в письме к министру финансов Бунге указывал, между прочим, что «высокие цены в фабричных лавках и недобросовестность приказчиков вызывают справедливый ропот и недовольство рабочих», а государственный совет в своих мотивах к изданию закона 1886 г. также отмечает, что «возлагаемая на рабочих обязанность приобретать необходимые для них предметы из фабричных лавок и продажа этих предметов по высоким ценам встречаются как заурядные явления».

Закон 1886 г., воспрещающий расплату с рабочими товаром и устанавливающий сроки выдачи заработной платы не менее двух раз в месяц, относительно фабричных лавок постановлял (ст. 28 закона, соответствовавшая ст. 141 уст. о пром.): «в помещении фабрик и заводов, с согласия заведующих оными, могут быть открываемы *лавки потребительных товариществ* для снабжения служащих и рабочих недорогими и доброкачественными предметами потребления. Открытие при фабриках других лавок с той же целью допускается не иначе, как с разрешения фабричной ин-

[1]) Архив истории труда в России, кн. II, стр. 47.

спекции. Расписание, а также расценки или такса предметов, продаваемых из лавок, утверждается фабричным инспектором и вывешивается в лавке». Таким образом, для открытия фабрикантом лавки требовалось разрешение фабричной инспекции и без такого разрешения лавка не могла быть открываема. Исключение, т.-е. свободное открытие лавок, допускалось лишь для потребительных обществ. Но последние, как и фабричные лавки вообще, должны были представлять на утверждение как список продаваемых товаров, так и продажную расценку. Характерно, что эти нововведения закона вызвали недовольство консервативных кругов—до того «патриархальность» въелась в фабричные отношения. Так, близкий к министерству финансов академик Безобразов находил, что постановления закона о фабричных лавках «противоречат самым элементарным понятиям о торговле», и возмущался тем, что фабричная инспекция стала по жалобам рабочих «заставлять фабрикантов исполнять свои требования относительно улучшения качества товаров» [1]).

Закон 1886 г. установил разграничение между лавками фабричными и лавками потребительных обществ при фабриках. Как отразилось это на судьбе фабричных лавок? Многие фабриканты, в виду необходимости получить разрешение на лавку и подчиниться вмешательству фабричной инспекции, свои лавки закрыли, «Вскоре по введении закона (1886 г.) большинство лавок, существовавших при фабриках исключительно с целью извлечения из них дохода, были закрыты»,—свидетельствует А. А. Микулин, однако, тут же добавляя: «в дальнейшем остались лавки лишь при крупных мануфактурах, стремление которых было действительно дать рабочим хорошие продукты и по дешевой цене, или же при мелких и средних фабриках, при чем существование их оправдывалось единственно отсутствием у владельцев свободных денег во всякое время и необходимостью в то же время удовлетворять требования рабочих в выдаче им харчевых продуктов или натурой, или деньгами». К тому же сводится и свидетельство С. Гвоз-

[1]) В. П. Безобразов, Народное хозяйство России, ч. II, СПБ. 1889 г., приложение I: Наблюдения и соображения В. П. Безобразова относительно действия новых фабричных узаконений и фабричной инспекции, стр. 72—73.

дева: «С введением инспекции часть фабрик постаралась ликвидировать свои харчевые лабазы, большинство же фабрик легализовало фабричные лавки, получив надлежащие разрешения. Фабрик и заводов, пожелавших с введением инспекции легализовать свои лавки, оказалось в моем округе более 20. Приблизительно то же количество фабричных лавок оставалось и в последующие годы. 2—3 крупных фабрики, познакомившись с теми требованиями, которые предъявляет к фабричной лавке закон, закрыли свои лавки, более же мелкие фабриканты просто перевели свои лавки на чужое имя, продолжая обычную свою продажу» [1]). Очевидно, нашлось достаточное число фабрикантов, которые пришли к заключению, что не так страшен чорт, как его малюют, и не так обязателен надзор фабричной инспекции, как это изображает закон. Фабричные лавки продолжали благополучно существовать. А усердие не в меру ретивых фабричных инспекторов сдерживали присутствия по фабричным делам, во главе которых стояли губернаторы [2]).

Однако, закон 1886 г. не все оставил по-старому. Более льготные условия возникновения лавок потребительных обществ должны были привести к тому, что фабриканты более охотно прибегали именно к форме потребительских кооперативов, которые представляют несомненные преимущества: во-первых, для открытия лавки кооператива достаточно было получить утверждение устава общества и не нужно было разрешения фабричной инспекции, а во-вторых, форма кооператива снимала с фабриканта ответственность в случае каких-либо «неприятностей». Наконец,—и это самое главное,—при кооперативе можно было поставить дело так, как при фабричной лавке—кооператив можно было поставить на службу капиталу.

Достаточно всмотреться в следующую таблицу, в которой показано число утвержденных уставов фабрично-заводских и железнодорожных обществ по периодам, чтобы увидеть, под влиянием каких условий росли этого рода кооперативы:

---

[1]) Гвоздев, Записки фабричного инспектора, М. 1911 г., стр. 137—138.

[2]) Гвоздев приводит случаи отмены присутствиями постановлений инспектора, неблагоприятных для фабриканта (стр. 138—139).

Годы.	Число утвержд. уставов.	
1865—1886	63	
1887—1890	33	128
1891—1897	95	
1898—1905	150	

В первые же четыре года после издания закона 1886 г. (1887 г.—1890 г.) число утвержденных уставов достигает половины всего того числа, какое имело место в предыдущие двадцать два года. Число уставов, утвержденных в десятилетие 1887 г.—1897 г., в два раза превышает число уставов, утвержденных в предыдущие 22 года. Забастовки и рабочее движение 1897 г. снова дают сильный прирост фабрично-заводских кооперативов: движение рабочей массы, побудившее капитал на уступки, заставляет его «облагородить» способ своих действий и истинно-русскую форму фабричных лавок заменить европейской формой потребительского общества. Но существо оставалось старым, потому что до 1905 г. медленно изменялось существо кабально-фабричного строя, позволявшего фабриканту под кооперативной вывеской продолжать прибыльную практику фабричной лавки. Фабрично-заводские общества, как до закона 1886 г., так и после него, являются образцами зависимых обществ,—обществ, носящих печать капитала, а не кооперации.

Будет, однако, переувеличением сказать, что все фабрично-заводские общества до и после закона 1886 г. возникли исключительно по инициативе фабрикантов. Нужно думать, что таких было большинство, но были случаи, как мы видели, когда сходилась инициатива рабочих и заводоуправления, как были случаи возникновения кооперативов исключительно по инициативе рабочих и даже вопреки противодействию фабрикантов. Однако во всех случаях «мертвый хватал живого», капитал так или иначе подчинял себе кооператив и заставлял его служить тем же целям, каким служила и фабричная лавка.

2.

Посмотрим теперь, как возникали и что представляли собой эти общества, и начнем с железнодорожных обществ, в которых начала зависимости были доведены до полноты и совершенства.

Нормальный устав потребительских обществ, изданный правительством в 1897 г., оказался для железных дорог слишком либеральным. Железнодорожное начальство все время продолжало смотреть, что дело служащих—его дело, и потому всячески ограничивало права служащих на участие в делах общества.

Железнодорожные общества не имели общего устава, и каждое из них жило по своему уставу. Существовал, однако, проект нормального устава железнодорожных обществ, который, не будучи обязательным, был принят в основу многими обществами.

Этот проект устава ограничивал цели общества исключительно доставлением членам предметов потребления, устройство же разных учреждений для улучшения материального и нравственного положения членов не допускал. Членами общества могли быть только служащие дороги, но не другие лица, благодаря чему общество становится замкнутым. В отступление от нормального устава 1897 г., проект предусматривал образование паевого капитала не путем взноса членами паев, а путем отчислений из жалованья, при посредстве железнодорожного управления, при чем устанавливался высокий пай—в размере полумесячного оклада, но не свыше ста рублей.

Общие собрания заменялись собраниями уполномоченных, выборы в которые, по проекту, производились даже не голосованием на районных собраниях, а путем записок, отсылаемых в правление. Председатель собрания уполномоченных не избирался последним, но назначался управлением дороги. Широкие права предоставлялись наблюдательному комитету, одна треть членов которого назначалась управлением дороги. Наблюдательному комитету присваивались права ревизионной комиссии, комитет вместе с правлением образовал совет, который являлся высшим распорядительным органом: ему предоставлялось определять размер торговли, утверждать продажные цены, рассматривать сметы, составлять инструкции для утверждения собранием уполномоченных и т. д. Так как число членов наблюдательного комитета могло превышать число членов правления, то комитет мог иметь большее влияние на дела общества, чем правление.

Проект устава предусматривал определенное распределение прибыли: 10 проц. в запасный капитал, 55 проц. на паи, 35 проц. на забор. Таким образом, прибыль могла распределяться как по

паям, так и по забору, и по первым даже в большей части. На другие цели—культурно-просветительные—ничего не остается.

Трудно сказать, что еще нужно сделать для того, чтобы оставить только видимость кооперации и вершителем дел общества сохранить начальство. Правда, можно совсем упразднить всякие намеки на выборность—назначить полностью все органы управления. Но тогда не было бы даже видимости кооператива, а было бы просто еще одно казенное учреждение, имеющее своей целью попечение о нуждах служащих. Так как все же видимость надо было сохранить, то проектом взята форма кооператива, в который вплетено казенное содержание с ограничением состава кооператива, с ограниченными целями его, с извращенным выборным началом, с ограничением прав служащих и с предоставлением решающего значения начальству дороги.

Мы упомянули, что основные начала этого проекта были восприняты практикой многих железнодорожных обществ. Действительно, по данным о 21 железнодорожном обществе, относящимся к 1916 г., картина получается, зарисованная изложенным проектом устава [1]).

Так, из 21 общества общих собраний не знают 10, т.-е. половина; в двух обществах председатель общих собраний назначается начальником дороги. Общие собрания управляют делами общества полностью, без собрания уполномоченных, только в 4 обществах, в остальных 7 обществах права общих собраний ограничены: они только избирают уполномоченных, закрывают и ликвидируют дела общества (в 3-х обществах) или даже только решают вопрос о ликвидации.

В большинстве действуют собрания уполномоченных (14 случаев), при чем система выборов—конечно, двухстепенная—разнообразная. По норме 1 уполномоченный на 50 человек—выбирают только 4 общества, остальные по более высокой норме: 12 уполномоченных в месте нахождения правления и 1 уполномоченный на каждые 100 членов по линии. Председатель собрания уполномоченных в 9 обществах из 14 назначается управлением дороги из состава уполномоченных. Часть состава наблюдательного комитета

---

[1]) «Союз потребителей», 1916, № 17.

также назначается начальством (в 9 обществах). В трех обществах назначается председатель собрания уполномоченных.

Помимо назначения должностных лиц уставы требуют сообщения начальникам даже о каждом собрании органов управления общества, представления отчетов и списка выборных лиц. Иногда начальникам дороги предоставляется право надзора за выполнением устава, отмены постановлений выборных органов, согласия на ликвидацию дел, а в одном случае даже право закрытия общества.

Таковы одни пути, которыми создавалась зависимость железнодорожных обществ от управления дороги. Другой путь—материальная зависимость—также был использован в должных размерах. Так, в тех случаях, когда капиталы общества образовались из перешедших в общество продовольственных капиталов хозяйственных комитетов железных дорог, устав предоставляет дорогам контроль над расходованием капиталов обществ. Многими уставами предусматривалось удержание долей членов общества из жалованья их управлением дороги, чем создался новый источник зависимости. В 8 обществах из 25 пай составлялся из отчислений из жалованья.

Прибыль, по уставам, распределялась на паевые взносы, при чем в размере не более 10%—в 10 обществах, в остальных—30—40 и 50%. Но зато в 11 уставах отсутствует указание на право отчислять прибыль на полезные цели. В отступление от нормального устава 1897 г., 10 уставов опускают требование о продаже «по умеренным рыночным ценам».

Кажется, сказанного достаточно для того, чтобы не сомневаться в подлинном характере железнодорожных обществ. Зависимость их от начальства гарантируется прочно и всесторонне как казенным построением обществ, так и стремлением заглушить в них всякую возможность осуществления кооперативных принципов. В основе их лежит положение, что всякое дело служащих—дело начальства, и всякая самодеятельность служащих должна быть пресечена. Эта мысль остается руководящей в «кооперативной» политике правительства от начала 80-х годов во все последующее время. Еще в 1903 г. министерство путей сообщения рекомендовало начальникам дорог «установить более деятельное руководство и более тщательный надзор за потребительскими обще-

ствами, что и иметь в виду при утверждении уставов потребительных обществ и при их пересмотре и изменении». При этом—разумеется—министерство исходило не из желания держать служащих в казенном намордник, а из забот о служащих, ибо «без материального пособия со стороны казны, а также без надзора и руководства местных управлений железных дорог», общества «не могут проявить жизнедеятельности»... И еще позже, в 1909 г., особая комиссия при министерстве путей сообщения, к работе которой привлечены были представители железнодорожных обществ, признала, что «все потребительские общества, независимые от управления дороги, управляемые самими служащими, без участия в ведении дел и без контроля со стороны управления, обречены на скорую и неизбежную ликвидацию, за отсутствием оборотных средств и должного контроля». Можно сказать, до последнего издыхания своего казенное ведомство цепко держалось за потребительные общества, боясь выпустить их из-под контроля и держа их на привязи у железнодорожной администрации.

Железнодорожные общества были хорошо налаженные торговые аппараты и только. Для служащих они, конечно, представляли некоторые удобства, давали возможность извлечь из них некоторую пользу, но они и в отдаленной степени не отвечали интересам служащих так, как могли бы отвечать, если бы были построены на свободных началах, если бы руководящую роль в них действительно приобретали массы. Несравненно большую выгоду извлекали из этих потребительных обществ управления дорог, прикрепляя при помощи кооперативов служащих к дороге, поощряя забор в кредит с удержанием долга из жалованья, создавая видимость борьбы с дороговизной. Масса служащих стояла в стороне от потребительных обществ, которые среди них, в особенности среди рабочих, не пользовались никакой популярностью и, напротив, вызывали обоснованное недовольство.

3.

Железнодорожные общества, как мы могли убедиться, являли собой идеал достижимого осуществления зависимости и несамостоятельности кооператива. И все же они не во всем могут выдержать сравнение с зависимыми фабрично-заводскими обществами. Если в железнодорожных обществах нашел свое идеальное осу-

ществление принцип зависимости, то фабрично-заводские общества дали образец не только извращения кооперативного начала, но и служения кооперации капиталу в формах, известных по практике фабричных лавок.

Ознакомимся поближе с тем, каковы были эти фабрично-заводские общества потребителей. Начнем с Урала—этой родины нашей потребительской кооперации. Здесь заводские общества в значительном числе развились раньше всего.

Общую картину состояния фабрично-заводских обществ к началу 90-х годов в этом крае дает нам проф. Озеров, на месте обследовавший общества Пермской губ. в 1895 г. [1]). По словам проф Озерова, потребительные общества в Пермской губ. существовали, главным образом, при заводах, при чем возникали по инициативе «служащих, а не рабочих». Это замечание Озерова нужно принять с той поправкой, что инициатива чаще всего исходила от директоров и управляющих заводов, которых Озеров, вероятно, тоже относит к служащим, но которых правильно считать прямыми представителями интересов владельцев заводов. Вообще же понятно, если наряду с заводоуправлением в организации обществ принимали участие также служащие. Внегородские заводы, в особенности уральские, расположены часто в глухих местностях, отдаленных от торговых пунктов, и страдают от недостатка и дороговизны товаров; при таких условиях, служащие, конечно, были заинтересованы в организации потребительного общества и могли проявить должную инициативу.

Какая же это была, по преимуществу, категория служащих? Проф. Озеров замечает, что доступ в общество затруднялся «высокими паевыми взносами», которые устанавливались в размере 20—25 руб. Сверх того, уставы не ограничивали число паев, которыми может владеть каждый член общества, так что в некоторых обществах были пайщики, имевшие до 1.000 руб. паевых взносов. «Рабочему,—пишет проф. Озеров,—трудно внести 20—25-рублевый пай и оплатить его в несколько месяцев, и, конечно, в общество идет лишь более состоятельный элемент, представители которого часто вносят по несколько паев; вот чем и объясняется

---

[1]) Озеров, Общества потребителей, 2-ое изд., СПБ. 1900 г., стр. 136 и след.

то, что рассрочкой при уплате паевых взносов здесь вообще мало пользуются, как я мог убедиться из расспросов, потому что она сама по себе, при слишком высоких паевых взносах, мало помогает беднякам». Поэтому же, по наблюдениям проф. Озерова, «рабочие почти не принимают активного участия в обществах потребителей» и только в немногих обществах имеют своих представителей в правлении, а «общие собрания собирались лишь со второго созыва и сами общества большей частью держатся служащими».

Более состоятельный элемент служащих, завладевая обществом, преследует, конечно, при этом не какие-нибудь идеалистические цели. Прибыль распределяется в таких обществах по паям и по забору и в высшем отчислении для пая, так что члены общества наживают на своих паях. Отсюда стремление, предусматриваемое уставом, прекратить прием новых членов, когда это признает нужным общее собрание. В таких случаях, с прекращением притока новых членов, пайщики превращаются в акционеров, а общество—в акционерное мелко-капиталистическое предприятие. Это же стремление к получению возможно большей денежной выгоды от общества приводило к развитию спекуляции. «Так как закупка товаров в обществе доставляет крупные выгоды,—рассказывает проф. Озеров,—то некоторые члены за угощение или за некоторое вознаграждение побуждают своих знакомых, не могущих сделаться членами общества по неимению средств или каким-нибудь другим причинам, покупать на их заборные книжки, и таким путем владелец книжки получает всю скидку на свой забор и на забор других, посторонних лиц, а при высоком дивиденде эта операция является очень выгодной». Такая организация общества, по мнению проф. Озерова, «очень неустойчива и может повести к превращению потребительного общества в акционерное предприятие... Крупные пайщики всегда будут заинтересованы в установлении такого способа распределения прибыли, чтобы львиная доля ее выпадала на их капитал, и в этом случае крупные пайщики, обыкновенно, играют в обществе регрессивную роль. У некоторых обществ, действительно, прибыль распределяется нерационально—и, конечно, это не без влияния крупных пайщиков». С другой стороны, и «цены на товар стоят не столь низко, как это могло бы быть, и опять, вероятно, не без влияния крупных пайщиков, так как последние пре-

красно сознают, что ту сумму, которую они проиграют на высоких продажных ценах, они не только вернут себе в виде дивиденда, но получат еще, сверх того, часть переплат, сделанных на своих покупках лицами, не состоящими членами общества». Само собой разумеется, что и «моральный характер здесь слабо выражен в деятельности обществ: здесь нет ни библиотек, устроенных на средства лавок, ни выписки газет, ни книжной торговли».

Таков общественный элемент, задававший тон в фабрично-заводских обществах Урала и использовавший их в своих интересах. Настроения этой категории служащих не шли в разрез с настроениями заводоуправлений и, напротив, могли вызвать со стороны последних лишь поощрение. На долю рабочей массы выпадало прикрепление к потребительской лавке, как раньше к фабричной лавке, необходимость покупать в кредит, брать в лавке товары с целью их перепродажи за пониженную цену и прочие прелести фабрично-кабальной жизни.

В обществе потребителей при Архангело-Пашийском заводе, открытом по инициативе начальства завода, пай определен в 20 р. при рублевом вступительном взносе. Рабочие получали в лавке товары по талонам, выдаваемым заводом. Выписка товара производилась каждую субботу, заработная плата выдавалась два раза в месяц, а завод рассчитывался с лавкой раз в месяц. Так как выдавать наличными деньгами рабочим почти не приходилось, то завод, благодаря принятой практике, оставался в прямом выигрыше: расплачиваясь с лавкой раз в месяц, он фактически выплачивал рабочим плату раз в месяц, вместо двух раз.

Такова же практика общества при Чусовском заводе. В этом обществе, как и в некоторых других обществах Урала, женщины могли быть членами общества, но правом голоса на общих собраниях не пользовались. Такому «демократизму» вообще соответствовал спекулятивный дух общества. В голодный 1891 г. члены закупали в обществе хлеб большими массами и затем перепродавали его на рынке по высокой цене. Эта затхлая атмосфера душила всякую жизнь в обществе в течение десятков лет. Еще в 1914 г., по настоянию заводоуправления, общество исключило из своей среды всех служащих железнодорожной станции Чусовской, как элемент, независимый от завода и потому нарушавший патриархальность заводских отношений.

Общество при Чермосском заводе, ничем не отличаясь от прочих зависимых обществ, имело свой «ренсковой погреб», а члены общества не брезгали открытой спекуляцией: «некоторые члены приходят в лавку,—пишет проф. Озеров,—и покупающим предлагают забирать товар по их книжкам, уплачивая деньги им, а не в кассу».

Таковы, по данным проф. Озерова, заводские общества Урала в средине девяностых годов прошлого века, в пору своего господства. А ведь проф. Озеров к этим обществам не подходил с какой-нибудь предвзятой точки зрения. Наоборот, настроение его не выходило за пределы весьма умеренного либерализма, и конечный вывод его вполне благоприятен для пермских обществ, которые, по его словам, «поставлены довольно солидно, и видно, что много труда и мысли положено в них». Очевидно, требования проф. Озерова были не весьма суровы. И тем не менее, картина, им нарисованная, говорит сама за себя. Зависимый и замкнутый характер общества, высокие паи, продажа в кредит и по заводским ярлыкам, торговля водкой, спекуляция книжками, перепродажа товаров рабочими—вот природа фабрично-заводского общества, в существе своего отношения к рабочему ничем не отличающаяся от природы фабричной лавки.

И спустя много лет после того, как проф. Озеров описывал уральские общества, положение осталось все тем же, не претерпев никаких изменений. «Присматриваясь к внутреннему строению большинства фабрично-заводских обществ,—читаем, напр., в отчете о состоянии пермской кооперации в 1912 г.,—мы, строго говоря, не можем признать их истинными кооперативами: отличительными чертами этих организаций являются замкнутость (членами общества могут быть лишь рабочие и служащие завода или заводского округа) и зависимость от заводоуправлений. О-ва получают даровые помещения в заводских зданиях, ссуды под оборотный капитал, займы перед Нижегородской ярмаркой (напр., Алапаевское заводоуправление дает о-ву на эту последнюю цель 20 тысяч руб.). Наконец, заводоуправление гарантирует кредит служащих и рабочих завода в обществе, принудительно удерживая из заработка тех и других следуемое обществу в уплату за забранный товар. Последнее обстоятельство породило чудовищное распространение там перекупки и барышничества, выработало

небрежное отношение общества к делу,—закабаленный кредитом потребитель берет, что дадут, и по цене, какую назначат; наконец, здесь же надо искать объяснение нередко наблюдаемому враждебному отношению рабочих к обществам, выраженному в злобной кличке «грабиловка»... Внутреннее строение обществ также осталось старым. «По своему уставу старые уральские о-ва тоже далеко не демократичны; пай в большинстве случаев очень высок (20—25 руб.), предусматривается право общего собрания прекратить свободный доступ в о-во новых членов и таким образом превратить кооператив в замкнутое товарищество на паях (Чермосское, Никитинское, Лысьенское, Чердынское, Красноуфимское о-ва и др.), женщины лишены права участия в делах общества (Чермосское, Н.-Улафейское, Красноуфимское и др.), в лучшем случае, лишены права избираться в различные должности по о-ву (Кизелевское), оговорена во многих уставах недопустимость начисления дивиденда не членам, распределение прибыли предусмотрено с точностью (обычно 10% в запасный капитал, 40% на пай и 50% на забор), таким образом, есть формальное основание не допускать ассигнований на культурные цели; число паев не ограничено, почему в обществах имеются пайщики с капиталом в 1.000 руб. и более, при общем числе членов в 100—200 человек» [1]).

Разумеется, Урал не составлял какого-то печального исключения, и в других промышленных районах дело обстояло не лучше. Ознакомимся, например, с потребительным обществом при крупнейшей фабрике товарищества Никольской мануфактуры [2]), являвшим типичный образец зависимого кооператива в текстильной промышленности центральной России.

---

[1]) Ежегодник Московского Союза потребительных обществ, 1913 г., М. 1914 г., ч. I, стр. 55.

[2]) В. Т. Анофриева, История развития и деятельности потребительного общества при фабрике Товарищества Никольской Мануфактуры Саввы Морозова Сын и К°, М. 1913 г. Эта любопытная работа, заключающая в себе интересный материал для характеристики зависимых фабричных обществ, написана, однако, без достаточного понимания задач потребительской кооперации вообще, и рабочей—в особенности. В общем автор относится к описанному обществу снисходительно, а возникновение общества приписывает «инициативе и энергии лиц, увлекавшихся идеей кооперации». В каком смысле директора и высшие служащие увлекались кооперацией, видно из приводимых нами примеров.

Общество это было открыто в 1884 г. по инициативе директора и бухгалтера фабрики, как общество, преследующее исключительно материальные цели—«доставления своим членам по возможно дешевой цене различных предметов потребления хорошего качества и предоставления им возможности из прибылей общества делать сбережения». Уже в 1885 г., во время фабричных волнений, лавка потребительного общества подверглась попытке разгрома со стороны рабочих, что свидетельствовало о далеко не дружелюбном отношении последних к начинанию высших служащих мануфактуры. И действительно, кооператив по своему характеру не мог рассчитывать на симпатии рабочих. Общество это было замкнутым и членами его могли быть только рабочие и служащие мануфактуры. Пай был установлен в размере 5 руб., но каждому члену разрешалось владеть многими паями: так, в первый год существования общества каждый пайщик мог владеть 50 паями, т.-е. иметь паевой капитал в 250 руб., в следующем году размер паевого капитала был понижен до 200 руб., а в 1887—88 г.г. снова повышен до 250 руб. Это открывало возможность завладения обществом немногими пайщиками и убивало в рабочей массе охоту входить в кооператив; в первые годы деятельности общества из 7.000 рабочих мануфактуры в члены общества записалось всего 5%. Средний размер пая составлял в 1885—86 г.г. 95 руб., в дальнейшем до 1893—94 г.г. он держался на уровне 65—75 руб. Естественно, что пайщики, завладевшие обществом и по своему материальному положению стоявшие многим выше рядовых рабочих, больше всего интересовались дивидендом. «Главный интерес,—пишет Анофриева,—возбуждали лишь вопросы о дивиденде и скидках с заборного рубля, тогда как всем другим вопросам, связанным с расширением и улучшением постановки дела, в оценке деятельности кооператива со стороны пайщиков отводилось лишь незначительное место. Вопросы же обще-культурные, как отчисление части прибылей на какие-нибудь идейные или благотворительные цели, встречали на общих собраниях резкую оппозицию со стороны большинства пайщиков, не желающих мешать «безделье» с «делом». Интересуясь только прибылью, пайщики выражали недовольство даже по поводу отчислений в запасный капитал: «часто слышались жалобы, что запасный капитал является совершенно лишним, ненужным, что благодаря тому, что из прибылей обще-

ства делались в него отчисления, пайщики лишались части своего дохода». Тогда правление в 1890 г. додумалось до проекта изменения устава в том смысле, чтобы все вступающие в члены общества сверх пая вносили 25% в запасный капитал, при чем при выходе из общества должны были возвращаться и паевой и запасный капитал. Таким образом, запасный капитал должен был служить не к расширению и укреплению кооператива, а к вящшему поощрению «сбережений».

Само собою разумеется, что среди членов общества имелись члены, забиравшие по своим книжкам не для себя, а для других, пользуясь благодаря этому их дивидендом. Заинтересованные поэтому в возможно более высоких приценках на товары, так как в таком случае они получали бы и больший дивиденд, такие пайщики добивались на собраниях установления высоких цен товаров. «В первые годы жизни общества таких кулаков среди пайщиков было значительное число, так что правление неоднократно обращалось к рабочим с воззваниями, разъясняя им выгодность самим записаться в члены общества». Давление кулаков приводило к желательным для них результатам в смысле повышения цен: в первый год деятельности общества приценок на товары достигал 20%, а в 1904 г. общее собрание признало, что приценок так высок, «как нигде в других обществах». Впрочем, такую же тенденцию к удорожанию товаров преследовала и администрация мануфактуры, обязавшая общество продавать мануфактурные товары только ее изделия и лишившая его возможности продавать некоторые сорта товаров, отличавшиеся лучшим качеством, но изготовляемые другими фирмами. Морозовская фабрика не упустила случая заработать на своем потребительном обществе, а рабочие переплачивали на товарах, покупаемых у частных торговцев.

По своему составу правление и ревизионная комиссия, как свидетельствует Анофриева, состояли до 1905 г. «из одних только служащих фабрики, преимущественно директоров и служащих высшего ранга». Некоторые члены правления выбирались из года в год, имелись и такие, которые заседали в правлении по 20 лет—со дня основания общества. «Пайщики-рабочие,—рассказывает Анофриева,—зависевшие от директоров и служащих на фабрике, боялись высказаться против них, критиковать их деятельность,

уменьшать их жалованье, опасаясь с их стороны давления. Бывали случаи, что пайщики-рабочие не являлись на собрания, когда предполагалось забаллотировать лицо, стоявшее над ними».

Таково потребительное общество при одной из крупнейших мануфактур. За ним следуют другие, ему ни в чем не уступающие.

Владельца Прохоровской Трехгорной мануфактуры в Москве Прохорова проф. Озеров рекомендует как «очень горячо относившегося» к обществу потребителей при его фабрике. Это «горячее» отношение фабриканта сказалось в том, что, желая превратить фабричную лавку в общество потребителей, он передал лавку последнему и вносил за рабочих паи, производя затем соответственные вычеты из их заработной платы. Забирали рабочие на книжку в кредит, в размере 60% месячного заработка. «Горячее» отношение проявлялось здесь в том, что рабочий должен был вносить еще особую плату за заборную книжку, а правление общества следило «за равномерным пользованием рабочим открытым ему кредитом» в течение месяца, т.-е. устанавливало особый надзор за расходованием рабочим его скудного заработка; но зато, когда при обществе открылась сберегательная касса, то капиталы последней передавались фабрике, которая платила обществу 6½%, само же общество платило членам 6%. Проф. Озеров находит, что такая постановка дела «для общества потребителей очень выгодна, а со стороны владельца фабрики выдача столь высокого процента является родом поддержки молодого общества». Но на самом деле фабрикант создавал лишь новую форму зависимости общества, благодетельствуя его ничтожной суммой и получая все же в пользование капитал общества. Но особенно сказывалась «горячность» Прохорова в деле «кооперативного» воспитания рабочих. Фабрикант находил, что «одним рабочим еще не сладить с ведением дел общества; слишком мало в них дисциплины для этого, уменья, привычки, так что участие служащих является необходимым элементом в существовании общества, и опека над обществом необходима, чтобы предохранить его от важных ошибок». Но, помимо верных служащих, Прохоров имел и еще одно «воспитательное» средство, предохраняющее рабочих от ошибок: «важным средством в руках С. И. Прохорова против этих поползновений,—пишет проф. Озеров,—является *угроза отказа в кредите*». Вот где, стало быть, собака зарыта. Кредит

служил не только источником закабаления рабочих, но и всестороннего на них воздействия. А проф. Озеров в либеральном прекраснодушии оставался в восторге от такой практики: «таким путем,—писал он,—рабочие постепенно здесь как бы проходят курс практической кооперации». Можно себе после этого легко представить, каков был уровень сознательности кооперативной среды того времени, наиболее видным представителем которой являлся проф. Озеров, тогда еще молодой магистрант московского университета!..

Эта печать проклятья—зависимости—тяготела над заводскими обществами всегда и во всем, даже тогда, когда они, казалось, хотели от нее отделаться. Во время забастовки 1912 г. общество потребителей при Обуховском сталелитейном заводе, не имевшее формальных связей с заводом, закрыло продажу в кредит. Мотивировалось это соображениями экономического характера: кредитование огромной массы потребителей, находящихся без работы, может поколебать самое общество, если на этот случай нет особых фондов. Вся же суть была в том, что хотя формальной зависимости не было, но была зависимость фактическая: на 1.342.000 руб. отпуска товаров—в кредит было отпущено на 960.000 руб.—почти исключительно по ордерам завода. Практика продажи в кредит, и при том через посредство завода, связала общество и сделала его слепым орудием капитала даже в дни забастовок.

И такими оставались зависимые заводские общества повсюду, на всем протяжении нашего отечества и за все время их долголетнего господства. Когда-то Бранд, восхваляя благодетельное значение для России иностранного капитала, воспел хвалу и заводским обществам. «Едва ли нужно распространяться о том,—писал он,—какое громадное значение развитие подобных обществ имеет для заводских поселений, оберегая последние от эксплоатации местных лавочников, доставляя возможность рабочим пользоваться необходимыми предметами потребления по дешевой цене и хорошего качества, побуждая их делать сбережения, дабы иметь возможность вступить в члены подобных обществ и увеличивать эти сбережения по мере накопления прибылей этих обществ» [1]).

[1]) Иностранные капиталы, их влияние на экономическое развитие страны, Спб. 1898 г., ч. II, стр. 307.

Но из данных, приведенных самим же Брандом, видно, что иностранный капитал без труда усвоил русскую практику. Так, в потребительском обществе на Южно-Днепровском заводе, при общем приходе за проданные товары в 1893 г. на сумму 353 тыс. руб., завод произвел за счет общества платежей на 248 тыс .руб. и удержал из платы рабочих 237 тыс. руб.; в 1897 году при приходе за проданные товары в 511 тыс. руб. завод произвел платежей за счет общества на 369 тыс. руб. и удержал из платы 351 тыс. руб., т.-е. львиная часть торговли происходила через завод при посредстве кредита. В 1893 г. общество оставалось должным заводу 10.602 руб., в 1897 г.—17.062 руб.—зависимость все возрастала. Другие источники подтверждают, что Донецкий бассейн, с его богатствами и на европейский лад поставленными предприятиями, конечно, ничем не выделялся по типу своих заводских обществ от других районов.

«Почему общества открывались при заводах —понятно,—читаем, например, в отчете о состоянии потребительской кооперации Екатеринославской губернии в 1911 г.,—заводоуправлению небезвыгодно было, чтобы при заводе или руднике была лавка. Во-первых, потому, что рудники открывались в поле, вдали от сел, и, во-вторых, открытие общественной лавки, а вместе с ней некоторое удешевление продуктов, находилось в тесной зависимости от заработной платы, ибо чем дешевле рабочему можно будет устроиться на работе, тем ему меньше можно будет платить жалованья. Нам известны примеры, когда заводоуправление субсидировало о-ва потребителей довольно крупными суммами на несколько лет и без %% (Дружковскому до 40 тыс. руб.), но зато в правлении общества участвовали представители завода... Все они (руднично-заводские общества) носят замкнутый характер, с определенным контингентом лиц: «служащие и рабочие предприятия». Все они, за немногими исключениями, управляются лицами из администрации. Нередко можно услышать заявление, что потребительское общество — это одна фирма, в сущности же это не что иное, как заводской лабаз. Забор членов в этих о-вах «не превышает $^1/_3$ всего забора»... «Кредит свил себе в заводско-рудничных обществах довольно прочное гнездо. Денег рабочий у себя почти не видит. Там, где кредит неограничен, долги

за отдельными лицами достигают внушительных цифр 200—500 руб.» [1]).

По степени своей зависимости, общества «европейского» Донецкого бассейна ничем не отличались от обществ пограничного с Азией Урала, где царил казенный и дворянский капитал. Устав общества при Днепровском заводе (с. Каменское) предусматривал «по-европейски», что половина членов правления должна состоять из лиц с высшим образованием. В обществе при Криворожском металлургическом заводе в число уполномоченных мог быть избираем каждый член общества, владеющий не менее, чем двумя паями, а в члены правления—имеющий не менее пяти полных паев. Образцовым правление считалось в таком составе: председатель—директор завода, товарищ председателя—вице-директор, казначей—кассир завода, члены—инженеры, заведывающие отделами и т. д. А на одном заводе дело дошло до такого оригинального текста повестки общего собрания: «О *доизбрании* двух членов правления *по назначению* г. директора»!

Полагаем, читателю не придется долго раздумывать над тем, какую выгоду извлекали предприниматели из этой игры в кооперацию. Весь строй зависимых кооперативов—от продажи в кредит по ордерам до устранения от общества рабочей массы—служил на пользу исключительно капиталу. Наиболее реальна, так сказать, была при этом выгода от продажи в кредит, если она, в особенности, соответственным образом обставлялась. Типичной в этом отношении представляется практика Богословского Горнозаводского округа (Пермской губ.).

Почти все потребительные общества округа отпускали товар в кредит, входя в соглашение с управлением округа о том, чтобы последнее производило вычеты забора из заработка рабочих и выплачивало удержанные суммы обществам. Управление округа настолько охотно шло навстречу обществам, что выдавало рабочим ордера, по которым завод обязывается уплатить обозначенную в ордере сумму, *независимо* от того, сможет ли сам завод удержать у рабочего сумму забора. Получается нечто загадочное. Откуда такая готовность завода платить за рабочих? Разгадка, однако, имеется, хотя и не простая. Управление округа, получив

[1]) Ежегодник Московск. Союза потреб. обществ, 1912 г., стр. 26 и след.

от общества ордера и *удержав у рабочих сумму забора,* всех денег обществу не дает. Оно уплачивало наличными одну треть, а остальные две трети оставляло у себя в виде займа у обществ, выдавая последним векселя на срок 6, 7 и даже 8 месяцев, при чем проценты по таким «займам» не полагались. В результате—задолженность управления обществам. Так, одному обществу управление задолжало 3.000 руб. по открытому счету, около 4.000 р. по векселям и неудержанных у заборщиков 13.000 руб., другому обществу—17.000 руб. по открытому счету и около 34.000 р. по векселям, третьему—140 тыс. руб. по открытому счету и 205 тыс. руб. по векселям и т. д. Смысл такой «комбинации» ясен: управление экономило, по крайней мере, 60—70 тыс. руб. в год, не расплачиваясь своевременно с обществом, а последнее должно было само кредитоваться у частных торговцев, за что расплачивался, в конце концов, заборщик-рабочий [1]).

Эта система, вообще тягостная для рабочих и выгодная для завода, приводила к прямо катастрофическому положению рабочих в годы заминки заводских дел. В докладной записке министру финансов «О потребительских обществах Нижне-Тагильского, Верхне-Салданского, Касимо-Уткинского и Касимо-Шайтанского заводов» сообщалось, что оборотный капитал этих обществ равнялся 177 тыс. руб., за заводоуправлением числилось 189 тыс. руб., за членами—80 тыс. р., и долг общества поставщикам—186 тыс. руб. Вследствие затяжки платежей заводоуправлением, общества остались без товаров, вынуждены были сократить свои операции,

---

[1]) «Союз потребителей», 1914 г., № 19. См. также «Ежегодник Московского Союза потребительных обществ», В. IV: «Специфической для заводских зависимых кооперативов является операция «учета векселей»: в Надеждинском обществе эта операция практикуется с давних пор и заключается она в следующем: занятые в производстве рабочие—члены потр. о-ва, а также рабочие не члены, обращаясь в лавку за необходимыми продуктами, предъявляют расчетные, управлением заводов выдаваемые, книжки, с указанием в них размеров открытого данному рабочему кредита, По истечении известного промежутка времени заводское управление выдает кооперативу вексель на сумму стоимости отпущенного рабочим товара. Обычный срок уплаты по таким векселям через 6 — 7 месяцев. А так как операции общества требуют постоянного наличия капитала, то ему и приходится пускать к учету принятые векселя» (стр. 89).

платить штрафы за несвоевременный выкуп товаров у железной дороги, нести расходы по учету векселей, выданных заводами. Рабочие вынуждены были широко практиковать так называемую переплавку товаров, т.-е. перепродажу по пониженным ценам полученных ненужных товаров, чтобы купить товары, нужные им. Талоны, выдаваемые заводами на потребительное общество, сбывались рабочими в частных лавках с потерей в 20—50% [1]).

Мы можем теперь, довольствуясь приведенными примерами,— число их легко было бы увеличить бесконечными выдержками из кооперативных журналов, — установить следующие основные черты зависимых фабрично-заводских обществ:

1) Они возникали, главным образом, по инициативе фабрично-заводской администрации и служащих высшей категории; в тех случаях, когда проявлялась инициатива служащих, она не расходилась с интересами заводоуправления и вполне заменяла последнее;

2) они — общества замкнутые, так как членами их могли быть, по общему правилу, только служащие и рабочие данного предприятия;

3) они — общества зависимые от предприятия, так как получали от него ссуды, пособия, помещения и т. п., а также деньги за товар, забранный рабочими;

4) они — общества бесправные, потому что влиянием на дела их пользовались заводоуправления, а не свободные в своих действиях члены общества, и в органах управления часть членов назначалась заводской администрацией;

5) они насаждали спекулятивный дух, широко практикуя выдачу прибыли на пай в ущерб выдачи прибыли на забор, допуская владение многими паями и раздачу заборных книжек в посторонние руки;

6) они отступали от основного кооперативного правила, продавая почти исключительно в кредит и заставляя этим рабочего получать заработок продуктами, а не деньгами;

7) они — общества групповые, а не классовые, рабочие, так как, будучи замкнутыми, были орудием в руках «пайщиков», ко-

---

[1]) Озеров. Горные заводы Урала. М., 1910 г., стр. 225—227.

торые эксплоатировали общество, как мелко-акционерное предприятие;

8) они продолжали выполнять для рабочих роль фабричных лавок, потому что эксплоатировали их, как потребителей, поощряя покупку в кредит, загоняя рабочих в задолженность предприятию, принуждая их получать заработок товаром и т. д.;

9) они служили капиталу, так как всецело обслуживали его интересы, облегчали прикрепление рабочих к предприятию, давали ему возможность использовать капиталы общества, продолжали сохранять распыленность рабочей массы и оказывать на нее воздействие через посредство немногочисленной группы служащих и привилегированных рабочих;

10) они не только не воспитывали кооперативно рабочих, но, являя собой образец извращения кооперации, давали основание рабочим относиться к кооперативу не лучше, чем к фабричной лавке, и укрепляли в рабочей массе подозрительное и отрицательное отношение к кооперации.

И как обобщающий вывод: при посредстве зависимых обществ капитал овладевал рабочими, как потребителями, откуда проистекали выгодные для него и невыгодные для рабочего последствия. С одной стороны, поскольку заработная плата находится в зависимости от средств, которыми располагает рабочий для поддержания своей жизни, капитал, регулируя цены и самые продукты потребления рабочего, мог оказывать также с этой стороны давление на уровень заработной платы, используя в то же время и для той же цели выдачу при посредстве кооператива заработной платы натурой, продуктами, а не деньгами; в этом отношении, зависимые общества служили капиталу как для закабаления рабочего, так и для развития той формы накопления, которую имел в виду Маркс, когда говорил, что у капитала «от головы до пят» сочится «кровь и грязь». С другой стороны, овладевая рабочим, как потребителем, капитал подавлял в нем всякую инициативу выбора средств в борьбе за существование, заставлял его биться в тисках вечной задолженности, лишал его возможности располагать собой, как потребителем, заглушая в нем энергию к экономической борьбе; в этом смысле зависимые общества служили делу экономического и политического закрепощения рабочего.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ.

1.

В нашей кооперативной литературе нередко высказывается мысль, что фабрично-заводские общества определяют характер целого периода в развитии русской кооперации и что период этот, в частности, характеризуется тем, что фабрично-заводские общества, не взирая на все общие неблагоприятные условия, выжили и продолжали жить. В таком взгляде есть, однако, значительная доля недоразумения. Все это было бы верно, если бы фабрично-заводские общества были кооперативными не только по форме, но и по существу. А таковыми они, как мы видели, не были. Корни фабрично-заводских обществ нужно искать не в плоскости, так сказать, кооперативного движения, а в области взаимоотношений труда и капитала, в условиях существования рабочего класса и в порожденных временем методах эксплоатации труда капиталом. Развитие подлинной кооперации протекало независимо от фабрично-заводских обществ и ни с какой стороны в преемственности к ним не находилось. И если с ними связана в прошлом рабочая кооперация, то лишь потому, что в борьбе с ними проявилось—многим позже времени, о котором идет речь—массовое стремление рабочих вступить на путь организации своих независимых кооперативов.

Нет ничего удивительного в том, что фабрично-заводские общества оказались долговечными. Но в этом повинна меньше всего их сомнительного свойства кооперативная природа. При субсидии от капитала, при гарантии предприятий по заборам

в кредит, при постоянной и определенной наличности контингента заборщиков-рабочих, заборщиками быть обязанных, — можно было спокойно выжидать десятки лет, не претерпев ни одной из тех превратностей судьбы, которые выпадали на долю действительной кооперации.

Но что если не удивительно, то характерно для кооперативных настроений своего времени, это—престиж, которого не теряли фабрично-заводские общества в глазах современников—руководителей кооперации,—не теряли, несмотря даже на то, что сама рабочая масса относилась к этим обществам не только покорно-равнодушно, но и открыто враждебно.

Мы уже упоминали, что еще в 1885 году, во время волнений рабочих на Морозовской фабрике, была сделана попытка разгромить лавку потребительского общества при этой фабрике. В прошлом зарегистрированы и другие аналогичные факты, наиболее ярко выражавшие отношение рабочей массы к зависимой, хозяйской кооперации. Так, во время беспорядков на Брянском заводе в Екатеринославе (в 1898 г.) рабочие подожгли и разграбили лавку потребительского общества. При судебном разбирательстве показаниями свидетелей-инженеров было выяснено, что товары в этой лавке продавались дороже, чем в частных мелких лавочках; рабочие вынуждены были забирать товары в потребительском обществе, так как не получали заработной платы месяцами; при нужде в наличных деньгах рабочие часто вынуждены были забирать товар в лавке и продавать его на сторону. Во время беспорядков на Сормовских заводах (в 1899 г.) рабочие разнесли ренсковой погреб потребительного общества, нанеся ему убытку свыше 3.000 рублей. На суде снова выяснилось, что товары в потребительном обществе продавались по ценам выше рыночных; правление заводов выдавало заработную плату очень охотно харчевыми записками и в лавку и очень неохотно деньгами и т. д. [1]).

Такие факты не были единичными, а разгром лавок свидетельствовал об отношении рабочих к фабрично-заводским обществам, во всяком случае, не менее выразительно, чем присвоенное им

[1]) Прокопович, Кооперативное движение в России, 2 изд., М. 1918 г., стр. 278.

рабочими прозвище «грабиловка». И однако фабрично-заводские общества трактовались кооперативными учреждениями, призванными быть компетентными, не только как равноправные члены кооперативной семьи, но и брались под защиту.

В 1900 г. в Постоянную Комиссию по делам потребительных обществ при Петербургском отделении Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах поступила от фабрично-заводских обществ жалоба на фабричную инспекцию, которая применяет к обществам те же инструкции и правила о расценке товаров и продаже в кредит, которые были изданы для фабричных лавок. И Постоянная Комиссия составляет докладную записку, в которой берет под свою защиту фабрично-заводские общества [1]). Дело здесь не только в том, что жалоба общества по существу недостаточно обоснована: мы приводили выше свидетельство А. А. Микулина, показывающее, что фабричная инспекция имела не одно формальное право применять к лавкам фабрично-заводских обществ ту же мерку, что к фабричным лавкам. Более характерна сама аргументация Постоянной Комиссии, язвительно указывающей, что фабричная инспекция не посмеет вмешиваться в дела акционерной компании, между тем как «потребительное общество также является своего рода компанией, или, вернее, товариществом, только основанной на принципе взаимопомощи»; что если фабричная инспекция имеет в виду благо рабочих, определяя, какие товары могут продаваться рабочим в кредит, то и «общество потребителей основывается *не для эксплоатации рабочих* (курсив подлинника), входящих в его состав»; что «с какой стороны ни посмотреть на потребительские общества, оказывается, что они, в конце концов, заботу о своих членах ставят на первый план и в этом отношении, можно сказать, являются самыми *лучшими активными помощниками* министерства финансов, так как они имеют целью научить участников полагаться, главным образом, на свои собственные умственные, нравственные и физические силы или, выражаясь короче, обходиться без помощи *каких бы то ни было опек*» (курсив подлинника) и т. д. Не довольствуясь такими либеральными излияниями, Комиссия берет, однако, под защиту

[1]) Отчет Комиссии за 1900 г., СПБ. 1901 г., стр. 25—28.

и самую продажу в кредит, доказывая, что «ограниченный кредит в обществе потребителей будет меньшим злом, чем неограниченный у местных торговцев», что «вообще говоря, наш рабочий в большинстве случаев нуждается в кредите с момента прихода на фабрику». И все это писалось в то время, когда практика фабрично-заводских обществ была в расцвете, когда старейшему центру потребительской кооперации легко было бы усвоить на эти общества взгляд более правильный, чем признание за ними заслуг в качестве одного из «самых лучших активных помощников министерства финансов».

Больше того: в том же году Постоянная Комиссия, ревизуя дела общества «Общая Польза» при Александровском механическом заводе, ставит последнему на вид, что «не было закончено соглашение с администрацией завода об удержании денег за забор посредством вычетов из жалованья в конторе завода по представленным правлением спискам», а в постановлении своем говорит: «в виду того, что, повидимому, ближайшее начальство Александровского завода относится совершенно безразлично к судьбе общества, просить начальника Николаевской жел. дор. о том, не найдет ли он возможным сделать распоряжение о погашении заборов рабочих, участников общества, посредством вычетов из жалованья» и т. д. Постоянная Комиссия, вместо того, чтобы укрепить и развить независимость общества, готова поощрить систему удержания заборной суммы из жалованья, а заводской администрации ставит в упрек ее безразличное отношение к судьбе общества.

Но таков, видно, был примитивный уровень кооперативного сознания даже в кооперативных верхах. Мы видели, что и проф. Озеров, игравший видную роль в кооперативном движении девяностых годов прошлого столетия, относился к фабрично-заводским обществам благосклонно, усматривая «много труда и мысли», в них вложенных, и ценя в них школу кооперативного воспитания рабочих. Такой примитивности взглядов не приходится удивляться, если помнить, что весь этот период—от начала девяностых годов до 1905 года—был периодом перехода от приниженных форм кооперации к ее свободным формам, периодом зарождения подлинной кооперации и собирания ее сил.

В 1896 году, во время Нижегородской выставки состоялся Всероссийский торгово-промышленный съезд, к участию в котором, по ходатайству Петербургского отделения Комитета о ссудо-сберегательных и промышленных товариществах, были допущены представители потребительных обществ. Приглашение было разослано 112 обществам, откликнулось на приглашение 36 обществ, а прибыло на съезд всего 34 представителя от 28 обществ. Это было, собственно говоря, совещание кооператоров, а не съезд, тем не менее, оно сыграло крупную роль в русском кооперативном движении, а для того времени явился совершенно небывалым кооперативно-общественным событием. Правда, представители с мест не обнаруживали особого размаха кооперативного творчества и в докладах своих часто сбивались на такие темы, как «о понижении для обществ потребителей железнодорожных тарифов», «о разрешении выписки по росписи вин и водочных изделий для членов общества потребителей», «об освобождении обществ от налогов» или «о праве общества потребителей употреблять при торговле марки» [1]). Но тон задавали не провинциалы; руководящие же кооперативные круги во главу угла работ совещания поставили разрешение двух задач: издание нормального устава потребительных обществ и создание кооперативного центра. Обе эти задачи были совещанием так или иначе разрешены. Проект нормального устава, принятый совещанием, был вскоре (в 1897 г.) утвержден правительством с некоторыми изменениями и с передачей губернаторам права разрешать общества, учреждаемые по нормальному уставу. Мысль о создании кооперативного центра получила тоже скоро осуществление, с одной стороны, в признании за Петербургским отделением Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных т-вах права выполнять функции центра, с другой стороны—образованием Московского Союза Потребительных обществ (в 1898 г.).

Особенное значение имело образование Московского Союза, которому выпало на долю сыграть исключительно-выдающуюся роль в русском кооперативном движении и стать всероссийским центром потребительской кооперации еще задолго до того, как он превратился в «Центросоюз».

---

[1]) См. Труды Нижегородского Съезда, т. II.

Но тогда, во второй половине девяностых годов, это стремление к объединению не говорило о какой-либо зрелости кооперативного движения и шло больше сверху, от кооперативных «одиночек», чем снизу, от кооперативной «массы», каковой не было даже в намеке. Характерно, что учредителями Московского Союза явились 18 обществ, среди которых было три офицерских, 2 железнодорожных, 6 фабрично-заводских и только 6 городских и одно сельское. По иронии русской судьбы, среди учредителей Союза, которому суждено было стать центром, по преимуществу, сельской потребительской кооперации, было всего одно сельское общество, но зато было 11 корпоративных и зависимых обществ и среди них три офицерских общества, меньше всего призванных думать о кооперативно-союзном строительстве! Но это именно свидетельствовало о том, что движение шло сверху, в условиях, когда видный кооперативный деятель Н. П. Гибнер, представитель офицерского общества, мог сказать, что он приехал на нижегородское совещание капитаном, а уехал с него кооператором.

Такое причудливое сочетание было отражением тогдашнего состояния кооперативного движения. Всего в 1897 году насчитывалось 307 обществ, среди которых половину (152 или 49,1%) составляли зависимые и корпоративные общества (фабрично-заводские, железнодорожные, офицерские, чиновничьи). С виду, несмотря на небольшое число обществ, все это производило если не солидное, то благоприятное впечатление. Общее число членов равнялось 55.214 чел., при чем половина обществ насчитывала от 100 до 500 членов; собственные капиталы всех обществ доходили почти до 3 миллионов рублей, в том числе паевой капитал составлял свыше 2 милл. рублей, при чем на одно общество приходилось 28,000 руб. капитала и на одного члена—50 руб., оборот обществ доходил в общем до 16 милл. рублей. Однако, все это было миражем, который порожден был тем, что в составе обществ преобладали зависимые и корпоративные общества, очень далекие от кооперации, но обладавшие устойчивостью и делавшие крупные обороты, в особенности офицерские, число которых доходило до 23.

Общая кооперативная обстановка остается сдавленной и здоровые кооперативные ростки все еще заглушаются кооператив-

ными плевелами. Приведем некоторые общие итоги кооперативного движения за это время:

	1897 г.			1900 г.			1904 г.		
	абс. чис.	%		абс. чис.	%		абс. чис.	%	
Городские кооперативы	99	32		180	31		257	27	
Сельские »	56	18		133	23		380	40	
Фабрично-зав. »	91	29		159	27		181	19	
Железно-дор. »	25	8	48,5	33	6	44	46	5	31
Офицерские »	23	7,5		27	5		28	3	
Чиновничьи »	13	4		36	6		41	4	
Прочие »	—	—		4	0,6		15	2	
Незав. рабоч. »	—	—		5	0,8		3	0,3	

В 1897 году и даже в 1900 г. зависимые и корпоративные общества составляют почти половину всех обществ, а в 1904 г. их все еще почти целая треть. Нарастают городские общества, еще быстрее растут сельские кооперативы, но они еще не завладели кооперативным полем, которое остается далеко не очищенным от чертополоха, и потому, в общем, дает чахлые кооперативные плоды.

М. Л. Хейсин имел все основания писать о кооперации этого периода: «Это еще не были кооперативы, а просто торговые предприятия на товарищеских началах. Кооперативные идеалы только мерцали в центрах кооперации» [1]). Действительно, в них было все, что угодно, но меньше всего было кооперативного содержания.

Такая кооперативная обстановка сама по себе, разумеется, не могла заражать кооперативным воодушевлением и, тем более, ускорить нарождение независимой рабочей кооперации. Три рабочих кооператива, зарегистрированных в 1904 году,— какие-то белые точки, если только они и были белыми, на этом черном фоне.

2.

Если в общем слабое кооперативное движение не могло создать почвы для зарождения рабочей кооперации, то тем менее такую почву давало рабочее движение того времени.

По сравнению с предыдущим периодом, до начала девяностых годов прошлого столетия, интересующий нас теперь период—от

[1]) Исторический очерк кооперации в России, стр. 88.

начала девяностых годов до 1905 года—является временем не разрозненных и редких выступлений отдельных групп рабочих, а началом массового рабочего движения [1]). С середины девяностых годов это движение, нарастая, получает все более широкие размеры, под конец принимая политическую окраску и переходя в революционное движение 1905 года.

В 1895 году бастуют в Петербурге рабочие Путиловского завода, фабрики Торнтон, табачной фабрики Лаферм, в Москве—Прохоровской мануфактуры, откуда стачечная волна перебрасывается в Иваново-Вознесенск. В 1896 году (май и июнь) крупная и правильно организованная стачка охватывает бумагопрядильные и ниточные фабрики Петербурга, при чем рабочими, в числе других требований, выдвигается требование 10-часового рабочего дня. В январе и апреле 1897 года происходит новый взрыв стачек на бумаго-прядильных и ткацких фабриках Петербурга, которые перебрасываются на Московскую, Тверскую и Костромскую губернии, приводя к изданию закона 2 июня 1897 г. об ограничении продолжительности рабочего времени и т. д.

Это было, по размаху и напряженности, совершенно ранее неведомое России рабочее движение. Временами бастовала не одна только фабрика, но целая группа их, бастовали не в одном районе, а в нескольких, в некоторых случаях забастовка принимала даже всеобщий характер (в Иваново-Вознесенске, в декабре 1897 г., вследствие сокращения числа праздников, после издания закона 2 июня 1897 г.).

Постепенно нарастая, рабочее движение на опыте борьбы воспринимает политическое содержание. Начало XX века отмечено уже рабочими политическими демонстрациями. Ростовская стачка 1902 года завершается политическими лозунгами, которые с тех пор все чаще переплетаются с экономическим характером движения. Забастовочное движение 1903 года ввело в практику рабочего движения всеобщую стачку, как орудие не только экономической, но и политической борьбы.

Однако, основным, определяющим моментом движения этого периода является все же еще не политика, а экономика, не по-

---

[1]) См. М. Балабанов, Очерки по истории рабочего класса в России, ч. III.

литическая борьба, а борьба за «непосредственные интересы», за улучшение условий труда. Ближайшей причиной, вызвавшей к жизни это движение, было ухудшение положения рабочих, порожденное нахлынувшей в город резервной армией труда после голодного 1891 года. Последовавшее в эти же годы промышленное оживление (приток иностранных капиталов, постройка железных дорог, рост городов и т. п.) облегчало борьбу рабочих и давало возможность ее расширения. Становясь массовым, рабочее движение направлялось прежде всего по той линии, которая была доступнее для этой массы,—по линии экономической борьбы.

Этот характер борьбы станет наглядным, если мы сопоставим данные о стачках по экономическим и политическим причинам в десятилетие 1895—1904 г.г. с такими же данными за последующие четыре года [1]):

	Число забастовщиков в $^0/_0$ к общему числу бастовавших:				
	1895—1904 г.г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.
Экономические	92,1	37,6	40,2	23,2	46,1
Политическ. и професс .	7,9	62,4	59,8	76,8	53,9

В 1895—1904 г.г. стачки по политическим и профессиональным поводам совершенно тонут в общей массе экономических стачек. В последующие годы они теряют свое первенствующее значение, которое переходит к стачкам по политическим и профессиональным поводам.

Эта картина отановится еще более отчетливой, если расчленить приведенные данные по основным пяти группам причин стачек:

	1895—1904 г.г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.
Рабочая плата	48,6	22,9	27,3	15,6	28,6
Рабочее время	30,0	11,3	7,2	4,8	9,8
Условия быта и труда .	13,5	3,4	5,7	2,8	7,9
Политич. и професс. .	7,9	62,4	59,8	76,8	53,9

Среди экономических требований впереди идут требования повышения заработной платы, затем сокращения рабочего вре-

[1]) См. В. Е. Варзар, Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895—1904 гг., СПБ. 1905, г., стр. 47 и след., и его же «Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906—1908 гг.», СПБ. 1910, г., стр. 37 и след.

мени, и, наконец, улучшения условий и быта труда. Что касается последних требований, которые в данном случае нас больше всего интересуют и в число которых входят также требования об улучшении довольствия, то в десятилетие 1895—1904 г.г. они имеют место значительно более часто, чем в последующие годы. «По поводу причин разнообразных неудовольствий, фигурирующих в этой категории, — читаем в официальном обзоре стачечного движения,—надо сделать общее замечание, что содержание пожеланий рабочих в этой области изменяется и постепенно становится шире и изысканнее. Если раньше здесь нередко заявлялись неудовольствия на плохие харчи, квартиры, недостаток лечения и т. п., то с 1905 года преобладают требования более существенные, как-то: вознаграждение за время болезни, пособия беременным, устройство правильной врачебной помощи, школ, библиотек, развлечений и т. п.». Иначе говоря, в период 1895—1904 г.г., при решительно преобладающих экономических мотивах забастовок, борьба рабочих более усиленно, чем в последующее время, направляется также на улучшение довольствия, на условия харчевого питания, практику фабричных лавок и т. д. Интересы свои, как потребителя, рабочий этого периода отстаивает, не отделяя их от общих интересов своих, как продавца рабочей силы, теми же способами, как последние, предъявляя к капиталу, на ряду с требованиями повышения заработной платы, требование улучшения довольствия.

К такому положению приводила, как указано выше, и политика капитала, направленная к эксплоатации рабочего, как потребителя, к всестороннему прикреплению его, в том числе в отношении продовольствия, к фабрике, к подавлению в нем, так сказать, потребительской личности. К этому же вело и крайне слабое развитие потребностей рабочего, низкий уровень его культуры, принижаемый низкой заработной платой и общим бесправным существованием рабочего.

Понятно, что когда в рабочем стали пробуждаться сознание и активность, он направил свою работу прежде всего на повышение заработной платы, чтобы вырваться из «полуживотной» жизни. Понятно также, что низкий уровень жизни, задерживая развитие потребностей, еще долгое время позволял рабочему обходиться меньшим и худшим, не знать благ культурной жизни.

Рабочий-потребитель, как каторжник к тачке, был прикреплен к тяжелой обстановке фабричной работы, его запросы, как потребителя, оставались неразвитыми и совершенно растворялись в общем стремлении облегчить тяжесть суровой доли, добиться просвета в повышении заработка и в понижении рабочего дня. Борьба должна была еще развиться, а потребности—расшириться и усложниться, чтобы запросы потребителя-рабочего предъявили необходимость в особых методах борьбы,—сверх общей экономической борьбы,—в своей рабочей кооперации, которая служила бы к повышению уровня жизни и боевой силы рабочего класса. Но пока еще этих условий налицо не было.

Если мы обратимся к тому «лучу света», который мог бы быть внесен в рабочее движение со стороны—к общему характеру общественно-революционного движения,—то и здесь не найдем для нарождения рабочей кооперации благоприятных показателей, если даже допустить, что влияние со стороны могло быть столь сильным, чтобы повернуть рабочее движение в другое русло.

Ко времени, о котором идет речь, с народническими общинно-артельными иллюзиями уже было покончено. Первое время еще громко звучала литературная полемика, но победила, в конце концов, не сила доводов от разума, а быстрая экономическая эволюция России, превратившая последнюю в определенно капиталистическую страну. Артельные увлечения стали уделом мелко-буржуазной идеологии, только по недоразумению продолжавшей носить ярлык социалистической. К потребительской кооперации стала приобщаться деревня, менее всего зараженная социалистическими стремлениями, а в городах—впервые и в отличие от предыдущего времени—кооперация начала обосновываться прочно, не на песке, а на черноземе интересов городской мелкой буржуазии, выраставшей вместе с ростом капитализма—всякого рода служилого люда, ремесленников и т. п. Для артельно-общинных иллюзий в духе народничества больше не было места, и если социалистический налет еще долгое время оставался на мелко-буржуазной кооперации, то он был, так сказать, безобидного характера, сливаясь с несложным кооперативным «романтизмом», говорящим о кооперации не иначе, как с дрожью в голосе и со слезами на глазах.

На ряду с этим кооперация не получила еще своего места и в рабочей идеологии. Мы не удивимся этому, если, прежде всего, припомним, что лишь к тому времени и на Западе кооперативное рабочее движение стало сближаться с рабочим движением и служить одной с ним цели. Пройдя несколько этапов в оценке кооперативного движения, международная социалистическая мысль лишь в сравнительно недавнее время целиком и полностью стала на точку зрения признания кооперативного движения одной из форм рабочего движения, на ряду с профессиональным и политическим [1]).

Признание значения классовой организации пролетариата, как потребительской массы, стало общим и практически-действенным не на заре, а, так сказать, в полной зрелости европейского рабочего движения.

Естественно, что на заре нашего революционного движения дело не обстояло иначе. Социал-демократия разбила народнические иллюзии, но кооперация в поле ее зрения еще не стояла и не могла в то время стоять. И мысль, и революционная практика были заняты тем, чтобы овладеть *данными* формами рабочего движения, чтобы придать ему массовый характер и его революционизировать. На очереди стояла задача перевести экономическую борьбу в борьбу политическую, в борьбу против самодержавия и за политическое раскрепощение страны, которое открыло бы возможность дальнейшей классовой борьбы пролетариата и нарождения его классовых организаций. При данном состоянии рабочего движения и в условиях самодержавно-полицейского строя, стоявшего еще незыблемым, исключалась сколько-нибудь практическая и, в особенности, революционно-плодотворная постановка вопросов рабочей кооперации.

3.

Если для кооперации, вообще, период, о котором мы говорим теперь, является периодом зарождения широкого кооперативного движения, и в этом смысле периодом переходным, то о незави-

[1]) Мы не касаемся здесь этого вопроса, отсылая читателя к книге Э. Вандервельде, Кооперация нейтральная и кооперация социалистическая, М. 1919 г. (имеется и другой перевод в изд. Киевского рабочего кооператива «Жизнь»).

симой рабочей кооперации в эти годы говорить совсем не приходится или приходится с большой осторожностью.

Правда, мы видели, что кооперативная статистика насчитывала в 1900 г. 5 независимых рабочих кооперативов и в 1904 г.— три. Данные же кооперативной секции Всероссийской выставки в Киеве (1913 г.) идут еще дальше и насчитывают 13 рабочих кооперативов, возникших до 1905 года, в том числе по одному в 1877 г., 1890 г., 1892 г., 1893 г., 1896 и 1899 г.г., три— в 1900 г., один в 1901, два в 1902 г. и один в 1904 г. [1]). Выходит, таким образом, что начало независимой рабочей кооперации в России нужно отнести если не к концу семидесятых годов, то к девяностым годам прошлого столетия или, во всяком случае, к первым годам XX века.

Однако, это едва ли так, и, повидимому, не всегда рабочим кооперативом называлось то, что достойно было этого имени. Так, Н. Орлов, касаясь вопроса, «когда и как возникли свободные рабочие потребительские общества в С.-Петербурге», пишет, со слов старожилов: «В 1896—98 г.г. фабриканты и заводчики пробовали насаждать своеобразную свободную кооперацию—нечто вроде кооперативной зубатовщины,—открыто было несколько отделений на хозяйские капиталы. Рабочие имели право быть членами, размер пая был весьма демократичен— 5 рублей. Но рядовые члены не имели никакого влияния на управление, всем заправляли заводские мастера и т. п. служащие, по доверию хозяев. «Серый люд» допускался лишь в наблюдательные комиссии, да и то с большим выбором. Но и в качестве «наблюдателей» рабочие ничего не могли делать: единственной их функцией в этом звании было—дежурить по очереди в лавках и следить за правильным отпуском товаров. На почве бесконтрольности развились хищения, кумовство... Вся затея, начатая, очевидно, неумело, через два с лишним года погибла, при чем погибли и паевые взносы рабочих» [2]).

Н. Орлов считает эту предпринимательскую затею попыткой «насаждения кооперации в петербургской рабочей среде». Однако,

[1]) См. «Кооперация на Всероссийской выставке 1913 г. в Киеве», К. 1914 г., табл. I.

[2]) Н. Орлов, Рабочая потребительская кооперация в Петербурге. «Вестник Кооперации», 1914 г., № 4, стр. 46.

по существу, это начинание примыкает к зависимой фабрично-заводской кооперации. Рабочие никаким влиянием в обществах не пользовались, всем заправляли мастера, ставленники предпринимателей. Последние—в год стачечного движения петербургских рабочих—лишь попытались применить зубатовский прием, прикрывая формальную зависимость кооперативов от предприятий и создавая видимость самостоятельного, независимого от фабрики, существования потребительских обществ. Но в этой попытке мы едва ли можем усмотреть начало свободной рабочей кооперации, так как в ней не было самого главного—свободной инициативы и самостоятельной деятельности рабочих.

С другой стороны, А. Меркулов первым независимым рабочим кооперативом считает кооператив «Общая Польза» при Александровском механическом заводе [1]) Как мы уже знаем, общество это было основано в 1871 году 74 мастеровыми и рабочими завода. Мы приводили также отзыв об этом обществе составителя отчета о нем в «Сборнике материалов». В заслугу обществу ставилось то обстоятельство, что рабочие поставили дело на ноги «при грошевых средствах, без всякой внешней помощи, единственно личными усилиями». Таким образом, связи с заводом и формальной от него зависимости не было. Такое отношение к заводу сохранилось и на будущее время: мы видели, что Петербургская Постоянная Комиссия, ознакомившись с делами «Общей Пользы» в 1900 г., поставила Николаевской жел. дор. на вид «совершенно безразличное» отношение к судьбе общества, откуда можно было заключить, что заводская администрация не вмешивалась в дела общества.

Что представляла собой «Общая Польза» в остальном? «Сборник материалов» отмечает несколько дефектов, относящихся к первым годам деятельности общества. Устав, допуская неограниченное число паев, предоставляет общему собранию определить наибольший размер числа паев, каким может владеть одно лицо, но лицо, приобревшее уже прежде большее число паев, сохраняет и впоследствии право на такое же число паев. Этим создавалось преимущество для учредителей общества и открывалась возможность использования его, как мелко-акционерного

[1]) Меркулов, Исторический очерк, стр. 54.

предприятия. Вероятно, так было и на самом деле, ибо «Сборник материалов» отмечает несоответственно малое увеличение числа членов сравнительно с возрастанием его оборотов. С другой стороны, общество допускало практику, обычную в зависимых обществах. Вкладчики, не имевшие полных 25-рублевых паев, не имели права голоса в делах общества, члены общества выдавали книжки на забор посторонним, получая с их забора прибыль [1]).

Эти черты в жизни общества сохранялись и в позднейшее время. Ревизия дел общества Постоянной Комиссией в 1900 году установила, между прочим, что каждый член мог от себя выдавать заборные кредитные книжки своим знакомым, при чем, сам получая деньги, не всегда вносил их в кассу общества; общие собрания с целью увеличения дивиденда причисляли к прибылям отчетного года произвольные суммы за счет прибылей будущих лет. В одном отношении положение изменилось к лучшему: по уставу общество было замкнутым и членами его могли быть лишь служащие и рабочие завода, но на практике в члены общества допускались и посторонние лица. Однако, число членов общества оставалось крайне незначительным: в 1900 году насчитывалось 272 члена против 94 в 1872 г., т.-е. за 28 лет прибавилось всего 178 членов. Еще более ничтожным оказался прирост числа членов из рабочих и служащих завода: в 1900 году последних было 162 человека против 94 в 1872 году, т.-е. за 28 лет прибавилось всего лишь 68 членов из числа рабочих и служащих завода [2]).

Таким образом, мы можем принять «Общую Пользу» в качестве независимого рабочего кооператива лишь с большими оговорками. Формальной зависимости от завода не было, по уставу общество было замкнутым. Построено оно было по распространенному в то время типу зависимых обществ, возникавших по инициативе служащих: при высоком пае (25 руб.) создавало привилегии для более имущих пайщиков, поощряло погоню за дивидендом, захватило в свой состав лишь незначительное число рабочих завода. Выгодно отличаясь от общегражданских обществ первого периода более толковой постановкой дела и более вни-

---

[1]) Сборник материалов, стр. 302.

[2]) Отчет Постоянной Комиссии за 1900 г., стр. 9.

мательным обслуживанием нужд рабочих, «Общая Польза», однако, не оказалась сильнее условий времени и заражена была недугом, обычным в жизни зависимых обществ.

Наконец, Н. Орлов рассказывает еще об одной попытке организации свободного рабочего кооператива: «На Большом проспекте Васильевского Острова существовало маленькое свободное общество еще чуть ли не в 80-х годах, но оно скоро погибло, лавка перешла в руки торговцев».

Таковы три типа, по которым складывались эти слабые намеки на свободную рабочую кооперацию. Наиболее близко к последней стоит «маленькое» общество на Васильевском Острове. Весьма возможно, что попытка организации своего кооператива исходила из более сознательных кругов рабочих, но, не находя в массе отклика, она обречена была на гибель. Наиболее далеко от рабочей кооперации стояли кооперативы предпринимательско-зубатовского типа, являвшие собой образ зависимого общества лишь под другим соусом. Среднее промежуточное положение занимали кооперативы типа «Общей Пользы», возникавшие независимо от заводоуправлений, но подпадавшие влиянию общего духа времени, замкнутые по своей тенденции и не сливающиеся с широкой рабочей массой.

Кооперативы последнего типа примыкают к тем зависимым по существу обществам, которые возникали по инициативе служащих и в деятельности своей мало отличались от зависимых обществ вообще. Поэтому если можно говорить о существовании независимых обществ в этот переходной период, то лишь в ограничительном и условном смысле: это были общества, захватывавшие лишь тонкие верхушки заводских рабочих и служащих, в практике своей не порывавшие с примитивной практикой кооперации того времени, очень еще далекой от осуществления кооперативных принципов, и по духу своему связанные с зависимой кооперацией. Пролетарское содержание в этих кооперативах было лишь в слабом намеке, да и сами эти кооперативы возникали единицами, случайно и редко, оставляя поле деятельности всецело фабрично-заводским обществам.

Независимая рабочая кооперация возникает лишь с 1905 года, когда рабочее движение вырвалось широкой волной на поверхность и вылилось в формы революционной классовой борьбы.

Однако, это не значит, что только с 1905 года начинается история рабочей кооперации, а все, что ему предшествовало, не имеет отношения к рабочему кооперативному движению. Предыдущее изложение должно было показать, что рабочий класс России, прежде, чем приступить к организации своих независимых кооперативов, прошел продолжительный путь, путь мытарств, познания горьких плодов кооперации, борьбы за свое раскрепощение, как потребителя.

Еще в середине шестидесятых годов идея кооперации нашла отклик среди рабочих Кыновского завода, в те же годы она зарождается на Петровском заводе, в самом начале семидесятых годов приводит к основанию «Общей Пользы» на Александровском заводе в Петербурге. Кабальное существование рабочей массы, приниженное и зависимое от капитала положение рабочего, как потребителя, явившееся спутником раннего периода капиталистического развития, не дает почвы для развития кооперации, которой завладевает капитал, чтобы поставить ее себе на службу. На долгие годы господство в рабочей среде получает зависимая фабрично-заводская кооперация. Рабочий класс вступает в экономическую борьбу, стремясь, главным образом, к повышению заработной платы, чтобы таким путем поднять уровень своей жизни. Потребительные интересы его остаются неразвитыми и связанными целиком с вопросами заработной платы; если интересы эти выделяются особо, то удар направляется против фабричных лавок, практики зависимых кооперативов, за улучшение харчевого довольствия. С другой стороны, если лишено основания мнение, что зависимая кооперация, послужила для рабочего класса школой кооперативного воспитания, то несомненно, что перед более сознательным кругом рабочих вопрос о раскрепощении зависимых обществ стал многим раньше, чем борьба за такое раскрепощение приняла широкие размеры. Именно, в связи с попытками освободиться от опеки капитала в фабрично-заводских обществах, нужно думать, находятся первые шаги к зарождению независимой кооперации как учреждением при отдельных предприятиях обществ замкнутых, но независимых от заводоуправлений, так и слабыми попытками организации свободных кооперативов.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ОБЩИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ НЕЗАВИСИМОЙ РАБОЧЕЙ КООПЕРАЦИИ.

1.

1905 год резко и до неузнаваемости изменил общую картину рабочего движения. Отдельные ручейки и ручьи его слились в бурный поток, который оказался недостаточно стремительным для того, чтобы сокрушить самодержавие, но уже был такой силы, что поколебал устои царского порядка и опрокинул многие из препон, стоявших на пути борьбы рабочего класса. Десятилетиями накопившаяся энергия российского пролетариата, его смутные искания путей к освобождению озарились теперь светом классового сознания, проникавшим в самую толщу рабочей массы.

Здесь нет никакой необходимости напоминать о силе и размахе революционного рабочего движения 1905 года, приведшего к октябрьской всеобщей забастовке и к московскому вооруженному восстанию, вырвавшего у самодержавия манифест 17-го октября и законодательную Думу, поднявшего в стране пламя революции и массового крестьянского движения. Достаточно напомнить, что если за все десятилетие 1895—1904 г.г. бастовало 431.254 рабочих, то в следующее десятилетие (1905—1914 г.г.) бастовало свыше 8 миллионов, т.-е. в 20 раз больше. В среднем за десятилетие 1895—1904 г.г. бастовало в год 43.125 рабочих, в десятилетие 1905—1914 г.г.—805.468 рабочих [1]). В особен-

---

[1]) Статистические сведения о стачках рабочих 1894—1905 г.г. и Свод отчетов фабричных инспекторов за 1914 г.

ности разрастается стачечная политическая борьба рабочего класса. За десятилетие 1895—1904 годов бастуют по политическим мотивам 32.195 рабочих, за следующее десятилетие (1905—1914) свыше 5 миллионов, т.-е. приблизительно в 160 раз больше. За исключением трех лет обостренной реакции (1908—1910), все последующие годы второго десятилетия отмечены развернутой борьбой рабочего класса, достигшей высшего напряжения в трехлетия 1905—1907 г.г. и 1912—1914 г.г. И здесь никакого, даже отдаленного приближения к первому десятилетию нет: 1903 год—год наиболее яркий по политическим выступлениям в десятилетии 1895—1904 г.г.—дает всего около 20 тысяч забастовщиков по политическим мотивам против среднего ежегодного полумиллиона для второго десятилетия. Эти цифры красочнее всяких слов говорят о сдвиге, происшедшем в рабочем движении в 1905 году. Получив наибольший размах в 1905 году, политическая борьба рабочего класса, за исключением середины десятилетия, держалась почти на равном высоком уровне и накануне войны проявила тенденцию к новому повышению до уровня 1905 года (в 1914 г. бастовало 1.337.458 рабочих, из них принимало участие в политических забастовках—985.655).

Но такое напряжение политической борьбы не означает еще симптоматического ослабления экономической борьбы. Выше приведены были данные, сопоставлявшие для 1894—1904 г.г. и 1905—1908 г.г. забастовки экономические и профессионально-политические. Данные эти показали, что в 1905—1908 г.г. преобладание переходит к последнего рода стачкам. Если, однако, выделить политические стачки, то окажется, что число рабочих, бастовавших по причинам экономическим, значительно понизилось лишь в 1907, 1912 и 1914 г.г., но охватывало более половины всех бастовавших рабочих даже в 1905—1906 г.г. и приближалось к уровню десятилетия 1895—1904 г.г. (92,1%) в 1909—1911 г.г. [1]). Очевидно, что исключительная по силе волна политических забастовок не ослабила борьбы за улучшение условий труда.

---

[1]) Процент рабочих, бастовавших по экономическим поводам, по отношению к общему числу бастовавших рабочих составлял: в 1905 г.—62,2, в 1906 г.—53,6, в 1907 г.—29,6, в 1912 г.—24,3, в 1914 г.—26,3.

Мы не станем здесь входить в дальнейший анализ забастовочного движения этих лет. Напомним лишь, что экономическая борьба, носившая сперва наступательный характер, принимает потом характер оборонительный, когда капитал, пользуясь разгромом революции 1905—1906 г.г., переходит сам в наступление и отнимает у рабочих завоевания революционного времени. На почве этого обострения классовой борьбы, забастовки принимают более упорный характер и почти неизменно охватывают целые группы предприятий.

По сравнению с предыдущим периодом рабочее движение после 1905 года принимает широкий массовый характер, заполняется классовым содержанием, приближается к европейским формам движения и все чаще принимает форму революционной борьбы. В этом фазисе движения нас должна сейчас в особенности интересовать одна сторона его.

Чем упорнее становилась экономическая и политическая борьба рабочего класса, тем более остро должен был он сознавать необходимость классовых организаций. Руководство борьбой партийно-революционными комитетами не могло, конечно, заменить организации самой массы, а случайное возникновение стачечных комитетов тем меньше способно было ввести движение в организованное русло. Массы на практике борьбы познавали правильность лозунга объединения, проявляли солидарность в выступлениях и сами искали путей к организации.

Некоторую инициативу в этом отношении рабочие проявили задолго до 1905 года, в создании своих организаций на началах касс взаимопомощи («Харьковское общество взаимопомощи занимающихся ремесленным трудом», «Костромское общество взаимопомощи трудящихся», «Киевское общество взаимопомощи печатников», общества приказчиков и т. д.), но эти общества постигла та же судьба, что зависимые потребительские общества. Стиснутые полицейскими условиями, оторванные от масс, они превратились в «богоугодные» учреждения, лишенные всякого классового содержания и всякого значения для рабочей массы.

1905 год радикально изменил положение в этом отношении. Рабочая масса, вступившая на путь широкой и открытой борьбы, еще острее почувствовала необходимость в рабочих организациях и в процессе этой борьбы получила силу их строить во-

преки полицейским преградам. В непосредственной связи с январским движением 1905 года зарождается в Петербурге первый профессиональный союз — Союз рабочих печатного дела, а летом он уже начинает деятельность, конечно, оставаясь нелегальным. Вслед за тем в Петербурге организуются союзы конторщиков, приказчиков, фармацевтов, портных. В это же время возникает мысль о создании первого Центрального Бюро, как органа, объединяющего союзы.

К октябрьским дням 1905 года профессиональные союзы существовали уже как в Петербурге и в Москве, так и в провинции. В октябре—декабре—в месяцы наибольшего обострения борьбы—это стремление к организации приобретает массовый характер и выражается в образовании советов рабочих депутатов, как органов, направляющих и организующих массовую борьбу, которая, в свою очередь, дает новый толчок росту профессиональных союзов. С этого времени профессиональное движение укрепляется и уничтожить его уже не в силах самые свирепые набеги реакции. Профессиональные союзы продолжают жить и бороться то как легальные, то как нелегальные организации, то комбинируя легальную и нелегальную формы существования.

Одновременно с количественным ростом рабочего движения происходит его качественный рост. Классовой борьбой охвачены не отдельные только группы рабочих, но рабочая масса, и движение ее происходит не вслепую, не обязательно стихийно, а все чаще под руководством классовых организаций, создаваемых самими рабочими. Самодержавная бюрократия продолжает властвовать, но колеблются ее устои, и всякое создаваемое ею заграждение уступает напору рабочей массы, которая все более настойчиво выходит на путь организованной борьбы.

В этом процессе классовой организованности пролетариата начинает высвобождаться личность рабочего, как потребителя. Экономическая борьба, усиленная политической борьбой, приводит к экономическим завоеваниям. Сокращение рабочего времени, повышение заработной платы, борьба с патриархально-кабальными условиями фабричной работы—все это если еще не создавало возможности лучшего удовлетворения потребностей рабочего, то, во всяком случае, поднимало их на более высокий

уровень. Конечно, эти завоевания были весьма относительны; они были еще далеки от того, что нужно рабочему, чтобы жить не только культурно-человеческой жизнью, но и жизнью сытой; уровень жизни, повышенный борьбой, часто понижался успешным наступлением капитала; увеличение заработной платы не поспевало за возрастающей дороговизной жизни. Но все же, по сравнению с прошлым, это был шаг вперед, это было усложнение потребностей рабочего, выраставших в борьбе, и более активное стремление к лучшему их удовлетворению. Потребительская зависимость от капитала становится все более нестерпимой и начинает назревать стремление рабочего самостоятельно обслуживать себя, как потребителя. Общая тяга к построению классовых организаций перебрасывается также на кооперацию.

2.

Остановимся на некоторых моментах этого нового положения рабочего класса, как потребительской массы.

Обратимся прежде всего к дороговизне жизни.

Она давала себя чувствовать с особенной силой после 1905 г., когда она была явлением не только российским, но мировым. Чувствительнее всего повышение цен должно было сказаться на рабочих, так как рост заработной платы не поспевал за вздорожанием жизни. Цены на хлебные продукты в 1912 году по сравнению с средней 1890—1899 г.г. поднялись на 45,7, цены животных продуктов на 53,7 и цены на все вообще товары—на 38,9 [1]). Несоответствие роста заработной платы этому росту дороговизны жизни можно изобразить нагляднее всего, если перевести денежную заработную плату в реальную плату, т.-е. в покупную способность денежной платы при данном уровне цен [2]):

---

[1]) Если принять средние цены по всем товарам в 1890—1899 г.г. за 100, то это среднее будет для 1905 г. — 115,2, для 1906 г. — 124,9, для 1907 г.—131,5, для 1908 г.—125,6, для 1909 г.—127,8, для 1910 г.—128,9, для 1911 г. — 130,9 и для 1912 г. — 138,9. До 1905 года движение цен по сравнению с 1890—1899 г.г. было: 1900 г.—112,4, 1901 г.—114,8, 1902 г.—110,2, 1903 г.—107,1 и 1904 г.—111,0.

[2]) Заработная плата по сводам отчетов фабричных инспекторов. При перечислении покупательной силы денег за единицу приняты 1890—1899 г.г.

Годы.	Денежная зараб. плата в год.	Реальная по ценам хлебн. прод.	Заработная плата по ценам всех вообще товаров.
1900	194 р.	198 р.	172 р.
1906	231 »	189 »	185 »
1913	264 »	204 »	183 »

В 1900 г., по сравнению со средними ценами 1890—1899 г.г., рабочий мог купить хлебных продуктов на 4 руб. больше (цена этих продуктов пала), а всех вообще товаров на 22 руб. меньше, чем в том случае, если бы цена на эти товары не повысилась. В 1906 г. его денежная плата повышается по сравнению с 1900 г. на 57 рублей, но реальная плата поднимается всего на 13 руб., т.-е. купить товаров он может не на 57 рублей больше, а всего на 13 руб. В 1913 году денежная плата по сравнению с 1906 г. повышается на 33 руб., но реальная плата понижается на 2 рубля, т.-е. купить товаров рабочий может не на 33 руб. больше, а на 2 руб. меньше. Даже одних хлебных продуктов он мог купить в 1913 году, по сравнению с 1906 г., больше не на 33 рубля, а на 15 рублей.

Таким образом, после 1906 года обозначилось понижение покупательной способности рабочих. Это и понятно, так как до 1906 г. шла успешная для рабочих экономическая борьба, а цены не повышались так быстро. С 1907 года капитал перешел в наступление, рабочие вынуждены были вести оборонительную борьбу, а цены стали повышаться быстрее. В итоге к 1913 году, несмотря на повышение денежной заработной платы, рабочий оказался в дефиците. Но на самом деле дефицит в рабочем бюджете был значительно больше, так как наше исчисление, сделанное выше, только приблизительно. Исследование бюджета рабочих Петербурга (1908 г.) и Киева (1912 г.) показывает, что дефицит рабочего не меньше 3% (дефицит берлинского рабочего, по анкете 1903 г., меньше 1%). Но и этот дефицит еще мало говорит о действительной потребительской нужде рабочих. Дефицит даже в 3% имеет различное значение, смотря по тому, каков качественный состав бюджета, т.-е. на удовлетворение каких потребностей расходует рабочий, главным образом, свой заработок и как он эти потребности удовлетворяет.

Данные анкет показывают [1]), что громадную часть бюджета рабочего поглощали расходы на пищу и квартиру: в Петербурге—51,9% (одинокие) и 69,4% (семейные), в Киеве—60,7% (одинокие) и 72,6% (семейные),—в общем на пищу и квартиру уходит не менее $^2/_3$ бюджета. Из остальной $^1/_3$ приходилось удовлетворять потребности в одежде (что поглощает 12—15%), а на все прочее оставались в подлинном смысле копейки. Однако, уделяя $^3/_4$ своего бюджета на удовлетворение самых жизненных своих потребностей (пища, жилище, одежда), рабочий, в виду дороговизны, даже приблизительно не мог удовлетворить их как следует, как требуют условия человеческого существования. По петербургской анкете, 70% рабочих жили в дешевых квартирах, в Киеве 30% семейных жили в одной комнате, а 60% одиноких занимали полкомнаты, угол или койку. Старое, ношеное платье покупали в Петербурге 44,7% одиноких и 71,4% семейных рабочих. Не лучше обстояло и с пищей. В 1905 г. «Комиссия по улучшению быта рабочих военного ведомства» выработала бюджет рабочего, приняв за основу стоимость содержания одного нижнего чина в месяц, прибавив к ней 25%. При таком голодном бюджете, когда рабочему полагается питаться не лучше, чем солдату, выходило, что бюджет рабочего должен колебаться между 21 руб. и 38 руб. в месяц. А мы видели, что средний заработок рабочего, по данным фабричной инспекции, не достигал этой нормы даже в 1913 г., т.-е. средний заработок не давал рабочему жить даже так, как полагалось жить солдату. Если, в действительности, отдельные категории рабочих питались лучше солдат, то потому, что они до минимума сокращали прочие расходы и работали до изнурения, чтобы выколотить побольше заработка. «Перерасход одного месяца,—писал рабочий-металлист в ответ на петербургскую анкету,—покрывается экономным ведением хозяйства в другой месяц и более усиленным трудом. Но это равносильно искусственному выжиманию питательных соков из почвы, делающейся от этого на долгие годы бесплодной, так как недоеда-

[1]) См. Прокопович, Бюджет петербургских рабочих. СПБ. 1909 г.; «Материалы об экономическом положении и проф. организации петербургских рабочих по металлу», СПБ. 1909 г.; Г. Наумов, Бюджет рабочих г. Киева, К. 1914 г.

ние и дешевое, но нездоровое жилье убивают здоровье как самого меня, так и семейства».

Этот низкий уровень заработной платы по сравнению с дороговизной жизни служил, как правильно указывалось в нашей литературе, одним из самых серьезных препятствий к росту рабочего кооперативного движения, ибо есть грань нужды, при которой бессильна кооперация и пред лицом которой рабочему, придавленному житейскими невзгодами, не добраться до кооперации. Но действие этого фактора не безгранично и потому влияние его не следует преувеличивать. Прежде всего, несмотря на то, что заработная плата не поспевала за ростом дороговизны, положение рабочих, по сравнению с восьмидесятыми и девяностыми годами, все же изменилось к лучшему, а годы все расширявшейся борьбы поднимали уровень жизни рабочего, делали для него неотложным удовлетворение таких потребностей, каких он раньше не знал. Это направляло его на путь борьбы за улучшение своего положения не только повышением платы, но и организацией рабочих кооперативов. Но бедность русского рабочего, как и условия социально-политической отсталости России, задерживали это движение, не давали ему развернуться в соответствии с теми усилиями, какие делал рабочий класс, и обрекали рабочую кооперацию на скромное существование.

3.

Период, о котором теперь идет у нас речь, отмечен не только количественным ростом потребительской кооперации. Обозначился и качественный рост ее, и изменение ее социального характера.

Разрозненные общества сплачиваются в одно целое, подвигая вперед дело строительства кооперации и кооперативной практики. В 1908 году происходит в Москве Первый Всероссийский Кооперативный съезд, впервые принявший к руководству российской кооперации рочдэльские правила, при чем принятию этому, между прочим, не мало содействовали делегаты рабочей кооперации, как мы расскажем далее. В 1913 году состоялся в Киеве 2-й съезд, положивший в основу своих работ вопросы ко-

оперативного строительства, культурно-просветительной работы, положения служащих в кооперативах и т. д.

Одновременно стало развиваться местное союзное строительство. В 1908 году возник «Киевский Союз Потребительных Обществ», вскоре образовались «Кубанский Союз Потребительных Обществ», Кавказкое кооперативное товарищество» и «Пермский Союз Потребительных Обществ». Начинания эти были, впрочем, мало удачны и первые три союза очень скоро вынуждены были ликвидировать свои дела. К этому времени и правительство стало отказывать в разрешении союзов. Тогда началось обходное движение, и союзы стали образовываться на началах не устава, а нотариального договора. Так образовались Товарищество Потребительных Обществ Юга России (харьковский «Поюр») и Бюро совместных оптовых операций кооперативов Урала (Екатеринбург). В Петербурге при Сельско-Хозяйственном Обществе возник «Коммерческий отдел», объединивший сельские потребительные общества губернии; такой же отдел организован был при Вологодском обществе сельского хозяйства. На ряду с такими более крупными объединениями стали возникать мелко-районные отделения, охватывавшие уезд или даже часть его (в особенности в Подольской губернии).

Это стремление к союзному объединению, как свидетельство наступившей зрелости российской кооперации, отразилось, конечно, и на росте Московского Союза Потребительных Обществ, фактически ставшего всероссийским центром потребительской кооперации. О росте Московского Союза в этот период говорят следующие данные:

Годы.	Оборот в руб.	Число общ.вход. в Союз.	Число членов союзных общ.	Союзный паевой капитал (в руб.).
1904	439.706	131	65.107	12.400
1905	290.789	140	65.520	17.656
1906	399.978	149	97.148	19.132
1907	605.842	185	123.025	27.558
1908	1.174.556	217	135.000	38.568
1909	1.953.415	273	149.058	47.822
1910	3.611.709	548	179.601	72.735

Годы.	Оборот в руб.	Число общ.вход. в Союз.	Число членов союзных общ.	Союзный паевой капитал (в руб.).
1911	5.953.787	769	225.776	103.414
1912	7.834.777	1.007	284.530	169.801
1913	10.263.544	1.227	426.968	244.408
1914	22 832.612	1.694	474.062	234.418

За десять лет Союз разросся до крупной организации европейского типа: число обществ, входивших в Союз, увеличилось в 13 раз, число членов союзных обществ—в 7 раз, обороты Союза — больше чем в 50 раз. Намечается также тенденция к перестройке Союза в союз местных союзов: в 1911 году в составе Союза было всего одно районное объединение, в 1913 г.—9, в 1914 г.—19.

В отличие от предыдущих периодов, теперь уже можно было говорить о прочности кооперативного движения. Наличность благоприятной социальной почвы не только покрыла страну относительно густой сетью кооперативов, но и придала кооперации жизненную силу. Сама пробивая себе дорогу, кооперация пускала прочные корни и выпрямляла свою практику как в отношении союзного строительства, так и в отношении постановки всего кооперативного дела.

Однако, одновременно происходит и другой процесс, не менее существенный для судьбы нашего кооперативного движения. Мы уже видели, как сельские общества стали постепенно занимать преобладающее положение в общем строе российской кооперации. Пробужденное к жизни крестьянство заявляло свои права и также приступало к общественному строительству. Городские и фабрично-заводские общества перестали быть гегемонами кооперативного движения — верховенство переходило к деревне.

Это изменение социального состава кооперации в особенности чувствительно сказывалось на Московском Союзе. В конце 900-х годов сельские общества насчитывались в составе Союза единицами, в 1909 году они составляют уже 28 проц. всех союзных обществ, в 1910—34 проц., в 1913—55 проц., в 1914—57,1 проц. Больше половины союзных обществ составляли крестьянские общества. Крестьянским становилось не только кооперативное движение, крестьянским становился и Московский Союз, направляющий центр движения.

Такая эволюция должна была, в свою очередь, оказать влияние на положение рабочей кооперации в общем ходе кооперативного движения. Если количественный и качественный рост потребительской кооперации, ее более стройная и содержательная работа создавали благоприятную обстановку для зарождения самостоятельных кооперативных стремлений в рабочей среде, заражая ее примером и на практике показывая положительные стороны кооперации, то преобладающая роль в кооперации крестьянства должна была содействовать сплочению рабочей кооперации, — сперва идейному, а затем и организационному. Мелкобуржуазная идеология, отражавшая в кооперативном движении роль крестьянства, принимала демократические кооперативные формы, но отвергала то понимание кооперации, которое вкладывал в нее рабочий класс, понимая ее как одну из форм рабочего движения. Проникнутая собственническими интересами, сельская кооперация скептически относилась и к некоторым рочдэльским положениям, поскольку они не поощряли «сбережения» и «накопления». Рабочая кооперация уже с первых шагов своей организованной деятельности должна была столкнуться с этой идеологией и стать перед необходимостью более отчетливого формулирования своей позиции в противовес господствующим кооперативным воззрениям и сплочения своих сил, чтобы отстоять свое место в общем кооперативном движении.

4.

Ко всем отмеченным факторам, содействовавшим зарождению независимой рабочей кооперации, мы можем теперь присоединить еще один, которого не знало предшествовавшее время: выработку в рабочем классе самостоятельного взгляда на роль и значение кооперации.

Мы говорили, что уже к началу XX века общинно-артельные иллюзии развеялись и в рабочем движении безраздельное господство получила марксистская идеология. Однако, в области кооперативной идеология эта долгое время уделяла исключительное внимание разрушению старых народнических воззрений, не выдвигая своего понимания задач кооперации в условиях российской действительности. Борьба велась, главным образом, вокруг артельного движения, и все вопросы потребительской коопе-

рации оставались в тени, воспринимая как бы по инерции отрицательное отношение и к этой форме кооперативного движения.

Но жизнь шла вперед и предъявляла свои требования. С артельным увлечением было покончено, в рабочем классе они не находили никакого отклика, но рабочие, побуждаемые тяжелыми условиями жизни и дороговизной, вовлекались в кооперативное движение. Руководящие профессиональные и партийные органы занялись выработкой своего отношения к кооперации, которое должно было заполнить пустое место, оставшееся после разрушения марксизмом народнических утопий.

Раньше всего откликнулись профессиональные организации, которым при руководстве экономической борьбой рабочих пришлось столкнуться ближе всего с зарождающимся рабочим кооперативным движением. Профессиональные съезды, как и профессиональная пресса одинаково начинают уделять внимание кооперации.

Одной из первых занялась этим вопросом Первая Конференция профессиональных союзов рабочих по металлу Московского промышленного района, состоявшаяся в начале февраля 1907 года при участии представителей Бакинского, Петербургского, Витебского и Луганского районов. Вопрос о потребительных товариществах был самостоятельно поставлен в порядок дня конференции, которая заслушала по этому вопросу особый доклад [1]).

Докладчик т. З., дав краткий обзор положения рабочих на Западе, утверждал, что с 1905 г. в русских «рабочих массах стал замечаться интерес к кооперации и желание использовать эту форму объединения» и что «несмотря на недавнее свое происхождение, кооперативное движение среди фабрично-заводских рабочих получило широкое распространение, и его надо признать совершившимся фактом». Это движение, являясь, по мнению докладчика, «естественным следствием общего пробуждения рабочих к самодеятельности, самоопределению и эмансипации из-под власти капитала, идет пока, однако, совершенно ощупью». Важно поэтому «установить ясно и определенно взаимоотношения тоже еще молодого у нас, но в сравнение с кооперативным

[1]) Первая конференция профессиональных союзов рабочих по металлу, стр. 76—82.

более определившегося, профессионального движения и потребительской кооперации», установить «тип желательной кооперативной организации применительно к условиям русской действительности», а также отношение кооперации к социалистическим партиям.

Бельгийскую форму тесной организационной связи кооперации с социалистической партией докладчик считает для России нерациональной «как по внешним политическим причинам, как потому, что у нас фактически нет единой рабочей партии, так и потому, что кооперативное движение, подобно профессиональному, должно быть беспартийным». Докладчик доказывал далее, что «и беспартийная кооперация углубляет, а не затушевывает классовое самосознание, противопоставляя трудящихся капитализму не только в производстве, но и в потреблении». Что касается профессиональных союзов, то докладчик и здесь отрицает необходимость организационной формальной связи между союзами и кооперативами. Но «кооперативы должны быть непременно социалистичны, идя рука об руку с обще-рабочим движением. И это легко достижимо при внутренней идейной связи кооперативов с профессиональными союзами, так как состав их членов один и тот же. Не могут быть интересы рабочего класса, как потребителя, противопоставлены интересам его, как производителя продуктов».

Устанавливая далее положение, что «кооперативы, объединенные в союз, связанные идейно с профессиональным движением, будут служить целям общего рабочего дела», докладчик указывает на те «попутные услуги», которые кооперативы могут оказать профессиональной борьбе. Мы приведем здесь полностью данный докладчиком перечень «услуг», так как он бросает полный свет на особые задачи рабочей кооперации, как они стояли в условиях русской действительности.

«Попутные услуги», оказываемые кооперацией профессиональной борьбе, могут выражаться, по мнению докладчика: «1) в облегчении взносов в профессиональные организации из сбережений, накопляемых в обществах их участниками, 2) доставлении средств и помещений для просветительных и культурных задач рабочего класса, 3) обеспечении независимых от капиталистов источников существования для деятелей рабочего движения, 4) оказании кре-

дита участникам кооператива в момент безработицы, стачки и т. п., 5) накоплении фондов взаимопомощи, 6) оказании давления на предпринимателей (при объединении обществ в союзы) путем выбора для заказов предприятий и бойкота по указанию профессиональных организаций, 7) при достижении кооперативными объединениями известных ступеней развития — борьба с локаутами путем организации собственных производительных предприятий».

Настаивая на отказе от продажи в кредит и на постановке торговли исключительно на началах наличного расчета, докладчик в заключение останавливается на нередко выдвигаемом аргументе, что кооперативное движение хотя принципиально и желательно, но несвоевременно в настоящий момент, отвлекая трудящихся от более насущной борьбы за лучшие политические условия. «Это возражение, — говорит докладчик, — несостоятельно, во-первых, потому, что раз начавшееся уже в массах движение в сторону кооперативного объединения, очевидно, остановить нельзя, и, безусловно, хуже будет, если оно пойдет по отдельному, сепаратному от общего рабочего движения руслу. А это неминуемо случится, если движение игнорировать или ему противодействовать. Несостоятельно оно и по существу, ибо если кооперативы разовьются, они укрепят позицию рабочих и в политической борьбе; если же попытки кооперативного объединения разобьются о внешние полицейско-бюрократические преграды, то вряд ли это ослабит силу напора рабочих масс на существующий режим».

Конференция приняла следующую резолюцию, в главном совпадающую с основными положениями, развитыми докладчиком: «Признавая потребительные общества, построенные на рациональных основаниях, учреждениями, полезными для рабочего класса, конференция рекомендует профессиональным союзам оказывать содействие возникновению демократических потребительских обществ и реорганизации существующих, проводя в тех и других: 1) исключение предпринимательско-капиталистического начала, 2) полную общедоступность для всех трудящихся, 3) тесную внутреннюю связь потребительных обществ с профессиональными организациями, 4) объединение обществ в союзы, 5) начало наличного расчета, гарантирующее независимость потребительных обществ, как рабочих организаций».

Эта резолюция намечала основную позицию в отношении к кооперативному движению, но не сформулировала его с полной отчетливостью, как не сразу это вообще удалось профессиональным кругам.

Еще до конференции союзов рабочих по металлу вопрос об отношении к кооперации должен был обсуждаться на второй общероссийской конференции профессиональных союзов (конец февраля 1906 года), но был снят с порядка дня, так как конференция занялась вопросами по преимуществу неотложно практическими [1]). Включен был этот вопрос и в порядок дня проектировавшегося, но не состоявшегося съезда профессиональных союзов. Доклад, который заготовлен был к съезду, исходил из следующих положений: «1) Кооперативы имеют для рабочего класса меньшее значение, чем профессиональные союзы. Последние являются организациями классовой борьбы, первые же в своей повседневной работе классовой борьбы не ведут. 2) Но при правильной постановке кооперативы могут способствовать улучшению условий рабочей жизни, а также сплачиванию рабочих, развитию в них самодеятельности и могут оказать поддержку в моменты стачек, помочь в деле проведения бойкота и вообще облегчить классовую борьбу пролетариата». Отдавая все преимущества профессиональным союзам и отрицая за кооперацией характер классовой организации, которая также может служить делу классовой борьбы, доклад главной задачей момента считал укрепление профессионального и политического движения, предостерегая «от вредного увлечения кооперативами» и высказываясь «против открытия их там, где нет налицо массового движения в пользу их устройства». Вместе с тем, однако, доклад свою заключительную часть сводил в такое положение: «Но, видя в возникающих теперь кооперативах одну из форм организационного строительства масс и признавая, что только деятельное участие в них передовых рабочих может предотвратить ослабление политического и профессионального движения и сделать из кооперативов одно из орудий для укрепления позиции пролетариата, — съезд рекомендует энергично поддержать демократически устроенные кооперативы, действующие

[1]) Вторая конференция профессиональных союзов, СПБ. 1906, стр. 132.

в том же направлении, что и профессиональные союзы. Участие членов профессиональных союзов в таких кооперативах более чем желательно». Обосновывая свои выводы, автор доклада писал: «Те, кто ставят кооперативы на одну доску с политической партией и профессиональным союзом, показывают, что они не понимают сущности различных форм пролетарского движения. Коренное различие между этими тремя организациями состоит в том, что одни из них—политическая партия и профессиональные союзы—являются организациями классовой борьбы, в то время как кооперативы классовой борьбы не ведут». Автор, впрочем, не отрицает «скромной» роли, которую могут выполнить для пролетариата потребительские кооперативы: они «являются, прежде всего, массовыми организациями, они притягивают к себе даже наиболее отсталые слои, стоящие вдали от политического и профессионального движения; они втягивают в круг рабочих интересов и женщин, до сих пор не принимающих почти никакого участия в общем движении». Настаивая на самостоятельном существовании кооперативов и профессиональных союзов, журнал высказывался за «тесную связь» между ними.

Нельзя сказать, чтобы точка зрения автора доклада отличалась стройностью. Ближе к общей постановке подходит «Профессиональный Вестник» в статье видного профессионального работника В. Т—ского, который удары свои направил, между прочим, на утопические планы с помощью кооперации перестроить капиталистическое общество в социалистическое. «Рабочий класс, — писал В. Т—ский, — может и должен взяться за кооперативное движение. Но он должен твердо помнить, что этот путь еще не выведет его из капиталистического ада». В борьбе с капиталом В. Т—ский отдает первенство профессиональным союзам: «Рабочий должен направить все свои усилия, прежде всего, на борьбу за улучшение условий найма. На первом плане борьба с покупателем рабочей силы, капиталистом; борьба с лавочником, продавцом жизненных припасов—только на втором». При этом рабочие кооперативы, чтобы окрепнуть, должны опереться на другие жизненные организации рабочего класса. «Чтобы они не вырождались в «грабительские лавки» прежнего типа, в которых царили возмутительные маклаческие нравы, и десятки наживались за счет сотен и тысяч, они должны тесно связаться с органи-

зациями рабочих, объединяющими передовые слои пролетариата. Чтобы кооперация могла стать полезным орудием в борьбе за освобождение и содействовать подъему культурного уровня, она должна вступить в тесные организационные сношения с организациями, направляющими борьбу труда против капитала». «Стройте кооперативные общества, но больше всего помните о профессиональных союзах»—вот лозунг, который дает в 1907 году руководящий орган профессионального движения.

Как видим, точка зрения, развиваемая «Профессиональным Вестником», все больше приближается к формуле Давида, ставшей классической и отводившей рабочей кооперации место «одной из трех ветвей» рабочего движения. Но лозунг, который давал журнал, был все же проникнут тревогой за судьбу профессионального движения, если масса увлечется движением кооперативным.

Эта тревога сказывалась и в отношении к кооперации российской социал-демократии, при чем обе фракции ее отдали дань этим опасениям. Если большевики в своем первоначальном отрицательном отношении к кооперации исходили из опасения, что кооперативное движение может отвлечь рабочих от политической борьбы, то меньшевики также вначале отдавали преимущество профессиональному движению перед кооперативным; на такой точке зрения стоял видный профессиональный работник (а впоследствии и кооперативный) К. Д. (К. Дмитриев).

Однако, по мере того, как развивавшееся кооперативное движение предъявляло свои запросы, подозрительное отношение к рабочей кооперации отходило в прошлое и сменялось в обеих фракциях положительным признанием кооперативного движения.

Так, уже на Лондонском съезде весной 1907 года большевики в резолюции, высказывавшейся против рабочего съезда, признали, что «в деле обслуживания интересов рабочих масс, кроме социал-демократической партии, главной формой организации являются профессиональные союзы и вслед за ними другие виды рабочей организации, как-то кооперативы и т. п.» [1]). В связи с этой резолюцией в большевистском сборнике «Зарницы» появилась статья А. Д., обосновывавшая взгляд на кооперативное движение [2]).

[1]) «Пролетарская Революция», № 5, стр. 159.

[2]) «Зарницы». Вып. I, СПБ. 1907 г. В сборнике помещены также статьи Ю. К. (Ю. Каменева), Н. Р. (Н. Рожкова), И. Степанова и др.

«В рабочих кварталах,—начинает свою статью А. Д.,—и непосредственно связанных с ними партийных кругах в настоящее время уделяется много внимания вопросам кооперации. Говорят, что стремление петербургского пролетариата к этой форме организации чрезвычайно велико, что рабочие стихийно, независимо от посторонних влияний, валом валят в потребительно-производительные товарищества» и что, наконец, «партийным организациям давно уже пора определить свое отношение к кооперативному движению, возникшему и развивающемуся без всякого участия и содействия со стороны социал-демократии».

А. Д. находит, что «шум», поднятый вокруг кооперации, далеко не безоснователен. «Стиснутый со всех сторон реакцией, пролетариат не отказывается ни от своих идеалов, ни от своей классовой пролетарской борьбы. Не имея возможности в данный момент вести этой борьбы в известной форме и определенных условиях как на политической, так и на экономической арене, пролетариат, полагая, что политической и профессиональной борьбой далеко еще не исчерпываются все возможные средства его освобождения от политического и экономического рабства, и видя, что кооперативы сулят ему некоторую реальную поддержку, старается использовать и это новое, неиспытанное еще орудие борьбы». Как же должна относиться к этому движению социал-демократия?

Приступая к ответу на этот вопрос, А. Д. напоминает, что, вообще, опыт Зап. Европы показал, что «потребительные союзы рабочих только тогда оказываются на высоте своего положения, когда им приходится существовать и развиваться в благоприятных политических условиях, при наличности обостренной борьбы между пролетариатом и буржуазией». Социал-демократия и «должна в точности учесть окружающие условия и определить, не перевесят ли в данной социально-политической обстановке отрицательные последствия те материальные выгоды, которые могут принести кооперативы рабочему классу». Обращаясь к такой оценке, А. Д. приходит к благоприятному для кооперативного движения выводу.

«Нечего, конечно, говорить,—пишет он,—что политические условия в России менее всего удобны для того, чтобы можно было поставить рабочие товарищества надлежащим образом. Правда,

до настоящего времени кооперативы еще не встречали противодействия со стороны правительства... Но едва ли надо быть пророком, чтобы предсказать возможность самых диких «мероприятий» против кооперативных союзов, раз таковые по мере своего развития станут действительно орудием борьбы в руках пролетариата... В большей степени Россия удовлетворяет другому основному условию нормального развития кооперативного движения. Классовое самосознание русского пролетариата настолько развито, что бояться использования возникающих рабочих товариществ буржуазией социал-демократии не приходится. Это факт, который не нуждается ни в каких доказательствах».

«Таким образом,—приходит к заключению А. Д.,—в одном лишь условии можно было бы видеть аргумент против устройства кооперативов, это—в политическом положении страны. Но, приняв во внимание значение социал-демократической партии в рабочих массах и наличность обостренной классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, мы можем смело рекомендовать рабочим устраивать кооперативы, так как полицейские тиски сами по себе не могут служить причиной отказа социал-демократии от пользования теми или иными средствами борьбы. Если правительство примет меры против развития кооперации, то от этого дело революции и дело русского пролетариата только выиграют, ибо тогда власть предстанет в истинном свете в глазах самых отсталых слоев населения».

Высказываясь за организацию кооперативов, А. Д. рекомендует в основание их положить следующие принципы: «1) размеры паевых взносов должны быть самыми ничтожными, для того чтобы товарищества были доступны наиболее бедной части рабочего населения, 2) никто не должен иметь более одного пая, 3) прибыль по возможности отсутствует, 4) доходы идут на просветительные и боевые цели, 5) в союзы не допускаются лица от буржуазных классов, 6) товарищества должны быть независимыми учреждениями, созданными рабочим классом, свободными от покровительства администрации или буржуазии».

«Для того, чтобы кооперативы строго соответствовали демократическим принципам и действительно являлись дополнением к освободительной борьбе пролетариата,—пишет А. Д. в заключительной части своей статьи,—необходимо, чтобы в правления вхо-

дили сознательные партийные товарищи, которые бы ни на минуту не забывали, что кооперативное движение никогда не будет в состоянии преобразовать капиталистическое общество, что организовать общественное производство на социалистических началах можно лишь изменив предварительно все условия и отношения в общественной жизни, и что это последнее может осуществиться только тогда, когда рабочий класс вырвет государственную власть из рук буржуазии. В частности, партийные рабочие должны проникать во все кооперативные учреждения—даже в те из них, которые организуются буржуазией и либералами в целях отвлечения пролетариата от непосредственной борьбы с капиталом. В особенности это необходимо в тех случаях, когда представляется возможным успешно вести борьбу с членами товарищества, организуя на ряду с ними самостоятельные союзы».

Несколько раньше статьи А. Д. вышла брошюра М. Брагина (М. Бройдо) и М. Минина (М. Хейсина) «Кооперативы», впервые систематически намечавшая отношение к кооперативному движению меньшевиков [1]).

Авторы исходят из положения, что «уничтожение эксплоатации труда» явится результатом «всей той борьбы, которую теперь ведет во всех странах рабочий класс. В этой борьбе рабочие преследуют задачу овладеть государственной властью, чтобы ввести социалистическое производство. Но для выполнения этого грандиозного плана необходима широкая массовая организация пролетариата, проникновение сознательной части его социалистическими основами и известная подготовленность масс к будущему строю. Все это достигается участием рабочих во всех проявлениях общественной жизни и во всех формах борьбы: политической, профессиональной и кооперативной». Авторы брошюры предусматривают возражение, что политические условия России неблагоприятны для развития рабочей кооперации, а кооперативное движение может отвлечь рабочих от революционной борьбы. Но возражения эти они считают неосновательными. «При отсутствии политической свободы кооперативы легче вырождаются в торговые предприятия, но это показывает только, что сознательные рабочие должны принимать участие в кооперативах и удерживать своих ме-

[1]) М. Брагин и М. Минин, Кооперативы, СПБ. 1907 г.

нее сознательных товарищей от увлечения копейкой, от стремления получить как можно более дивиденда и т. п.». Что касается отвлечения рабочих от революционной борьбы, то «как бы рабочие ни отвлекались в сторону от политической борьбы, жизнь притянет их к ней, так как революция не плод агитации революционеров, а результат несоответствия нынешнего режима данному развитию производственных сил. Общество не может дальше развиваться, пока не будет уничтожен абсолютизм». Брошюра указывает, в частности, что капиталисты «стали окапываться»: «они организуются в союзы, устраивают съезды, организуют кассы взаимопомощи на случай стачки, локауты и пр. Они понимают, что рабочий класс—сила и что нужно приготовиться к борьбе. Мы тоже должны окопаться. Ограничиваться *одной* (курсив подлинника) политической борьбой нельзя. Тогда все политические завоевания пойдут на пользу кадетов да октябристов. Нам нужно построить в эту революционную эпоху и политические и экономические формы. Мы должны организоваться в классовую партию, чтобы отстаивать свои гражданские права; мы должны организоваться в свои профессиональные союзы, чтобы отстаивать свои права, как производителей, и, наконец, в кооперативах рабочие защищают свои интересы в качестве потребителей. Это поможет нам успешнее вести борьбу и с капиталом, и с правительством».

В заключение авторы брошюры пишут: «Мы не говорим рабочим, что кооперативы—это уже осуществление социалистического строя; мы предостерегаем рабочих от увлечения кооперативами во вред профессиональной и политической борьбе, но мы не отрицаем значения кооперативов в великой борьбе рабочего класса. И если теперь пробудилось среди русских рабочих стремление к кооперативному строительству, мы приветствуем его. Пусть только наши рабочие знакомятся с историей и настоящим положением кооперативного движения и избегают тех ошибок, которыми чреват кооперативный путь. Пусть наши рабочие остерегаются слишком практического духа английских кооперативов, пусть они не жертвуют, подобно английским рабочим, во благо кооперативов профессиональными организациями, пусть они не увлекаются кооперативными утопиями социалистов-революционеров, а тем более анархистов, но пусть они возьмут от кооперативов все, что те могут дать. И мы надеемся, что у нас скоро будут красо-

ваться народные дома, свои кооперативные дворцы, и они будут служить рабочим в борьбе их с капиталистическим строем, в борьбе их за социализм».

В точке зрения как А. Д., так и Брагина и Минина, нашла, конечно, свое отражение фракционно-партийная идеология обеих групп. Но нас в данном случае интересуют не эти оттенки, а общее положительное у обеих фракций отношение к кооперативному движению. И большевики, и меньшевики уже с начала 1907 года, предостерегая рабочих от увлечения кооперацией, призывали их к организации кооперативов, как одного из орудий их классовой борьбы. А поскольку социал-демократия одна пользовалась влиянием в рабочем классе, постольку кооперативное рабочее движение с этой стороны получало поддержку и стимул к развитию.

С течением же времени внимание социал-демократии к кооперативному движению усиливалось, и на Копенгагенском Международном Социалистическом Конгрессе (1910 г.) русская делегация (во главе с Лениным) сочла необходимым внести свой проект резолюции об отношении к кооперации. Проект этот гласил: «Конгресс полагает: 1) что пролетарские потребительские товарищества улучшают положение рабочего класса в том отношении, что сужи-вают размеры эксплоатации со стороны всякого рода торговых посредников, что влияют на условия труда рабочих, занятых в заведениях поставщиков, и улучшают положение собственных служащих; 2) что эти товарищества могут получить большое значение для экономической и политической массовой борьбы пролетариата, поддерживая рабочих во время стачек, локаутов, политических преследований и проч. С другой стороны, Конгресс указывает на то: 1) что улучшения, которые могут быть достигнуты при помощи потребительных товариществ, могут быть лишь весьма незначительны до тех пор, пока средства производства находятся в руках того класса, без экспроприации которого не может быть осуществлен социализм; 2) что потребительные товарищества не являются организациями непосредственной борьбы с капиталом и существуют на ряду с подобного же рода организациями других классов, могущих породить иллюзию, что эти организации являются средством, при помощи которого социальный вопрос может быть решен без классовой борьбы и экспроприации буржуазии. Конгресс призывает рабочих всех стран: а) вступать в проле-

тарские потребительные товарищества и всячески содействовать их развитию, отстаивая при этом демократический характер этих организаций; в) путем неустанной социалистической пропаганды в потребительных товариществах способствовать распространению среди рабочих идей классовой борьбы и социализма; с) стремиться вместе с тем достигнуть возможно более полного сближения всех форм рабочего движения. Конгресс отмечает также, что производительные товарищества в том только случае имеют значение для борьбы рабочего класса, когда являются составной частью товариществ потребительных».

Воззрения других политических течений отличались, разумеется, от господствующего, но они не пользовались влиянием. Социалисты-революционеры продолжали питаться старыми утопиями и видели путь к социализму в кооперации. Вышедшая в начале 1907 г. брошюра Майорова «Трудовые товарищества» противопоставляла марксистской формуле — через развитие капитализма к социализму — старую народническую формулу, которая видела другой путь к социализму — через кооперацию. Такая позиция сближала социалистов-революционеров с получившими в кооперации преобладание мелко-буржуазными тенденциями, находившими свою почву в росте сельской кооперации, открывало им влияние в общекооперативном движении, но не в рабочем движении, так как рабочий класс этим иллюзиям не поддавался.

Несколько повезло по-началу другому течению—синдикалистскому. В год революции 1905—1906 г. в рабочем классе тщетно искали своего места отдельные небольшие группы, пытавшиеся то возродить старый «экономизм», то насадить синдикализм, то просто проводить в рабочей среде идеи буржуазного либерализма. В полосу этих хождений «вокруг да около» рабочего класса, в начале 1906 года, по инициативе В. А. Поссе, был основан журнал «Трудовой Союз», который близко примкнул к синдикализму и поучал рабочих, что «трудящимся нужны не партии, которые борются между собой, а союзы, которые поддерживают друг друга в единой работе создания справедливой свободно-трудовой жизни». Характерно признание одного из участников этой группы, почему для практической работы синдикалисты остановились на кооперации. «Кружок, сгруппировавшийся около «Трудового Союза», — пишет он, — кроме пропаганды посредством идеи профессиональ-

ного объединения на экономической почве, намеревался работать и практически; но молодое профессиональное движение находилось тогда всецело под духовной гегемонией С.-Д. и потому в этой области труднее было приступить к делу, чем в такой, где работа еще не начиналась; именно такой областью являлась рабочая кооперация» [1]). Таким образом начали синдикалисты с кооперации потому, что доступ в профессиональное движение был для них закрыт, и там уже пользовались влиянием социал-демократы, а вакансия в кооперации оставалась открытой, и там социал-демократия еще не начинала работы. Однако, свободной вакансии синдикалистам не удалось занять. Основанный ими кооператив «Трудовой Союз», как мы увидим дальше, скоро погиб, не мало посодействовав кооперативному отрезвлению рабочей массы и укреплению влияния социал-демократии в рабочем кооперативном движении.

Мы можем теперь с полным основанием сказать, что с 1905 года создались условия, при которых могло быть положено начало рабочему кооперативному движению. Россия не только стала страной капиталистической. Массовая экономическая и политическая борьба рабочего класса, достигшая революционного напряжения в 1905—1906 г., привела его к необходимости приступить к созданию классовых организаций. Дороговизна, усилившаяся особенно с этого времени, призывала, с другой стороны, к жизни рабочую кооперацию. В широко развившемся общем кооперативном движении рабочие нашли готовую форму построения своих кооперативов. В позиции социалистических партий рабочая кооперация получила новую поддержку.

С этого времени и под влиянием этих факторов рабочее кооперативное движение идет по трем направлениям: 1) борьбы за раскрепощение зависимых кооперативов; 2) организации независимых кооперативов, и 3) работы внутри общегражданской кооперации, которая приводит к идейному сплочению рабочей кооперации. Рассмотрим теперь рабочее кооперативное движение в этих трех направлениях, как оно складывалось до мировой войны.

---

[1]) А. А. Бахурцев, Кооперация и рабочий класс, «Вестник Кооперации», 1911 г., № 4, стр. 35.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

РАСКРЕПОЩЕНИЕ ЗАВИСИМЫХ ОБЩЕСТВ.

Когда начался этот процесс — постепенного, усилиями самих рабочих, раскрепощения зависимых фабрично-заводских обществ, — сказать трудно. Имеются указания, что борьба против зависимости началась до 1905 года, но, усилившись с этого года, она уже не прекращалась и продолжалась с переменным успехом все последующие годы, вплоть до Октябрьской революции.

Вначале это была оппозиция отдельных единичных рабочих, понимавших все противорабочее существо зависимых обществ и пытавшихся внести луч света в это темное царство. Единичные усилия оказывались, конечно, бесплодными и, в лучшем случае, лишь медленно долбили камень, проясняя сознание рабочей массы, эксплоатируемой зависимым кооперативом. Положение изменилось к лучшему лишь с того времени, как разрослось рабочее движение и напор одиночек сменился натиском массы рабочих. Однако и теперь дело раскрепощения подвигалось вперед медленно: зависимые фабрично-заводские общества продолжали существовать. Капитал отстаивал свои позиции в этой области, и рабочему классу удавалось брать их лишь в меру успеха его классовой борьбы вообще.

Борьба за раскрепощение зависимых обществ ведется в различных направлениях и начинается, так сказать, с различных концов. В одном месте изменяется устав общества, которое из замкнутого превращается в доступное для всех, с расширением прав управляющих органов. В другом месте борьба начинается с обновления правления и замены членов его, ставленников заводской

администрации, выборными рабочими. В третьем — начинают с борьбы против продажи в кредит и ордерной системы. В четвертом—кладут начало культурно-просветительной работе, завлекая массу в жизнь общества, и т. д. С укреплением независимой рабочей кооперации умножаются случаи более резкого протеста против «хозяйской опеки»: инициатива капитала насадить зависимое общество заканчивается тем, что оно переходит к рабочим и вместо зависимого общества получается независимое.

Ознакомимся с несколькими случаями, не придерживаясь при этом хронологического порядка, так как нас могут интересовать более или менее типичные случаи, независимо от того, в каком году они имели место.

Потребительское общество при Ново-Костромской мануфактуре свыше 10 лет влачило жалкое существование зависимого общества. Когда в 1902 г. возбужден был вопрос о вступлении в Московский Союз, он был отложен по той причине, что «большинство уполномоченных мало знакомы с уставом и действиями упомянутого Союза», как значится в протоколах собрания, а на самом деле, конечно, по той причине, что фабричной администрации мало улыбалась связь общества со свободным кооперативным центром. И 9 лет лежал под сукном этот вопрос — все не удосуживались ознакомиться с Московским Союзом, — пока в 1910 г. не подул благоприятный ветер со стороны рабочих. В 1910 г. общество вступает в Союз, устраивается первая лекция, правление сближается с массой. В следующие годы движение вперед продолжается. Принимается отчисление на кооперативную школу, избирается комиссия по выработке правил пользования кооперацией для улучшения материальных и нравственных условий жизни членов общества, выносится постановление о привлечении в число служащих общества рабочих и их детей, правление организует ряд комиссий с участием рабочих. Наконец, принимается постановление об изменении устава в смысле превращения общества из замкнутого в доступное для всех. В следующем году вырабатывается коллективный договор со служащими, в сметном порядке проводится ассигнование на лекции, ассигнуются средства на выписку литературы. К 15-летию своего существования общество становится независимым.

Потребительское общество при Брянском заводе (Орловск. губ.) в течение почти полутора десятка лет существовало как зависимое, пока не народилась в составе рабочих группа, взявшая на себя задачу демократизировать общество. «Многолетнее существование общества, — сообщается в одной корреспонденции, —выработало среди пайщиков-рабочих немногих опытных практиков-кооператоров, которые поставили находившиеся в упадке дела общества на твердую почву». Усилиями этой группы устав общества был дополнен параграфом, разрешающим культурно-просветительную работу, организована была смешанная комиссия для разрешения конфликтов со служащими и т. п.

Потребительское общество при Юзовском заводе (Екатериносл. губ.) насчитывало в своем составе $^{9}/_{10}$ рабочих завода, но находилось всецело в руках заводской администрации. Только в 1912 г. после «жестокой борьбы» оно перешло в руки рабочих. Правда, правление состояло на первых порах из рабочих, занимавших на заводе привилегированное положение, но «давление идейно настроенной части было так велико, что жизнь общества шла по пути демократическому и кооперативному».

Чаще всего, однако, дело начиналось с борьбы против продажи в кредит, от которой отказывались общества, долгие годы ее практиковавшие. Так, общество при фабр. Попова (Моск. губ.) четырнадцать лет отпускало в кредит, пока общее собрание не установило продажу за наличные. Пушкинское общество при фабрике Арманд (Моск. губ.) покончило с кредитом на пятнадцатом году сьоей жизни, Спасо-Сетунское общество (Моск. губ.)—на восьмом году своего существования, общество при Вознесенском руднике (Екатеринославской губ.) — на девятом году и т. д., и т. д.

Мы упоминали уже, что все учащались случаи отпора со стороны рабочих попыткам предпринимателей насадить новые зависимые общества. Вот несколько примеров:

При фабрике Шлихтерман (Моск. губ.) состоялось предварительное собрание по организации потребительского общества (март 1915 г.). Председательствовал владелец фабрики, которому чрезвычайно хотелось, чтобы общество было замкнутым и состояло только из рабочих его фабрики. Вокруг этого вопроса и завязалась борьба. Фабричная администрация и большинство рабочих

настаивали на замкнутом характере общества. Сознательное меньшинство рабочих, однако, не сдалось и стало раскрывать перед рабочими истинный смысл независимости. Они доказывали, что «потребительное общество должно быть независимо и построено на началах самоуправления, т.-е. ни фабрика, ни кто другой не должны быть тут хозяевами; хозяева—те, кто добровольно вступит в общество». При баллотировке администрация всячески пыталась провести желательное ей разрешение вопроса, пока баллотировка записками не дала большинства началу независимости. «Таким образом, — заключает корреспонденция с места, — рабочие ясно показали, что они учили настоящее положение и решили, что их общество будет свободным и будет развиваться без указки хозяина и фабричной администрации».

Рабочие Николаевских заводов (Иркутск. губ.) под влиянием дороговизны задумали в конце 1915 г. открыть потребительное общество. Директор завода, узнав об этом, предложил открыть потребительскую лавку при заводе. Рабочие это предложение отклонили. Тогда директор предложил внести от завода 3.000 рублей паевого капитала в проектируемое рабочими общество. Рабочие и это отклонили, предложив директору, если он хочет действительно помочь, дать эти деньги как срочный вклад на 2—3 года, а сам он может вступить в члены общества на общем основании, приобретя паи не выше установленного размера. Директор завода отклонил эти условия, показав этим, что его интересовало не общество, а зависимость общества от завода. Рабочие же подали на утверждение устав независимого кооператива.

Задумали учредить свой кооператив рабочие резиновой фабрики «Богатырь» (Моск. губ.). Фабричная администрация также этим делом чрезвычайно заинтересовалась и предложила вместо проектируемого рабочими независимого общества «Дружба» открыть общество потребителей рабочих и служащих фабрики «Богатырь», обещая обществу пособие в 20—30 тысяч рублей на оборудование помещения и покупку товаров. Дело это было в 1913 году, когда рабочие уже научились отличать зависимые общества от независимых. Предложение фабричной администрации было отклонено рабочими. Тогда были пущены в ход угрозы открыть при фабрике лавку, которая будет конкурировать с обществом. Рабочие, однако, настояли на своем, и администрация фабрики вы-

нуждена была через своего же юрисконсульта хлопотать о разрешении рабочего кооператива.

Эти примеры—число их можно было бы увеличить во много раз—показывают, что рабочая масса далеко не мирилась с зависимыми фабрично-заводскими обществами и стремилась перестроить их в рабочие кооперативы. Однако, имеется не мало свидетельств и о том, что движение это не всегда приводило к желательным результатам и не всегда завершалось действительной победой над принципом зависимости.

Нам уже знакомо потребительное общество при Коломенском машиностроительном заводе. Десятки лет это было типичное зависимое общество и лишь в 1905 году оно несколько демократизировалось: правление стало составляться из рабочих, и заводская администрация имела в нем лишь одного представителя. Но по существу положение дел в обществе мало изменилось к лучшему. По сообщениям об обществе, относящимся к концу 1912 г., рабочие в большинстве случаев имели по одному—два пая или совсем не имели паев, крупными же пайщиками состояли сторонние люди, примазавшиеся к заводу (лавочники, торговцы), и наиболее обеспеченные служащие. Соответственно этому процветали старые помыслы о «дивиденде», и правление больше всего заботилось о том, чтобы дивиденд был повыше. В дурной, убыточный год пайщики получали по 12%, а в хорошие годы по 20—25% и больше.

В 1905 году началась борьба за независимость общества потребителей при Ижорских адмиралтейских заводах (Колпино). Рабочие добились того, что управление делами общества перешло из рук заводской администрации в руки самих рабочих. Сначала дружно принялись за дело, устраивали собрания, вводили реформы... Но мало-по-малу интерес к обществу пропал... Рабочие остались закабаленными кредитом. А в августе 1915 г. в Колпине произошли беспорядки с разгромом лавок. Заводское общество не пришло рабочим на помощь в год дороговизны.

В обществе при Юрьевском заводе уже после обновления правления выяснилось, что волна обновления далеко еще не охватила всех, кого нужно. На общем собрании, при обсуждении вопроса о распределении прибыли, проснулись старые инстинкты, и все предложения о невыдаче дивиденда, об обращении прибыли на погашение долгов, устройство библиотек и т. п. были отвергнуты. И т. д., и т. д.

Процесс преодоления рабочими зависимости фабрично-заводских обществ сталкивался, таким образом, с рядом препятствий. Очевидно прежде всего, что движение это захватывало, по преимуществу, сознательные верхи рабочих; масса туго вовлекалась в работу и не так легко отделывалась от настроений, которые десятилетиями воспитывались в ней «грабиловской» практикой фабрично-заводских обществ. Часто все еще сильными оказывались те привилегированные группы служащих и рабочих, которые держали крепко в своих руках общество, чтобы вести политику применительно к «дивиденду». С другой стороны, и капитал вовсе не желал расставаться с этой формой закабаления рабочих и потому делал все для того, чтобы не дать торжествовать началам независимости. Мы видели только что, как пытались заводоуправления наложить свою тяжелую руку на инициативу рабочих. Мы еще увидим, к каким приемам прибегает капитал в годы войны, чтобы приостановить рост независимой рабочей кооперации. Само собой разумеется, что в до-военное время предприниматели всячески препятствовали реформаторским усилиям рабочих и, с своей стороны, пытались закрепить зависимость фабрично-заводских обществ.

Характерен и показателен в этом отношении проект, внесенный в 1908 году в третью Государственную Думу правыми депутатами не без содействия, конечно, предпринимательских кругов. Законопроект этот исходит из того соображения, что «при устройстве потребительских обществ приходится преодолевать препятствия, устранить которые рабочие без посторонней помощи не могут». Отсюда он предлагал признать принудительное начало для фабрично-заводских обществ, с субсидиями от заводов и т. п. Словом, речь шла о сохранении и усилении зависимых обществ.

Любопытные прения вызвал этот проект в Государственной Думе. Член с.-д. фракции Кузнецов настаивал на отклонении проекта, ибо он «убивает самодеятельность рабочих, которые сами, без всякой посторонней помощи союза русского народа и полиции, организуют кооперативные учреждения». Кузнецов напомнил, что представляют собой фабрично-заводские общества, и требовал невмешательства власти в дела кооперативов, приведя несколько ярких образцов такого вмешательства.

Министр торговли и промышленности засвидетельствовал перед Думой, что фабричные общества пользуются «должным внима-

нием» со стороны правительства и в качестве доказательства привел нормальный устав 1897 г. и статьи устава о промышленности, дозволяющие открытие при фабрике обществ без разрешения фабричной инспекции. Что касается проекта правых, то министр изъявил готовность разработать соответствующий законопроект, однако без начала принудительности, которое для правительства оказалось неприемлемым.

Интереснее всего, впрочем, было выступление к.-д. Степанова, предложившего следующую формулу, которая и была принята Государственной Думой: «считая недопустимым принудительное насаждение на фабриках и заводах потребительных обществ, Государственная Дума признает, однако, весьма желательным, в целях широкого возникновения и развития подобных обществ, законодательную нормировку их возникновения, функционирования и обеспечения оборотными средствами» [1]). Таким образом, для кадета Степанова, как и для министра, в отличие от правых, неприемлемым оказалось только принудительное начало. Но кадет Степанов, как министр и правые, нисколько не сомневался в полезности фабрично-заводских обществ и в желательности их дальнейшего развития. Кроме социал-демократов, в Гос. Думе не нашлось никого, кто восстал бы против эксплоататорской природы этих обществ и потребовал для рабочей кооперации свободы и независимости.

При таком положении капитал мог чувствовать себя крепким в своей позиции и отбивать, при содействии правительства, наступление рабочих на зависимые общества. Недостаточная же активность в этом направлении рабочей массы играла капиталу только на руку.

В итоге, во многих местах твердыня зависимых обществ поколебалась, в некоторой части они оказались в руках рабочих, но, в общем, характер заводских обществ изменился совершенно нечувствительно, если не остался старым.

---

[1]) См. Стенограф. отчеты Госуд. Думы. Третий созыв. Сессия II, ч. IV, стр. 2573 и след.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

НЕЗАВИСИМЫЕ РАБОЧИЕ КООПЕРАТИВЫ.

1905—1914 г.г.

I. Рабочие кооперативы Петербурга.

1.

На ряду с борьбой за раскрепощение зависимых обществ шло с 1905 г., как уже указано, нарождение независимых рабочих кооперативов. Познакомимся с тем, как они зарождались и какова была их судьба в Петербурге, в Москве и некоторых провинциальных центрах, чтобы затем перейти к их общей характеристике за время с 1905 года до начала мировой войны.

Нарождение независимой рабочей кооперации началось в Петербурге, при чем первая попытка организации рабочего кооператива исходила из рабочей среды.

Вот что рассказывает инициатор первого общества рабочий Ропецкий об основании общества: «Как-то случилось мне на военной службе столкнуться с одним рядовым, который до службы несколько лет пробыл в Бельгии. Так вот этот бельгиец,—так будем звать его,—по целам часам, бывало, рассказывал нам про жизнь бельгийских рабочих, про их народные дома, потребительские лавки, пекарни, про клубы, про те порядки, которые рабочие сами установили для себя, и про то, как эти порядки помогли рабочим улучшить их жизнь, воспитывать по-человечески своих детей, да и вдобавок откладывать копейку на черный день. Много еще хорошего рассказывал бельгиец про жизнь своих земляков.

«— Так вот,—говаривал он,—что значит кооперация, и какую силу она имеет.

«Рассказывал он и про то, как надо устраивать эту самую «кооперацию» и какие порядки завести в ней, чтобы она наладилась и привлекла бы к себе все новых и новых товарищей.

«Крепко запали мне в душу те речи. И я еще тогда дал себе слово, что как только скину солдатскую шинель, поступлю, бог даст, на вольную службу, то постепенно и начну заводить подобные же кооперативы.

«Так оно и вышло. Судьба меня бросила на завод Артура Коппеля, здесь я пообжился, огляделся и с тех пор день и ночь все распинаюсь за нашу матушку-кооперацию. Дело шло очень туго. Целых два месяца бились над составлением устава, о каждом пункте спорили, три раза хлопотали и все не разрешали, пока, наконец, не надоумили подать нормальный устав. После долгих мытарств, наконец, разрешили устав» [1]).

Так возник 21 июня 1906 года первый независимый рабочий кооператив, организованный рабочими фабрики Глебова, Пиншта и Артура Коппеля (за Московской заставой). Рабочие собрали ненемногим больше 1.000 рублей, открыли хлебопекарню и лавку, которой дали название «Потребительская лавка *от рабочих*».

Устав этого кооператива заключал в себе некоторые новшества. Так, в нем указывалось, что в члены общества не принимается «никто, кроме рабочего класса»; это был протест против зависимых обществ и гарантия, что никто из заводской администрации в общество не проникнет. Далее, в отступление от нормального устава, по уставу кооператива не полагалась, вообще, выдача дивиденда на паи, а выдача на заборный рубль не должна была превышать 10%. И здесь сказалась выучка на практике зависимых обществ, поощрявших наживу на потребительском обществе. Наконец, возникнув первоначально как общество при нескольких определенных фабриках, кооператив вскоре, с изменением устава, превратился в общество, обслуживавшее весь район 4 участка Нарвской части.

Как видим, условия возникновения этого первого рабочего кооператива вполне оригинальны. Какими-то невидимыми нитями

---

[1]) М. Хейсин, Кооперативное движение среди рабочих Петербурга за последние пять лет, «Вестн. Кооперации», 1911 г., № 1, стр. 59.

он оказался связанным с бельгийской рабочей кооперацией. Заграничные скитания рабочего, долгие беседы в казарме о том, как живут рабочие в других странах, а затем брожение этой же идеи на заводе, вдумчивое отношение к делу, стремление сделать потребительское общество независимым и кооперативным—все это, вплоть до не совсем грамотного, но выразительного названия лавки, говорит о самостоятельной работе мысли, о, так сказать, самопроизвольном зарождении движения.

К сожалению, общество это оказалось недолговечным и само по себе не дало толчка развитию петербургской рабочей кооперации. Роль эта выпала на долю другого начинания, несколько иного характера.

Мы уже говорили, что в 1905 году мало влиятельная синдикалистская группа, издававшая орган «Трудовой Союз», в поисках связи с рабочими обратилась к кооперации, так как в профессиональное движение доступа ей не было. В этой группе родилась мысль об организации кооператива «Трудовой Союз», которому суждено было сыграть крупную роль в нашем рабочем кооперативном движении [1]).

По словам А. Бахурцева, кооператив «Трудовой Союз» возник по встретившейся инициативе рабочих и названной синдикалистской группы с В. А. Поссе во главе. «Инициатива объединения в потребительские кооперативы, вылившаяся впоследствии в учреждение «Трудового Союза»,—пишет Бахурцев,—возникла среди группы петербургских рабочих еще в 1905 году. Их не удовлетворяло крайнее увлечение политикой, господствующее среди руководителей молодых профессиональных союзов: они считали необходимым создание крепких организаций на экономической почве и возможность этого они видели в кооперации». Агитация, которая велась в этом направлении среди рабочих Александровского завода и в прилегающем к нему районе, имела, по словам Бахурцева, успех. Инициаторы этого движения вошли в сношение

---

[1]) О «Трудовом Союзе» см. Колпакчи, История «Трудового Союза» (Вопросы обществоведения, в. II); Бахурцев, Кооперация и рабочий класс, «Вестник Кооперации», 1911 г., № 4; М. Хейсин, Кооперативное движение среди рабочих Петербурга, «Вестник Кооп.», 1911 г., № 1; М. Слобожанин, Смотр кооперативным силам, Спб. 1908 г.; М. Брагин, «Совр. Мир», 1907 г., № 7.

с В. А. Поссе, который вместе с группой «Трудовой Союз» также, с синдикалистской точки зрения, выдвигал кооперацию в противовес «политике».

Устав «Трудового Союза» был утвержден 21 июня 1906 г., а 12 августа того же года состоялось учредительное собрание, на котором присутствовало 29 человек, в большинстве рабочие Александровского, Семениковского и Обуховского заводов.

Какие цели ставил себе при зарождении «Трудовой Союз»?

«Инициаторы,—пояснял журнал «Трудовой Союз»,—стояли вне политических партий, полагая, что трудящимся нужны не партии, которые борются между собой, а союзы, которые поддерживают друг друга в единой работе создания справедливой свободно-трудовой жизни. Они полагали далее, что всегда и всюду в общественной жизни верно правило: «чем лучше, тем лучше», а не «чем хуже, тем лучше», как думают некоторые «политики». Они ставили своей задачей бороться с нищетой и вообще нуждой рабочего класса теперь же, при современном строе,—они были уверены, что нищета порождает пьянство и разврат, а не братство и свободу».

В этом заявлении мы имеем смесь синдикализма с социальным реформаторством. Рабочим нужны не политические партии, а «союзы», которые привели бы к «справедливой свободно-трудовой жизни». Вместе с тем необходимо бороться с нуждой рабочего класса теперь же, при современном строе, и бороться, очевидно, не «политикой», а с помощью «союзов», кооперации.

В соответствии с этим основные задачи «Трудового Союза» были сведены в следующие положения:

«Единение всех, желающих освободить *производство* предметов первой необходимости от предпринимательской наживы, единение независимо от пола, политических и религиозных убеждений.

«Создание из беспроцентных паев, т.-е. паев, не приносящих никакой прибыли, кооперативно-общественного капитала для *производства* и продажи предметов первой необходимости.

«Забота прежде всего о наилучшем качестве и дешевой цене *производимых* и продаваемых продуктов, а *затем уже о доходе* от продажи этих продуктов, о доходе, который идет, во-первых,

на расширение производства, на устройство новых хлебопекарен, мастерских, торговых помещений и т. д., затем на помощь безработным и больным членам Союза, путем бесплатной выдачи им хлеба и других продуктов первой необходимости, наконец, на бесплатную выдачу членам-потребителям марок-премий соответственно размеру забранного товара; на эти марки каждый может приобретать в лавках необходимые ему предметы.

«Привлечение к работе как по самому производству и торговле, так и по общему заведыванию делами Союза как можно большего числа членов. Союз должен научить самих потребителей заведывать производством и распределением предметов первой необходимости.

«Продажа всех предметов исключительно на наличные деньги или на марки, приобретенные потребителем заранее.

«Улучшение условий труда в мастерских и торговых заведениях Союза. «Трудовой Союз» во всяком случае обеспечивает своим работникам наилучшие условия существования в данной профессии в данной местности. Он считается с условиями, вырабатываемыми для данной профессии соответствующим профессиональным союзом».

Если в приведенном выше заявлении журнала мы имеем смесь синдикализма с социальным реформаторством, то в программных положениях приходится отметить смесь кооперативных принципов с задачами, привнесенными от синдикалистских настроений инициаторов «Трудового Союза». Обращает на себя внимание, прежде всего, несоразмерное место, уделяемое производственным задачам. Общей и главной целью «Трудового Союза» выдвигается освобождение производства предметов первой необходимости от предпринимательской наживы. Иначе говоря, в основу деятельности потребительного кооператива кладется борьба не с торговым капиталом, а с капиталом производственным, не организация прежде всего торговли, а организация производства предметов первой необходимости, и притом организация не как подсобная, а как главная задача, к которой приглашаются все, независимо даже от профессии. Поэтому кооперативный общественный капитал предназначается в первую голову на расширение производства, на каковые цели обращается прежде всего и доход. Такая постановка вопроса с точки зрения синдикализма, стремившегося

с помощью «союзов» овладеть производством, могла повести лишь к извращению перспективы, открывшейся перед новым кооперативом. К таким же результатам могла привести и «забота прежде всего о наилучшем качестве и дешевой цене производимых и продаваемых товаров», забота вполне естественная и правильная, но ослабляемая несколько пренебрежительным подходом к «доходу», о котором можно заботиться «затем», а не на ряду с заботой о доброкачественности и дешевизне товаров. Это открывало простор грандиозным планам, но не обещало деловой постановки операций кооператива.

Приблизительно первые полгода «Трудовой Союз» представлял собой скромную организацию. В октябре 1906 года он насчитывал всего 200 членов, а к концу года число членов стало приближаться к 500; по-началу, в октябре была открыта также всего одна лавка (в Муравьевском проулке, с. Александровское). Однако, уже с самого начала было вместе с тем постановлено открыть собственную хлебопекарню. Так как в кассе Союза к этому времени имелось не более 300 рублей—сумма явно незначительная для широких операций, то пришлось воспользоваться помощью со стороны. Один из учредителей общества, М. С. Ермолаев, передал «Трудовому Союзу» приобретенную им за 65 тысяч рублей механическую хлебопекарню с тем, чтобы Союз постепенно погасил эту сумму.

«Единению всех желающих освободить производство предметов первой необходимости от предпринимательской наживы» было, таким образом, положено начало. Правда, «всех» заменял М. С. Ермолаев, бывший издатель журнала «Жизнь», и синдикалистское устремление должно было быть реализовано не на самостоятельности членов кооператива, а на меценатстве М. С. Ермолаева, который, очевидно, должен был служить залогом крепости «организации на экономической почве». Но открытие собственной хлебопекарни на первых порах должно было свидетельствовать о крепости Союза, тем более, что хлебопекарня была оборудована по последнему слову техники.

С открытием хлебопекарни дела «Трудового Союза» оживились, последовало открытие еще двух лавок (Александровская, за Невской заставой, и Мурзинская, на Мурзинке). Однако, коопе-

ратив еще далеко не принимал характера массового; членами его были рабочие из-за Невской заставы, прочие же рабочие в движение еще не были захвачены.

Положение изменилось с начала 1907 года. В январе, после стачки приказчиков и булочников, лавочники взвинтили цены, что при крупной безработице отражалось на рабочих крайне чувствительно. Цены в то время вообще поднимались; дороговизна жизни росла, а поход лавочника на потребителя только подливал масла в огонь. Борьба с дороговизной стояла в центре внимания петербургской рабочей массы. Устраивались митинги, районные собрания, городские конференции, на которых обсуждались меры борьбы с дороговизной. На фабриках и заводах рабочие все чаще обсуждали вопрос об устройстве собственных кооперативов. Движение против дороговизны становилось массовым, массовым становилось и рабочее кооперативное движение. К этому времени—первой половине 1907 года—относятся, как мы увидим, некоторые попытки образования рабочих кооперативов. Но рабочая масса, подгоняемая неотложной нуждой, пошла по линии наименьшего сопротивления и стала вливаться в «Трудовой Союз», о котором она знала, как о единственном рабочем кооперативе, по его работе за Невской заставой и по его хорошему и дешевому хлебу. Рабочие сами взялись за дело и пошли навстречу «Трудовому Союзу». На многих фабриках и заводах рабочие избирали выборных, которые составляли подрайонные и районные комиссии по организации кооператива. За два—три месяца на Васильевском Острове примкнуло к движению около 1.200 человек. Рабочие Балтийского судостроительного завода внесли в «Трудовой Союз» 6 тыс. руб., полученные ими авансом от заводской администрации. За Васильевским Островом последовали и другие районы, при чем этот массовый наплыв рабочих облегчался тем, что в каждом районе немедленно открывалась «Трудовым Союзом» лавка, которая автономно управлялась лавочным комитетом, избираемым рабочими района.

С этого времени начинается небывалый рост «Трудового Союза». При учреждении он насчитывал 29 членов, в октябре—200, к концу 1906 г.—500, в марте 1907 г.—909, в апреле—2.239, в мае—3.025, в августе—7.062, к концу 1907 г.—около 9.000 членов. Осенью 1906 года Союз имел 3 лавки, в мае 1907 г.—8,

а к концу 1907 г.—19 лавок. Пекарня выпекала в день несколько сот пудов хлеба, некоторые лавки имели свои пекарни и мясные.

Организация «Трудового Союза» была построена на демократических началах. Пай—10 рублей, которые можно было вносить частями или погашать отчислением от прибылей; вступительный взнос—50 к.; каждый член, внесший вступную плату, пользуется решающим голосом. Кроме правления и ревизионной комиссии устав предусматривал Совет, который избирался по одному человеку на каждые 100 членов. Лавки, как уже отмечено, пользовались автономным управлением. Прибыль, по постановлению общего собрания, распределялась таким образом: 1% на паи, затем отчисление на вознаграждение служащих и выборных лиц, работающих без жалованья, из оставшихся сумм 25% на премии по забору, 25% на образование фонда для выдачи безвозмездно предметов первой необходимости безработным и больным членам общества, 40% на расширение производства.

Все обстоит, стало быть, как следует. Сразу вырос первый многолавочный кооператив с тысячами членов, с почти двумя десятками лавок, с собственной грандиозной хлебопекарней. И, однако, уже к 1-му августа убыток достиг 7.800 р., к январю 1908 г. недочет поднялся до 20.000 рублей, а в марте 1908 г. правление возбудило вопрос о ликвидации общества.

Почему это произошло? Что случилось? Посмотрим, какую картину рисует печатный доклад правления общему собранию 2 марта 1908 года.

«Первый и самый важный промах,—пишет правление,—отсутствие правильного расчета, без которого нельзя начинать никакого серьезного дела... Перед началом каждого дела мы много и долго рассуждали, спорили, раздражались, но никогда не рассчитывали и не заботились о том, чтобы наше начинание было выгодно. Мы упускали из виду, что наше дело мало чем отличается от обычного капиталистического предприятия. Оно подчиняется всем законам капитала и находится в тесной зависимости от общего экономического положения». Не было и «внутренней дисциплины» «единства и планомерности в работе». «Допущенные в торговле ошибки не могли пройти для Союза безнаказанно. Вследствие неопытности лавочных комитетов и их доверчивости все дело торговли попало в руки приказчиков, которые, к несчастью, не оправдали возло-

женного на них доверия и самым бессовестным образом вредили делу. Это предположение подтверждают колоссальные цифры недочета товара, обнаруженного при проверке».

Дальше—не лучше. «Расценка товара чаще всего производилась самими служащими. Громадное большинство счетов и накладных на поступивший в лавку товар заведующим не подписаны, как это следовало бы делать по указанию правления. Расценка держалась совершенно произвольно, без всякого соображения со стоимостью расходов по Союзу, и чаще всего была так низка, что не могла покрыть с избытком расходов, а тем более отмеченных выше хищений». Мясо, поэтому, продавалось с большим убытком, «пекли хлеб из сеянной муки, тогда как его было убыточно печь даже из отсеянной».

Однако, «самый существенный вред принес Союзу, по мнению правления, недостаток в самой форме организации управления делом».

«Во главе дела стояло правление, которое значительную часть своих полномочий передало (лавочным) комитетам, как ближе стоявшим к делу. Состав комитетов очень часто изменялся, в него попадали люди без правильных выборов. Многолюдность комитетов делала их нетрудоспособными; комитеты везде стали в оппозицию к правлению. Появилось стремление к самостоятельности и нежелание подчиняться указаниям правления. При неудаче некоторые члены комитета выходили из него, их место занимали другие». «Комитеты всегда стремились действовать самостоятельно, не считаясь с общим положением дел в Союзе и с указаниями правления, которое для них являлось чем-то враждебным». Так, «правление не разрешало кредит отдельным лицам без гарантии заводской или иной конторы», но лавочные комитеты ввели кредит самовольно.

Такое хаотическое положение подорвало кредит Союза. «Когда начала было организовываться центральная закупка при правлении, и кредит со стороны фирм более или менее окреп, на местах деньги стали задерживаться неизвестно по чьему распоряжению и для какой цели. У нас в любой день во всех кассах состояло денег не меньше 5.000 рублей, в правлении же зачастую, за недостатком каких-нибудь 50 рублей, выходили осложнения с фирмами». В результате поставщики убедились в неустойчивости

Союза. «Они, один за другим, стали закрывать нам кредит и потребовали уплаты долга. Сначала с их стороны шли предостережения, потом угрозы и, наконец, решительные меры. Закупки правления приостановились, и все его средства направились, главным образом, на уплату долгов».

«Чтобы напрасно не тратить сил на взаимную борьбу и в этой борьбе не сгубить совсем расшатанного дела,—резюмирует правление,—правление пришло к тому, что в настоящее время выйти из трудного положения можно только разделением Союза на части. Оборотных средств мало, нужно немедленно их увеличить, но надежда на это слабая. У членов Союза пропала вера в дело, пропал первоначальный энтузиазм, наступило разочарование в своих ожиданиях, и они не склонны дать что-нибудь для поддержания дела».

Мы привели подробные выдержки из доклада правления, во-первых, потому, что они дают яркую картину положения, в каком оказался «Трудовой Союз» через 1½ года со дня своего открытия, и, во-вторых, потому, что эта картина позволяет установить причины гибели первого крупного рабочего кооператива.

Действительно, более хаотическое положение дел трудно себе представить. Не соблюдались самые элементарные требования деловой постановки торговых операций. Бессистемные расценки товаров, часто прямо убыточные, самостоятельные закупки отдельными лавками, безденежье правления при наличии денег в лавках, отсутствие отчетности, невозможность фактической ревизии—все это перемешивалось с допущением продажи в кредит, с обострением отношений между правлением и служащими, дошедшим до обвинения последних в бездеятельности и пьянстве. Некоторые ставили «Трудовому Союзу» в упрек несоблюдение им рочдэльских принципов (продажа в кредит, по ценам ниже рыночных и т. д.). Но очевидно, что смешно говорить о рочдэльских принципах там, где не видно элементарной системы в ведении дела, где вместо системы царили бесхозяйственность и полная неразбериха.

При самой организации кооператива были сделаны ложные шаги. Когда в кассе Союза было не больше 300 рублей, за счет М. С. Ермолаева приобретается хлебопекарня стоимостью в 65 тысяч руб. Но дело не ограничивается одним крупным меценатом. В марте 1907 г. в составе «Трудового Союза» было 87,5% членов

рабочих и 12,5% лиц разных профессий, не рабочих, но первым принадлежало всего лишь 39% паевого капитала, а вторым 61%, при чем 13 лицами было внесено 55% паевого капитала. Это придавало Союзу, по правильному замечанию М. Хейсина, полуфилантропический характер, когда в основу кладется не самодеятельность членов общества, а помощь со стороны. Неудивительно, что при такой основе большинство рабочих удовольствовались внесением 50 к. вступного взноса. Не мало осложнений внесло и смешение централистического и децентралистического начала в построении кооператива. С одной стороны, Союз строился по типу единого многолавочного кооператива, с другой стороны—лавки, пользуясь автономностью, существовали как бы самостоятельными кооперативами. В действительности же «Трудовой Союз» не был ни многолавочным кооперативом, ни союзом кооперативов: лавки все же не были самостоятельными обществами, а правление не считало себя и не было союзным центром. В результате лавочные комитеты оказались враждебными правлению, и Союз расползался по всем швам.

Правление видело крушение дела, но не было в состоянии предотвратить катастрофический конец. Дезорганизованная и убыточная торговля продолжалась, Союз жил тем, что проживал свои небольшие капиталы. Больше того, Союз взял на себя непосильную для него задачу—понизить вообще рыночные цены, и с этой целью пускал в продажу товары, в особенности хлеб, по ценам ниже рыночных. Внешний успех был достигнут—цена на фунт хлеба понизилась с 4 к. до 3—3½ к. Но зато убыточность достигла в среднем 5,4 к. на каждый заборный рубль.

«Трудовой Союз» был бурно вынесен на поверхность стихийным движением, которым охвачено было в то время рабочее население Петербурга. При других обстоятельствах эта стихийная тяга масс к кооперации привела бы к образованию крепких рабочих кооперативов. Такие обстоятельства должны были прежде всего заключаться в организационной подготовленности масс, с одной стороны, и в наличности руководителей, которые направили бы массу по правильному организационно-кооперативному руслу, с другой. Именно этих условий налицо не было, и в этом—причина крушения «Трудового Союза».

Рабочая масса была захвачена движением, но ни организационным навыком, ни ясным пониманием задач кооперации еще не обладала. Отсутствие организационного навыка сказалось, но не так сильно, и в профессиональном движении; здесь все же был уже позади некоторый опыт, организационное сцепление диктовалось здесь всеми условиями профессионально-экономической борьбы, усилия масс встречали здесь руководство со стороны партийных организаций, прошедших школу долгой экономической борьбы рабочего класса. Кооперативное движение было для рабочих делом совсем новым, организационный подход к нему сложнее и требует большей методичности и выдержки. Не на фабрично-заводских обществах могли рабочие приобрести навык организационно-кооперативной работы, а ничего другого они в прошлом не имели. Дороговизна порождала стихию, а масса, поддавшись стихии, меньше всего была в состоянии овладеть ею.

Не больше способности овладеть стихийным движением обнаружили и руководящие группы. Синдикалистское течение могло быть пригодным—и таковым оказалось—лишь для того, чтобы итти на поводу у стихии и питать ее своими иллюзиями. Мы видели, какие грандиозные цели ставили себе инициаторы «Трудового Союза», совершенно не считаясь со своими скромными силами и со всеми обстоятельствами времени и места. Создавая кооператив в противовес «политике», они этим самым отказывались от руководства стихийным движением, ибо такое руководство необходимо предполагает классовое, т.-е. и политическое, сознание рабочей массы. От синдикалистов рабочие, валом валившие в кооператив, в конце концов, ничего не получили, кроме устава, громких фраз, широких планов и бестолковой организации.

Что касается других групп, то и они не сумели ничего противопоставить стихийному движению, указать ему подходящий путь. Правда, сначала с.-д. выдвинута была мысль об образовании рабочими самостоятельных, отдельно от «Трудового Союза» обществ, но стихийная тяга рабочих к «Трудовому Союзу» взяла верх. Однако, характерной для тогдашних настроений была положительная оценка некоторыми этой тяги. Так, М. Брагин писал в «Современном Мире»: «Единство, которым проникнуты петербургские рабочие, сказывается в том, что всюду, где возникают кооперативные организации, они примыкают к «Трудовому Союзу», уси-

ливая, таким образом, уже созданную организацию, и, в свою очередь, пользуясь выгодами объединенного крупного дела». То обстоятельство, что «Трудовой Союз» построен на шатких основаниях и может вместе с собой увлечь в пропасть пробудившееся в рабочих стремление к кооперации, ускользало от взоров даже ближайших участников движения. Впрочем, нужно заметить, что и для с.-д. кооперативное движение было делом новым, и ошибки, поэтому, были вполне возможны. Тем не менее это сыграло свою роль в первых шагах кооперативного движения, не дав руководящим группам ни оздоровить «Трудовой Союз», ни сосредоточить свое внимание на других кооперативных попытках того времени.

Если определять место и значение «Трудового Союза» в ходе нашего рабочего кооперативного движения, то можно сказать, что это был плод «детской болезни» движения. Нахлынувшее стихийное движение, свидетельствовавшее о пробуждении рабочей массы, попало в обстановку организационной пустоты, и, подхватив бурной волной «Трудовой Союз», рассыпалось мелким беспомощными ручейками. Бразды руководства сразу выпали из рук инициаторов Союза, а руки рабочих были еще слабы для того, чтобы самостоятельно взять дело кооперации, в особенности, в столь крупном масштабе. Тем не менее роль «Трудового Союза» в развитии рабочего кооперативного движения остается большой. Он впервые практически поставил широкие рабочие массы лицом к лицу с кооперацией, впервые ввел их в самую гущу кооперативного строительства, и если неудачный опыт не мог не оставить после себя печального следа, то он бросил в массу кооперативное семя, из которого не только в Петербурге, но и во всей России выросла независимая рабочая кооперация.

2.

Мы видели, что в докладе общему собранию 2 марта 1908 г. правление «Трудового Союза» предлагало, как выход из создавшегося положения, разделение Союза на части. При таком разделении на отдельные общества у каждого общества была бы своя лавка, каждый лавочный комитет стал бы правлением, а районное собрание—общим собранием. «У нас не будет тогда «Трудового Союза»,—писало в докладе правление,—но лавки останутся и большинство их может при поддержке членов существо-

вать и дальше». Для проведения такой реформы правление предлагало образовать 19 обществ (по числу лавок) и имущество Союза, как и его обязанности, поделить между обществами пропорционально взносам их членов.

Однако, общее собрание не согласилось с правлением и признало необходимым сохранить «Трудовой Союз» как централизованную организацию. Постановление это, разумеется, дела не поправило, дезорганизация продолжалась, а к этому времени и градоначальник, раньше также накладывавший свою руку на деятельность Союза, предложил правлению выделить из Союза районные лавки: полиция уже давно мечтала о разгроме крупной организации. Доклад правления общему собранию 3 мая 1908 г. рисовал еще более мрачную картину. Большинство пайщиков не обнаруживали ни малейшего желания поддержать Союз; многие обращаются в мировой суд, чтобы получить обратно свои паи. Союз к маю не оплатил своих обязательств на 20 тысяч рублей. Правление продало 10 лавок пайщикам с тем, чтобы они передали лавки соответствующим кооперативам, по утверждении их уставов. Семь лавок было закрыто, одна лавка прервала с правлением всякие сношения.

Несмотря на все это, общее собрание снова отвергло ликвидацию «Трудового Союза». Но фактически Союз перестал существовать. Лавки продавались и от Союза отпадали. Правление еще пыталось оживить дело, перейти к организационной работе, но все эти начинания оставались на бумаге. В начале 1910 г. Союз был закрыт министром внутренних дел и перестал существовать также юридически.

Что же сталось с его лавками?

План правления, как мы видели, заключался в том, что лавки выкупаются пайщиками с тем, чтобы они передавались имеющим быть образованным кооперативам. Всего было выкуплено 10 лавок, но не все они послужили основой новых кооперативов. Дезорганизация зашла так далеко, что лишь незначительное меньшинство пожелало пойти по кооперативному пути. Так, Муравьевская лавка сделалась собственностью двух—трех лиц; Шпалерная лавка превратилась в общество замкнутое (в него вошли рабочие Орудийного завода) и потеряло свою независимость, войдя в соглашение с заводом о заборе в кредит; Смо-

ленская лавка также превратилась в замкнутое общество; Волковская, Русановская и Александровская лавки погибли. В общем, из 19 лавок 8 закрылись, одна была продана частному лицу, из прочих 10 выкупленных лавок только четыре, считая Смоленскую, превратились в кооперативы и уцелели.

Теперь инициатива спасения дела перешла к рабочим. Повсюду организовались инициативные группы, собирались паи, лавка приобреталась у «Трудового Союза» и функционировала в качестве частного предприятия временно, до утверждения устава общества. В Выборгском районе к «Трудовому Союзу» принадлежало 900 членов с паевым капиталом около 6.000 рублей. Когда дела Союза пошатнулись, рабочие путем товарищеских займов собрали 900 рублей, которые и внесли в счет погашения выкупной суммы, на остальные 2.100 рублей выдали вексель. В Петербургском районе вокруг лавки собралось 150 человек, главным образом, рабочих двух текстильных фабрик. На Васильевском Острове к «Трудовому Союзу» примыкало свыше 1.000 человек с паевым капиталом до 10 тысяч рублей, вокруг же лавки осталось всего 50 человек с капиталом в 300 рублей. Волна спадала и отстаивалось меньшинство, желавшее продолжать кооперативное дело.

При переходе лавок на положение самостоятельных кооперативов правительство постаралось, напуганное «Трудовым Союзом», сократить размах рабочего кооперативного движения. Перед утверждением уставов градоначальник неизменно вносил свои «поправки», сводившиеся к тому, что общества не могли открывать больше одной лавки, лишены были права входить в другие организации и заниматься культурно-просветительной деятельностью. Эти удары направлялись исключительно против обществ, возникавших на пепелище «Трудового Союза», и имели целью помешать развитию рабочей кооперации. Тогда Выборгское и Василеостровское общества пустились на уловку. От имени подставных лиц были поданы на утверждение уставы двух новых обществ, «Экономия» и «Грош», при чем представлен был нормальный устав. Уловка удалась; градоначальник, не подозревая, что имеет дело с отпрысками «Трудового Союза», утвердил устав без «поправок». Так возникли из Василеостровской лавки общество «Грош», а из Выборгской—«Экономия». Выборжцы

провели «конспирацию» настолько тщательно, что часть членов Выборгского общества вступила в «Экономию», а члены правления первого общества были выбраны в правление «Экономии».

Прежде чем перейти к дальнейшей судьбе этих обществ, возвратимся к некоторым кооперативным попыткам, относящимся ко времени «Трудового Союза».

В начале 1907 года движение в пользу кооперации началось среди приказчиков Петербурга, в особенности Апраксина и Мариинского рынков. 25 марта состоялось собрание приказчиков двух рынков, которыми была принята следующая резолюция: «В виду дороговизны съестных припасов, с одной стороны, и ненормальных условий питания приказчиков рыночных—с другой, в настоящее время ощущается крайняя необходимость открытия кооперативного потребительного общества, первые шаги которого должны быть направлены к открытию столовой в районе крупных рынков». Таким образом, на очередь было поставлено открытие кооперативной столовой, что удовлетворяло острой нужде приказчиков, которые не имели обеденного перерыва и должны были переплачивать на скверных обедах в трактирах.

Организационная работа продолжалась несколько месяцев. Было выбрано временное бюро, которое устроило несколько собраний, навербовав для кооператива до 800 членов. 24 мая 1907 года утвержден был и устав общества «Приказчик». Однако, хорошее начало не повлекло за собой столь же хорошего продолжения. Движение, всецело исходившее от приказчиков, захватило массу лишь поверхностно. Дела столовой шли скверно. Уже в марте 1908 года поставлен был вопрос о закрытии столовой, но общее собрание устроило сбор денег и решило столовую не закрывать. 1908 год был закончен с дефицитом в 4.142 рубля. В следующем году—снова дефицит. В 1910 году общество было ликвидировано, не покрыв долгов в 2.000 руб.

Одновременно с приказчиками самостоятельную инициативу по организации кооператива проявили типографские рабочие Петербурга, к которым присоединились железнодорожники. Так возник кооператив «Труженик», устав которого был утвержден 18 июля 1907 года. В докладе общему собранию так излагается история возникновения кооператива: «Идея об организации возникла среди учредителей—группы в 7 человек—сама по себе,

без всякого стороннего влияния, под влиянием самой жизни. Возникла эта идея еще в самом начале 1906 г., но легализация тянулась целый год. Тем временем «Трудовой Союз» получил уже известность и, само собой, возник вопрос, продолжать ли организацию своего общества, объединяющего уже более 100 человек, или примкнуть к «Трудовому Союзу». Возникли страстные прения и вынесена была следующая резолюция: «Принимая во внимание, что 1) в «Трудовой Союз» имеют доступ представители всех классов населения, в том числе и та буржуазия, для борьбы с коей возникли на ряду с прочими организациями и кооперативы, что 2) таким образом, «Трудовой Союз», как состоящий из смешанного элемента, не является чисто рабочей организацией, и 3) что с достоинством рабочего несовместимо братство с буржуазией, мы, представители 15 фабрик, заводов и типографий, постановили организовать отдельный потребительный кооператив под названием «Труженик». Соответственно такому программному заявлению, в уставе общества было указано, что членами общества могут быть только рабочие.

Идеи «Труженика» нашли широкий отклик и уже к первому общему собранию кооператив насчитывал около 1.200 членов. Но и в этом случае дело начало скрипеть чуть ли не с первых дней.

Программу «Труженик» наметил широкую, как это видно из следующих задач, поставленных кооперативу первым общим собранием: 1) открытие потребительных лавок, по одной в каждом районе, входящем в состав общества «Труженик», 2) приобретение всех продуктов и товаров непосредственно из первых рук, 3) организация центрального склада всех продуктов и предметов житейского обихода, 4) доставка припасов потребителям на дом, 5) организация по всем районам образцовых столовых под медицинским надзором, 6) предоставление членам о-ва бесплатной или удешевленной врачебной помощи, 7) удешевление жизненных потребностей путем временного соглашения с владельцами различных предприятий, с постепенным переходом к собственным предприятиям-производствам, 8) оборудование детских колоний под присмотром врачей и воспитателей и санаторий для взрослых, на средства, собранные устройством лекций, вечеров, концертов, спектаклей, изданием соответствующих брошюр и т. д.

9) издание собственного журнала-газеты, 10) удовлетворение просветительных и общеобразовательных потребностей, 11) организация взаимопомощи при безработице и во всех выдающихся случаях жизни, 12) жилищный вопрос.

Из всей этой программы было осуществлено, однако, весьма немногое: куплен в Финляндии в рассрочку участок земли для устройства детской колонии и открыта одна лавка, которая все время приносила убыток. В первый же год, при 3.800 руб. паевого капитала и 428 руб. вступного, убыток достиг 4.238 руб. Перемены в правлении не помогли и, в конце концов, лавку эту закрыли, чтобы открыть другую в районе, в котором было больше членов кооператива. Дела все же не поправлялись. Стали продавать в кредит, сначала рабочим завода С. Галли с ручательством конторы, а затем и прочим. К январю 1910 г. «Труженик» насчитывал 1.800 членов, но паевого капитала имел всего 4.345 рублей, а не 9.000, как полагалось, если бы все внесли по одному паю. Отсутствие денег повело к долгам, нарастание долгов—к потере кредита. Общество могло получать товар под векселя не правления, а отдельных членов «Труженика», которым доверяли. Пошли судебные иски, товара не было, денег также, дело дошло до продажи имущества с молотка. В июле 1910 г. «Труженик» ликвидировал дела. Потом оставшимися членами кооператива, не рабочими, сделана была попытка возродить общество, но до лучших дней «Труженик» не дожил.

31 января 1908 г. был утвержден устав рабочего кооператива «Кузнец», на границе Выборгской стороны и Большой Охты. Инициаторы купили устав у неосуществившегося общества кузнечной мастерской. На этот раз подошли к организации кооператива с большой осторожностью. Долгое время лавка существовала в каком-то амбаре и торговали в ней сами члены кооператива по очереди, торговали несколько часов в неделю. Все товары закупались через Кооперативное Общество оптовых операций в Петербурге, в члены которого вступил «Кузнец». Впрочем, деятельность этого общества относится к следующему периоду, о котором у нас еще будет речь.

Как видим, первый период в жизни петербургской независимой рабочей кооперации (1906—1910 г.г.) проходит под знаком,

мало благоприятным для кооперации. Рабочие общества чахнут, быстро отцветают, не успев даже распуститься, и такая участь постигает общества различного типа. «Трудовой Союз», объединивший до 10.000 членов, «Приказчик» с почти тысячей членов, «Труженик», собравший до 2.000 заводских и типографских рабочих,—все оказались одинаково худосочными. С одной стороны, «Трудовой Союз» с его синдикалистским налетом, с другой стороны «Труженик»—прямая противоположность «Трудовому Союзу» по пролетарским тенденциям. «Трудовой Союз», разбросавший сеть в 19 лавок, и «Труженик»—с одной лавкой. «Приказчик», удовлетворившийся столовой, и «Труженик», свою программу едва вместивший в 12 пунктов. Различные начала были положены в основу, разного размаха была работа, но один и тот же получился конец: ликвидация.

Нам нет нужды еще раз указывать на причины, приведшие к такому концу—они отмечены выше, применительно к «Трудовому Союзу». Со стихийной волной движения не могла справиться масса, которая еще не была подготовлена для столь широкого кооперативного строительства. Волна подхватывала массу, но при неудаче она относила ее обратно, и оставалось снова почти пустое место. Увлечение массы прошло быстро, как только обнаружились последствия нехозяйственной постановки дела: масса наблюдала, в сущности, как не следует строить кооперативную торговлю, но воспринимала это как естественное проявление всякой кооперации. И когда она увидела, что таким путем не получит дешевого хлеба, и удостоверилась, что бестолковщина царит здесь большая, чем в частных торговлях,—она отошла, стихия спала.

Это было время не опытов, не выучки, а порыва. И как порыв, всколыхнувший массу, он оставил по себе глубокий след. Если в широких массах первые неудачи вызвали разочарование, то в это бурное время, не взирая на неудачи, отстоялись группы рабочих, которые дела не бросили, но принялись за него всерьез. Эти более сознательные рабочие слои поняли, что кооперацию нужно строить, в особенности в условиях до-революционной России, камень за камнем, а не по мановению волшебного жезла. Опыт Петербурга не прошел даром и для провинции. Началась медленная, но упорная борьба рабочей кооперации за свое существование.

3.

После бурного существования «Трудового Союза» и последовавшей затем ликвидации первых обществ, в Петербурге к январю 1911 года осталось 7 рабочих обществ, а к началу 1914 г. их было девять.

Общества, оставшиеся после разрушения «Трудового Союза», вели скромное существование, настойчиво добиваясь укрепления. Первое общество потребителей Выборгского района (с января 1912 г.—«Экономия») в 1909 г. насчитывало 265 членов, в 1910 году—376. Первый год общество закончило с прибылью в 1.259 рублей, второй год—с прибылью в 2.254 руб. Чистая прибыль в 1908 г.—3,1 проц., в 1909 г.—2,8 проц. и в 1910 г.—3,5 проц. Весь долг «Трудовому Союзу» общество выплатило.

Первое общество потребителей Васильевского Острова (с февраля 1911 года—«Грош») также с первых шагов поправило свои дела и за первое полугодие 1910 г. дало 609 рублей прибыли при свыше 150 членов. Другие общества подвигались вперед менее успешно.

Благодаря обстоятельному обследованию, произведенному Н. Орловым [1]), мы имеем возможность проследить рост петербургской рабочей кооперации за время с 1909 г. по 1913 г. Сравнивая сведения Н. Орлова со сведениями о других обществах (по данным «Ежегодника Московского Союза»), мы сможем составить представление о том, что представляла собой рабочая кооперация Петербурга накануне войны.

К концу 1909 г. семь обществ насчитывали 1.167 членов, к концу 1913 г. девять обществ—2.077 членов. Иначе говоря, в 1909 г.—на одно о-во приходилось 164 члена, в 1913 г.—230 членов. По данным Московского Союза, в 1912 г. на одно независимое рабочее общество прходился 431 член, и на одно городское общегражданское—288 членов. Таким образом, петербургские общества были многим меньше «среднего» рабочего кооператива, но не на много уступали городским обществам. Всего за пять лет число членов увеличилось на 951, или на 85,2%. При многотысячном рабочем населении Петербурга такой прирост членов, в связи с незначительным числом их, приходящимся на

[1]) «Вестник Кооперации», 1914 г., № 4.

одно общество, говорит о том, что численно рабочая кооперация Петербурга, после бурных лет «Трудового Союза», нарастала медленно и к началу войны охватила едва 0,5% рабочего населения столицы.

Обороты обществ составляли в 1909 г.—391.957 р., в 1913 г.—691.998 р. Это дает в среднем оборота на одно общество: в 1909 г.—55.996 р. и в 1913 г.—76.889 р., а на одного члена: в 1909 г. — 350 р. и в 1913 г. — 330 р. Соответствующие обороты для всех входивших в Московский Союз независимых рабочих и городских общегражданских обществ составляют:

	На одно общество:		На одного члена общ.:	
	рабочее	городское	рабочего	городского
1909 г. . .	59.320	87.395	120	224
1913 г. . .	59.391	66.310	205	221

Средний оборот петербургских обществ на одного члена как в 1909, так и в 1913 г. превышает среднее для рабочих и городских обществ, средний же оборот на одно общество в 1909 г. несколько меньше среднего для рабочих и городских обществ, а в 1913 г. превышает оба средние. Это доказывает, что по торговой силе своей рабочие кооперативы Петербурга за 5 лет выросли и в 1913 г. не уступали прочим рабочим обществам и обществам городским общегражданским. В частности, за 5 лет обороты петербургских обществ увеличились на 76,5%, но в то же время средний оборот на одного члена за это время понизился на 5,1%. Это последнее понижение, как справедливо отметил Н. Орлов, указывает не на уменьшение покупательной способности членов, а, наоборот, свидетельствует об относительном уменьшении количества покупок не-членами, т.-е. является показателем роста кооперативности членов.

Все это показывает, что в общем петербургские рабочие общества периода 1909—1913 г.г. были не лучше и не хуже других обществ. Однако, это само по себе может говорить только о том, что рабочие общества выравнивались под общий уровень и покончили с тем состоянием, когда они неизбежно шли к гибели. Но это еще ничего не говорит о том, какова была действительная прочность этих обществ и насколько полно и правильно разрешали они свои задачи.

Если мы обратимся, напр., к продаже в кредит, то увидим, что здесь дело обстояло далеко не благополучно. В 1909 г. в 7 обществах продажа в кредит составляла 60,4% всего оборота, в 1913 г.—57,6%, при чем понижение объяснялось тем, что два вновь открытых общества—Коломенское и «Польза»—в кредит не продавали. Между тем, по данным Московского Союза, продажа в кредит в рабочих обществах составляла в 1909 г.—37% и в 1912 г.—45%, а в городских общегражданских в 1909 г.—35% и в 1912 г.—28%, т. е. практика петербургских обществ допускала продажу в кредит в несоразмерно большем размере. При этом в кредит отпускали и под заводские ордера, и по усмотрению заведующего лавкой. Неудивительно, что к январю 1914 г. задолженность заборщиков составляла 48.632 р. против 18.219 р. в 1909 г. т.-е. за 5 лет увеличилась на 167%. Если этот громадный рост задолженности членов сопоставить с тем, что оборотные средства общества равнялись в 1913 г.—33.643 руб. (в 1909 г.—18.063 руб.), то мы не удивимся и тому, что долговые обязательства всех обществ достигли 62 тысяч рублей: кто продает в кредит, тому приходится и покупать в кредит, залезать в долги.

Не могли петербургские общества похвалиться и кооперативностью своих членов, и в этом отношении прогресс едва замечался. Общие собрания посещались слабо, в самых больших обществах («Грош», «Экономия», «Польза») при 300—400 членах на собрания являлись 40—80 человек. Протекали собрания вяло. Прения вращались вокруг вопросов плохой постановки дела, недовольства правлением и т. п. На это более передовые члены возражали, что дела плохи потому, что плохи заборщики, которые не вносят паев, не помогают правлению и т. д. Дело часто доходило до свержения правления, но когда приходилось выбирать новое, то оказывалось, что все отказываются, и выбирали снова старых членов правления. По старой и скверной традиции, прения оживлялись, когда дело доходило до распределения прибыли. Охотников получить дивиденд на паи бывало не мало.

В уровень с кооперативностью членов стояла культурно-просветительная работа. Из 9 обществ три совсем ничего не расходовали на культурно-просветительные цели. За все 5 лет организовано было 6—8 лекций. Журнал «Союз потребителей» вы-

писывался четырьмя обществами, но читался мало. Первый рабочий кооперативный журнал «Труженик» начал выходить (в 1908 г.) по частной инициативе и на особо собранные средства. «Кузнец» и «Грош» делали попытки издавать пропагандистские листки, но начинание это скоро заглохло. «Грош» изукрасил лавку кооперативными плакатами, на пакетах, в которых отпускался товар, напечатал текст рочдэльских принципов. «Польза» открыла книжную торговлю, а некоторые общества устраивали елки для детей. Мысль пробуждалась, потребность в культурно-просветительной работе чувствовалась, но сил не было.

Внутренняя организация обществ, при всей своей демократичности, тоже хромала. Правления работали более стройно, чем общие собрания, но без ясной программы, без инструкций, без разделения труда. Труда затрачивалась масса: правления часто заседали по два—три раза в неделю, велись регулярные дежурства в лавках—и это после 9—11-часовой работы на фабрике, чаще всего бесплатно, ибо вознаграждение—максимум 15 руб. в месяц—членам правления установлено только в 4 обществах из девяти. Ко всему этому, правления и служащие сменялись необычайно часто. За 1913 г. в обществе «Грош» перебывало в правлении 27 человек (при составе в 7 человек) и два раза сменялся состав служащих, в обществе «Экономия» сменилось полностью три состава правления, в обществе «Польза» за 5 месяцев сменилось 28 служащих. Это мало говорило о стройности дела и еще меньше содействовало налаживанию работы.

Тем не менее, петербургские общества делали свое дело и вовлекали в кооперативное движение рабочего «середняка». По данным Н. Орлова, рабочая кооперация объединяла средние по культурному уровню слои рабочих, проникнутые сознанием классовых интересов. Характерно, что участие их в других рабочих организациях было ничтожно, но рабочие газеты находили среди них широкое распространение. Очевидно, кооперация вовлекла в рабочее движение тех, кто до того стоял от него в стороне. Вместе с тем более передовые элементы рабочих, принимавшие активное участие в профессиональных и политических организациях, оставались еще чуждыми кооперации.

По своему социальному составу петербургские общества заключали не менее 95% фабрично-заводских рабочих, по преимуще-

ству квалифицированных. Видную роль в кооперативном, как и в профессиональном движении играли металлисты, преобладавшие в шести обществах; только на Петербургской стороне подавляющее число членов составляли текстильные рабочие, трамвайные, транспортные рабочие и т. д. Между прочим, женщины-работницы в движении не принимали никакого участия: на 2.077 членов женщин приходилось не более 60—65.

Не взирая на слабую в общем кооперативность членов, рабочая солидарность делала свое дело, а упорная кооперативная работа капля за каплей долбила камень неорганизованности и отсталости. «В критические минуты жизни кооператива,—пишет Орлов,—а таких минут гораздо больше, чем это может казаться со стороны,—происходит спешная самомобилизация значительной группы членов, являются средства и личные силы. В этом—секрет жизненности рабочих обществ, финансовая ситуация которых весьма плачевна». С другой стороны, по подсчету Н. Орлова, в 9 обществах 87 членов правлений и ревизионных комиссий тратили в среднем не менее трех часов в неделю каждый для своего общества, и не менее 200 рядовых членов регулярно помогали им в управлении кооперативами. «Пять—шесть лет кооперативной работы,—правильно замечает Н. Орлов,—принесли с собой не только статистические единицы—2.077,—но и крупную устойчивую группу если и не вполне сознательных и опытных, то все же преданных и настойчивых кооператоров-рабочих». Можно сказать и больше: впервые стал нарождаться кооператор-рабочий, не только способный самостоятельно вести дело, но и действующий не в обстановке пустоты, находящий поддержку в массе членов рабочих, в их товарищеской солидарности и постепенно крепнущем кооперативном сознании.

В этот период стихийная волна спала, порыв исчез, остались будни. Вместо крупных обществ народились общества небольшие. Ограниченность размаха, тяжелые экономические условия существования рабочих, полицейская обстановка, беспрестанно накладывавшая свою руку на рабочую кооперацию, все еще слабая подготовленность масс—все это не создавало состояния уверенности и прочности. Финансовое положение обществ оставалось тяжелым, задолженность росла, делались отступления от кооперативных принципов, слабо подвигалась культурно-просветительная

работа. И все же по сравнению с предыдущим периодом «Трудового Союза» движение вперед замечается. Нет бурного роста, но есть упорная борьба за существование, медленное, но верное закрепление позиций. Солидарность членов часто спасает общества от гибели, обещая лучшие времена, а в повседневной работе вырабатывались кадры рабочих-кооператоров, будущих строителей рабочей кооперации.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

НЕЗАВИСИМЫЕ РАБОЧИЕ КООПЕРАТИВЫ.

1905—1914 год.

II. Рабочая кооперация в Москве и в провинции.

1.

Московская рабочая кооперация не переживала столь бурного периода, как петербургская кооперация во время «Трудового Союза». Кооперативное увлечение началось в Москве в конце 1907 года, но оно было весьма относительным по сравнению с Петербургом. Московская кооперация не пережила, подобно петербургской, кризиса. Ей помог в этом отношении опыт Петербурга, но не мало содействовала и помощь Московского Союза Потребительских Обществ, от которого московские общества, в противоположность петербургским, вдали не держались.

Не останавливаясь на истории возникновения обществ, ознакомимся с деятельностью некоторых из них.

Одним из наиболее упрочившихся московских обществ было Симоновское общество, возникшее в 1909 г. Оно находилось в Симоновской слободке и обслуживало поселок, густо населенный рабочими (завод Барри, Динамо, трубопрокатный и пр.). В 1910 г. общество насчитывало 205 членов, в 1911—230, в 1913—270,—прирост довольно скромный, показывающий, что кооперативное движение развивалось медленно даже в районе, особенно остро чувствовавшем необходимость рабочего кооператива. Обороты общества неизменно возрастали: в 1910 г. они составляли—53.115 руб., в 1911 г.—116.170 руб., в 1912 г.—127.724 руб.,

в 1913 г. — 139.127 руб. Во второй год оборот увеличился более чем в два раза, а затем нарастал медленно, достигнув как бы предела насыщения: это также говорит о медленном росте наиболее крепкого кооператива. Симоновское общество вело дела осторожно, что дало свои плоды. К 1913 году оно в состоянии было купить два больших участка земли на льготных условиях и построить обширный, светлый одноэтажный дом, в котором помещались магазин, контора, и четыре больших складочных помещения. При распределении прибыли за 1914 г. общее собрание всеми голосами против одного постановило дивиденда на забор не выдавать и обратить его на сооружение народного дома в Симоновской слободке.

К сожалению, другие общества давали менее утешительную картину. Общество «Объединение», возникшее в 1909 г., обслуживало рабочее население района Бутырок. Число членов его равнялось в 1910 г.—364, в 1911 г.—360, в 1913 г.—400. Однако, большинство членов вносило только вступную плату или незначительную часть пая, а те, кто вносил пай, мало или совсем ничего не покупали в лавке общества. Торговля поддерживалась, главным образом, посторонними покупателями, и оборот возрастал медленно: в 1910 г. он составлял 25.223 р., в 1911 г.—27.157 р., в 1913 г.—33.000 р. Дело велось далеко не солидно. Мясная торговля была сдана в аренду частному лицу, арендатор продавал в кредит, набавлял на цены, сбывал худшие сорта мяса. В конце концов это общество не выдержало испытания и в начале 1914 г. прекратило свое существование.

Третье крупное общество—Сыромятническое—насчитывало в 1910 г.—236 членов, в 1911 г.—432. До 1912 г. дела общества шли благополучно: оборот за 1910 г. составил—93.295 р., за 1911 г.—76.608 р., прибыли в 1910 г. было получено 436 р., в 1911 г.—895 р. Но с 1912 года дела общества пошатнулись, так как новое правление пожелало расширить операции общества. Начали продажу в кредит, при чем сперва кредит был разрешен в размере 9 рублей на 10-рублевый пай, а затем дошло до того, что при 10-рублевом пае брали в кредит на 30—40 рублей. Это сразу создало невыгодное для общества положение, которое могло бы быть исправлено при крупном паевом капитале, но его не было (на 1 января 1912 г. паевой капитал составлял

всего 3.162 р.). К тому же для оживления дел общество открыло собственную хлебопекарню, не соразмерив продажную возможность: производство пекарни в 3—4 раза превысило спрос на хлеб в лавке общества. Тогда стали продавать хлеб на сторону (артелям, заводским столовым), а увлекшись такого рода операциями, стали брать на себя поставку других товаров. На беду и эта операция велась не совсем толково, иногда прямо в убыток, а счетоводство настолько хромало, что в отчете за первые три месяца 1912 г. была показана прибыль в 850 р., в то время как в действительности был убыток в 800 рублей. В результате создалось тяжелое положение, пришлось ликвидировать поставки, а хлебопекарню сдать в аренду... «Удивительно живуч дух пролетария-кооператора, — писал «Союз потребителей» в дни кризиса Сыромятнического общества, — пусть луч надежды на лучшее будущее самый ничтожный, но достаточно его видеть, даже чувствовать — и люди преобразуются». Однако, надежды не оправдались. В начале 1914 г. общество ликвидировалось при запасном капитале в 5 тыс. руб. и при долгах поставщикам, главным образом Московскому Союзу, в 12.219 рублей. Любопытно отметить, что Сыромятническое общество получило на Киевской выставке 1913 года большую серебряную медаль «за планомерное и устойчивое развитие деятельности»!..

В начале 1914 г. погибло третье московское общество— «Жизнь» (основано в 1908 г.), объединявшее в 1912 г. 330 членов. Еще раньше, в 1911 году прекратили свое существование общество «Труд» и «Московское кооперативное общество». Причиною этого, по отзывам кооперативной печати, были: бесхозяйственность, обусловленная неподготовленностью руководителей, пренебрежение кооперативными принципами, плохо поставленное счетоводство, хищения и, наконец, несознательность членов, не пожелавших в трудную минуту поддержать свою организацию [1]).

Картина невеселая и—увы—знакомая уже нам по Петербургу. Она подтверждается и общим состоянием московских рабочих обществ в 1911 и в 1912 году [2]).

[1]) «Союз потребителей», 1912 г., № 7.

[2]) По «Союзу потребителей» (1912 г., № 7) и по «Ежегоднику М. С. П. О.», в. IV.

В 1913 г. в Москве насчитывалось 11 рабочих обществ, из которых возникло в 1906 г.—одно, в 1908 г.—5, в 1909 г.—2, в 1910 г.—1, в 1912 г.—1 общество. После периода увлечения (1907—1908 г.г.) число вновь возникающих обществ упало. По данным о 8 обществах на 1910 г. и по 7 обществам на 1911 г., среднее число членов, приходящихся на одно общество, составляло: в 1910 г.—258, в 1911 г.—343. Для 1913 г., по данным о 10 обществах, это среднее составит 321; таким образом, московские общества были крупнее петербургских (в последних было в 1913 г. в среднем 230 человек на общество). Распределение обществ по числу членов также подтверждает преимущества Москвы перед Петербургом:

С числом членов	Число обществ	
	1910 г.	1913 г.
до 200	3	3
от 201 до 300.	3	2
» 301 » 400.	1	4
свыше 400	1	1

В 1913 г. увеличилось число более крупных обществ (свыше 300), которые составляли половину всех обществ, в то время как в 1910 г. крупные общества составляли всего ¼ всех обществ. По числу членов московские общества были, бесспорно, более солидными. Однако, фактических членов было значительно меньше, так как в 1911 г., напр., не менее ¼, если не ⅓, составляли члены, внесшие только вступную плату.

Годовой оборот 8 обществ в 1911 г. выразился в сумме 54.391 р. В среднем его увеличение составило 10%, но в некоторых обществах он возрос на 15% и даже удвоился против 1910 г. С убытком 1911 год закончился всего для одного общества («Солидарность»), прочие общества закончили год с прибылью.

В торговом отношении, таким образом, общества хотя и медленно, но неуклонно укрепляли свое положение. Того же нельзя сказать о кооперативности их. Продажа в кредит не только не сократилась в 1911 г., но ее вводили общества, раньше ее не применявшие. До 70% оборота падало на посторонних заборщиков. На культурно-просветительные запросы

отклик оставался слабым: устроено было 2—3 лекции, все общества сделали отчисления на кооперативную школу при Московском союзе, некоторые общества учредили просветительные фонды.

В общем, эта картина мало оживилась в 1913 г.

Финансовое положение обществ продолжало оставаться неустойчивым, хотя в жизни некоторых обществ и замечался перелом к лучшему. Три общества («Жизнь», «Объединение» и Сыромятническое) переживали острый кризис и к началу 1914 г. погибли, два общества («Прогресс» и «Солидарность») значительно поправили свои дела. Положение прочих оставалось неопределенным. Три общества (в том числе «Жизнь» и «Объединение») совсем не имели запасного капитала, два общества («Прогресс» и «Солидарность») имели его в размере 22 руб. В общем, запасной капитал всех обществ составлял 3.724 руб., т.-е. в среднем на одно общество приходилось 372 р. Из 10 обществ два («Объединение» и «Жизнь») закончили год с убытком, как и предыдущий 1912 год.

Общий оборот всех обществ составил в 1913 г. 710.065 р. или 71.000 р. на одно общество и 220 р. на одного члена. В этом отношении московские общества несколько уступали петербургским, в которых оборота приходилось на одно общество 76.889 р. и на одного члена—330 р.

В общем, относительно экономического положения московских обществ приходится согласиться с заключением «Ежегодника»: «В сравнении с другими группами московских обществ рабочие кооперативы являются наименее крепкими как в финансовом, так и в торговом отношении. Рабочие общества до сих пор еще как бы нащупывают почву, учатся, делают опыты»

Не лучше обстояло дело с кооперативностью обществ, хотя здесь замечался некоторый прогресс, в особенности по сравнению с петербургскими обществами того времени.

Продажа в кредит свыше 50% всей продажи допускалась в 5, т.-е. в половине обществ, при чем в некоторых обществах она доходила до 60, 70, 80 и даже 82%. Впрочем, нужно заметить, что наиболее широко практиковали продажу в кредит общества, связанные с предприятиями (при газовом заводе, при фабрике Мусси, при фабр. Михайлова). На ряду с ними были

общества, допускавшие кредит в малом размере (10%—погибшее «Объединение»). Но все же ни одно из обществ от продажи в кредит не отказывалось, и это—признак неустойчивости кооперативных принципов. Не отказывались общества и от дивиденда на паи, при чем в некоторых случаях выдавали 6 и даже 10%.

К положительной стороне деятельности обществ нужно отнести приспособление торговли к нуждам рабочего населения. 43% товаров составляли предметы самой первой необходимости, 33% падало также на предметы необходимого потребления (сахар, крупа, овощи, мыло и т. п.). Мануфактурой совсем не торговали, но торговали галошами, обувью.

Культурно-просветительная работа хотя и медленно, но налаживалась. Правда, на соответствующие расходы ассигновывали скупо: 1, 3, 4, 5%, в одном случае 16%. Но все же в течение года устроили 6 лекций, на которых присутствовало 1.885 слушателей, 11 спектаклей (8.000 зрителей), 12 экскурсий (775 участников), 9 детских праздников, выпустили 6.500 листков и т. д. Всего этого было, конечно, маловато, но жизнь давала о себе знать здесь больше, чем в петербургских обществах, и это подавало надежду на дальнейшее движение вперед.

Как и в Петербурге, правления работали интенсивно. Заседания правлений происходили раз в неделю. Члены правления поочередно дежурили в лавках, проверяли счета, закупали товар и т. д. Как и в Петербурге, здесь вырабатывались кадры рабочих-кооператоров.

2.

Посмотрим теперь, как возникли и жили рабочие кооперативы в провинции, при чем ограничимся по необходимости лишь немногими примерами. Начнем с провинциальных промышленных центров, где кооперативы возникли, большей частью, так сказать, самопроизвольно, по инициативе, исходившей от рабочей массы.

Наиболее интересно в этом отношении Иваново-Вознесенское общество «Единение—Сила». Еще в 1900 г. в Иваново-Вознесенске, центре текстильной промышленности, обществом трезвости был открыт кооператив, который просуществовал, однако.

недолго и погиб, оставив по себе невеселую память. Революционное оживление 1905 г. снова пробудило интерес к кооперации, на этот раз среди рабочих. В ноябре 1907 г. был утвержден устав общества «Единение—Сила». Инициаторами и первыми немногочисленными членами кооператива были ткачи и другие фабричные рабочие, действовавшие в тесном согласии с местными союзами ткачей и металлистов. При обсуждении устава и плана работы в основу были положены рочдэльские принципы.

Получив утвержденный устав, инициаторы стали подыскивать помещение совместно с союзом металлистов. Квартиру сняли в глухом квартале «Ямы»—небольшую, разделенную пополам перегородкой, с тесовым коридором. Одна часть квартиры отведена была под магазин, другая—для правления кооператива и союза металлистов. Вскоре союз был закрыт администрацией, и все помещение перешло к кооперативу. Погибший союз передал кооперативу и свои капиталы, как это сделал также закрытый профессиональный союз текстильных рабочих. Начали дело при паевом капитале в 800 руб., и с числом членов меньше 100.

По примеру рочдэльцев, иваново-вознесенцы сами на своих плечах выносили всю работу по кооперативу: сами закупали товары, сами развозили их по домам. Первая маленькая лавочка была открыта лишь два раза в неделю по вечерам, так как члены кооператива, работавшие в лавке, были заняты днем фабричной работой. Лошадей для развозки товаров, конечно, не было, и наши кооператоры сами впрягались в двухколесную тележку. Рассказывают, что, как и в Рочдэле, только насмешкой встречали этих чудаков, которые сами на себе тащили до 15 пудов клади.

— На свои деньги покупаете, сами себе же и продаете, да на себе и возите. Торговцы!—смеялись над ними.

Но иваново-вознесенцы не унывали и упорно шли своей дорогой. В первый год маленькое общество сделало 18.000 рублей оборота. Тогда наняли двух служащих и перешли в новое, более удобное, помещение. С тех пор дела общества неизменно развивались. В 1909 г. «Единение—Сила» насчитывало 354 члена при обороте в 33.631 р., в 1910 г. членов было 349 при обороте в 39.185 р., в 1911 г. число членов поднялось до 760 и оборот увеличился до 84.132 р., в 1912 г. число членов увеличилось до

835 и оборот возрос до 150·572 р., в 1913 г. общество насчитывало до 900 членов при обороте в 157.000 рублей, в 1914 г.—членов около 1.000, оборот свыше 200.000 рублей. За семь лет число членов увеличилось не меньше чем в 10 раз, а оборот в 11 раз.

«Единение—Сила» все время торговало исключительно на наличные и притом увеличивая продажу своим членам: в 1909 г. продажа посторонним составляла 66 проц., в 1910 г.—58 проц., в 1911 г.—46 проц. и в 1912 г.—43 проц.

Начало общество с маленькой лавки, торговавшей по вечерам два раза в неделю. На втором году открыто было две лавки, в 1912 г. открыто было три лавки в рабочих районах, в 1914 г. общество имело 4 лавки. Открыв свою первую лавку в «Яме», глухом квартале, общество к 1915 г. построило в том же рабочем квартале собственный дом стоимостью в 20.000 рублей, при чем члены общества внесли на постройку дома до 12½ тысяч. На открытии дома председатель общего собрания с справедливой гордостью говорил: «Нам, учредителям общества, еще недавно только во сне грезился кооперативный дом; для нас тогда он был воздушной мечтой, призрачной фантазией... Но вот прошло 8 лет, и дружные усилия членов общества превратили мечту в действительность. Мы собрались сюда и говорим не где-либо в чужом помещении, а в собственном доме. Будем же работать еще усиленнее, дружнее, и у нас будут тогда не только собственные дома, но и дворцы кооперации!»

Но «Единение—Сила» занималось не только торговой деятельностью. С первых же дней своего существования оно занялось культурно-просветительной работой, выписывая книги и журналы, устраивая чтения с туманными картинами, елки для детей, спектакли. Когда в Москве открыты были кооперативные курсы при университете им. Шанявского, общество посылало на курсы ежегодно двух стипендиатов.

Придерживаясь правильной кооперативной политики, общество с самого начала вступило в Московский Союз П. О., явилось одним из организаторов Кинешемского Союза оптовых закупок, а также примкнуло к Народному Банку.

Особо следует отметить также отношение общества к своим служащим. Введя коллективную ответственность служащих за

прочет и недостачу товаров, общество, однако, вместе с тем в порядке особой инструкции, изданной в марте 1913 г., установило для служащих: 1) 9-часовой рабочий день, 2) праздничный и вечерний отдых, 3) допущение сверхурочных работ в исключительных только случаях и с полуторной платой, 4) двухнедельный отпуск для прослуживших не менее года, 5) сохранение содержания на случай болезни в течение одного месяца в полном размере оклада, а в следующие три месяца в половинном размере, 6) для разбора конфликтов между служащими и правлением образовалась смешанная комиссия в составе двух представителей правления, двух представителей служащих и пятого лица по приглашению сторон [1]). Этим закладывались основы коллективного договора до того, как основные положения последнего были приняты кооперативным съездом 1913 года. Но все же и «Единение—Сила» сохранило залоговую систему, тягостную для служащих.

Это отступление от принципов кооперации, однако, не умаляет заслуг Иваново-Вознесенских ткачей перед рабочей кооперацией. На собственных плечах, главным образом, вынесли они свое детище, взрастили его и, придерживаясь рочдэльских принципов, прочно его укрепили, несмотря на все неблагоприятные условия, в каких им приходилось работать. А каковы были эти условия, показывают, между прочим, следующие, поставленные обществу в вину владимирским губернатором в 1912 г., отступления от устава: 1) общество без надлежащего разрешения вошло в состав Иваново-Вознесенского Кредитного общества, 2) вопреки уставу вступило в Международный Кооперативный Союз, 3) вопреки уставу и без надлежащего разрешения примкнуло к Народному Банку, 4) прием обществом от своих членов, под своей гарантией вкладов в Московский Союз, 5) общество приняло на себя посредничество по приобретению акций Народного Банка, 6) общество ассигновало 50 рублей в «фонд кредитования», 7) общество устраивает для детей своих членов увеселения в форме рождественской елки.

---

[1]) 9-часовой рабочий день, праздничный отдых и отпуска общество ввело еще в 1911 г.

Вот каковы были «преступления» общества! Вот путем каких «преступлений» оно пыталось расширить свою работу!

Много общего с кооперативом «Единение—Сила» имело Рождественское общество потребителей, открытое в 1906 г. в предместьи Твери, в районе ткацких фабрик Берга и Морозова. Начало обществу положили 83 человека, открывшие маленькую лавку в рабочем районе, где, помимо частных лавок, у ворот одной фабрики торговали две мелочные лавочки, а две фабрики имели свои громадные магазины с продажей в кредит. На первых порах члены правления сами переносили товары в лавку; помещение последней было настолько ветхо, что, по выражению одного из членов правления, качалось от ветра. Одновременно с лавкой открыли пекарню с одной печью. Особого помещения для конторы не было и правление работало в пекарне; счетоводство вели сами члены правления, ткачи.

И несмотря на все, Рождественское общество выросло и окрепло. В 1907 г. оно насчитывало всего 109 членов, в 1910 г. число членов возросло до 539, а к 1 января 1914 г.—до 1.696. Баланс общества с 2.560 р. в 1907 г. увеличился до 66.595 руб. в 1913 г.; оборот в 1910 г. составлял уже 56.700 рублей, а в 1914 г.—свыше 250.000 рублей. В 1913 г. общество соорудило собственный двухэтажный каменный дом, постройка которого обошлась в 18.000 рублей, при чем землю отвел город, Московский Союз предоставил кредит в 6.000 р., остальные собрали среди членов в виде займов под проценты. В 1913 г., кроме главного магазина, общество имело два бакалейных отделения, мясное отделение, лабаз, чайную и хлебопекарню.

От общества «Единение—Сила» Рождественское общество в невыгодную сторону отличалось, однако, одним: оно отпускало своим членам товар в кредит. Очевидно, к этому понуждали окружавшие кооператив фабричные лавки.

Силами рабочих было организовано в 1908 г. «Общество потребителей рабочих г. Меленок» (Владим. губ.), состав которого был ограничен служащими и рабочими фабрично-заводских, ремесленных и кустарных предприятий г. Меленок. Общество открыло свои действия в марте 1909 г. при 315 членах и с 2.000 р. паевого капитала. В 1910 г. общество насчитывало 373 члена при обороте в 51.607 рублей, в 1912 г.—471 член и 77.258 р. оборота.

Это общество также соорудило собственный дом и учредило в 1911 г. кассу взаимопомощи, из которой выдавались пособия на похороны членов и на воспитание их детей.

Меленковское общество долгое время продавало в кредит. Вначале отпускали в кредит только на книжку до половины пая, потом стали отпускать до ¾ пая, а в конце-концов и эту норму превысили. Только на восьмом году существования общества отделились от кредита. Операции этой помогло то обстоятельств, что общество в течение четырех лет не выдавало членам дивиденда, оставляя его в обороте. Когда, благодаря этому, у членов накопилась сумма, равная приблизительно задолженности их обществу, постановили долги списать из накопившихся дивидендов и паев и впредь продавать только за наличные.

Остановимся еще на одном примере, близком к тем, о которых речь шла выше.

В 1911 г. среди железнодоржных рабочих и служащих г. Грозного возникла мысль об организации потребительского общества. Состоялось совещание 10 инициаторов, составлен был проект устава, который и подали на утверждение. Тем временем устроили ряд собраний, на которых выяснялось значение кооперации для рабочего класса. Одновременно с записью членов произведена была среди рабочих анкета с целью выяснения покупательной способности членов. По получении устава, в июле 1911 г. было открыто «Общество потребителей г. Грозного и его окрестностей».

Лавка была открыта при оборотном капитале в 1.300 рублей. Оборот первых пяти месяцев достиг 10.000 рублей при 560 руб. чистой прибыли. Общество перешло в лучшее помещение, число членов повысилось до 865, оборот превысил 40.000 рублей. Общество открыло свою «харчевню», образовало особый кредитный фонд, из которого открывало кредит нуждающимся членам, заключено было соглашение с зубным врачем о льготном лечении членов общества. В целях лучшего обслуживания рабочих открыто было два отделения — на заводе «Русский Стандарт» и Иленско-Дагестанских промыслах. Между прочим, первоначально Кавказский наместник не разрешил обществу открыть отделение на промыслах и тогда на регистрацию был подан устав самостоятельного промыслового общества «Труд». Устав был

утвержден, но к тому времени последовало разрешение открыть отделение Грозненского общества на промыслах. Созвано было собрание промысловых рабочих, которое решило самостоятельного общества не открывать и присоединиться к Грозненскому обществу, открыв отделение его на промыслах. Так грозненские рабочие сами строили свою «многолавку».

Из рабочих кооперативов, возникших в крупных провинциальных промышленных центрах, нужно выделить, прежде всего, николаевскую «Трудовую Копейку», возникшую в 1908 г. и просуществовавшую до последних лет.

Мысль об организации в Николаеве кооператива возникла среди рабочих фабричных и портовых. Николаев переживал в то время острый промышленный кризис, обострившийся благодаря тому, что в виду суровой зимы пароходы не могли заходить в Николаевскую гавань. И в последующие годы безработица была настолько велика, что многие из записавшихся в общество не могли внести даже вступных 50 коп. «Трудовой Копейке» пришлось жить в тяжелых условиях и с трудом закреплять свое положение. При открытии в общество записалось 300 членов с паевым капиталом в 2.000 р. Первый год закончился с оборотом в 66.000 р. и с прибылью в 268 р. Второй год отмечен увеличением числа членов до 495, оборота до 87,000 руб. и прибылью в 838 руб. В 1911 г. при увеличении числа членов (до 521) увеличился также оборот (до 115.494 р.), при прибыли в 933 р. Однако, в 1912 г. оборот сокращается до 107.548 рублей, а вместо прибыли получается убыток в 3.126 руб.

Причиной тяжелого положения, в каком оказалось общество, была не только безработица и нужда рабочих, но и неосторожное ведение дела кооперативом. Чуть ли не с самого начала общество приобрело в собственность дом с землей и построило свою хлебопекарню. Между тем, общество было не настолько устойчиво, чтобы затрачивать средства на приобретение собственности. В силу этого получилось, что при капитале в 5.000 рублей и остатке товара в 8.000 рублей долги общества достигали 10.000 рублей. Кроме того, хлебопекарня, дававшая чистый и хороший хлеб, приносила убытки, которые не могли быть покрыты другими операциями за скудостью оборотных средств. В итоге—общество перешло в 1913 г. с массой залежалого то-

вара, с расстроенным хозяйством и с долгом в 23.000 руб. Положение общества становилось критическим, кредиторы предъявляли свои претензии. «Терпение у них истощилось,—писало правление в отчете,—одни подавали в суд и получали исполнительные листы, другие грозили судом, и, наконец, третьи приходили в правление и устраивали скандалы, так что правлению приходилось прятаться от них».

Нужны были экстренные меры, и правление, не дожидаясь конца года, сложило свои полномочия. Ошибки были сознаны. «В настоящее время,—говорило правление в докладе общему собранию,—вполне выяснилось, что мы не имели права открывать пекарню, не имея средств. Пекарня при кооперативном деле—учреждение очень серьезное. Сравнивать ее с частными пекарнями нельзя. Нормальная выпечка хлеба, отношение к рабочим, установление нормальной платы—для нас очень сложное дело, ибо там, где в частном деле вопрос решается спроста, обществу решить какое-нибудь недоразумение гораздо труднее».

Выйти из тяжелого положения помогло предложение верфи открыть при заводе столовую для рабочих, при чем «Трудовая Копейка» получила беспроцентную ссуду в 10.000 рублей, часть которой была употреблена на уплату долгов и приобретение товаров. Вместе с тем ликвидирована была пекарня, налажена внутренняя организация кооператива, и с этих пор дела пошли прочно на улучшение. В 1914 г. оборот повысился до 140.000 р., число членов достигло 698. В 1916 году общество насчитывало 2.893 члена при обороте в 468.000 рублей.

С первого же года «Трудовая Копейка» энергично занялась культурно-просветительной работой: устраивались лекции, доклады, экскурсии, вечера, организована библиотека и т. п. По словам правления, оно пыталось вести «самую широкую, в пределах, допустимых в данное время, просветительную и культурную работу». Но, конечно, «пределы допустимого» были крайне ограниченные, так как полицейский строй держал рабочий кооператив в железном кольце.

Проявляло инициативу общество и в других отношениях. Так, оно открыло по окраинам маленькие лавки упрощенного типа, чтобы ближе подойти к рабочей массе. Одним из первых оно организовало для своих членов врачебную помощь, которой пользо-

вались многие члены (врачебные посещения достигали нескольких тысяч). Для разрешения конфликтов со служащими была создана согласительная комиссия из представителей служащих, правления и наблюдательного комитета.

Если николаевской «Трудовой Копейке» удалось, одолев трудные времена, дожить до лучших дней, то харьковский «Труд», сыгравший крупную роль в местном кооперативном движении, преждевременно погиб, благодаря ряду неблагоприятно сложившихся обстоятельств.

«Труд» возник в 1907 году по инициативе и при ближайшем содействии харьковских профессиональных союзов печатников, табачников, приказчиков, конторщиков, бухгалтеров и др. Сначала дела общества пошли хорошо. К открытию, т.-е. к ноябрю 1907 г., общество насчитывало уже около 700 членов с паевым капиталом до 2.000 рублей. Открыты были пекарня и три лавки, в которых продавали и хлеб и бакалейные товары. Особенно бойко шла торговля хлебом, так как все сорта его продавались на 1 коп. в фунте дешевле рыночных. Однако, успех этот оказался призрачным. Объединившиеся булочники повели с обществом борьбу, понизив цену на 2 коп. в фунте. «Труд», не выдержав частной конкуренции, вынужден был закрыть пекарню и одно отделение, закончив 1908 год с убытком свыше 3.000 руб. Воспрянувшие духом булочники, торжествуя победу над кооперативом, подняли, конечно, снова цены. Тогда «Труд» попытался еще раз наладить дела своей пекарни, но это привело снова к убытку и к окончательной ликвидации пекарни. Неудачей закончились и попытки общества организовать склад топлива (дров и антрацита). Здесь «Труду» не удалось выдержать конкуренцию угольного синдиката «Продуголь», который широко развил розничную торговлю топливом.

Эти удары со стороны частного капитала привели к ликвидации всех отделений, за исключением небольшой лавки на Журавлевской улице. Дела настолько осложнились, что поставлен был вопрос о полной ликвидации общества и об организации взамен его нового кооператива. Возможно, это был бы лучший исход: сосредоточить работу нового кооператива в рабочих кварталах и повести ее соразмерно наличным силам. Однако, группа кооператоров решила иначе и остановилась на мысли перенести

работу с окраины в центр. Однако, этим общество не стало ни на путь общегражданского кооператива, ни на прочный коммерческий путь. Отсутствие средств давало о себе знать, а магазин в центре города не обслуживал ни районов, ни, тем более, приезжих крестьян. Тогда «Труд» открыл в декабре 1910 года лавку на Конном базаре, после чего магазин в центре был ликвидирован. Дела пошли как будто лучше. Число членов, упавшее к концу 1909 г. до 78, снова поднялось в 1910 году до 800, а к середине 1913 года даже до 1.000. Но пошатнувшееся финансовое положение общества без радикальной ломки не могло уже окрепнуть. Общество жило в кредит, увеличивая свои долги, платило высокие проценты по ряду векселей; сильно чувствовалась и конкуренция частных торговцев Конного базара. К тому же крупным убытком закончилась операция по продаже молока, на которой, в конце концов, нажились привлеченные к делу сельские хозяева.

В июне 1913 года «Труд» должен был ликвидировать свои дела. Причиной гибели его послужила неустойчивая политика, расширение операций сверх наличной финансовой силы, сильная конкуренция со стороны частного капитала, равнодушие членов, не проявивших массовой инициативы к удержанию кооператива на уровне рабочего общества. Тем не менее, как отмечено, «Труд» сыграл крупную роль не только в харьковском, но и в краевом кооперативном движении. Он был первым, вообще, кооперативом в Харькове, если не считать давно прошедших времен Баллина и Козлова. «Труд» явился также инициатором и учредителем краевого объединения потребительской кооперации — «Товарищества Потребительных Обществ Юга России» (ПОЮР), основанного 12 мая 1912 года и сыгравшего крупную роль в развитии потребительской кооперации Левобережной Украины.

Еще менее благоприятно сложились до войны условия в Киеве. Здесь в 1909 году был открыт кооператив «Вперед», ограничивший свой состав исключительно рабочими, но уже через несколько месяцев он был закрыт губернатором после предварительного жандармского разгрома; к моменту закрытия общество насчитывало до тысячи членов. На смену закрытому обществу пришел кооператив «Самопомощь», не встретивший, однако,

отклика в массе, несмотря на то, что открыты были две лавки в рабочих районах (на Демиевке и на Шулявке); сдержанное отношение рабочих к кооперативу объяснялось отсутствием веры в возможность существования рабочего общества после разгрома общества «Вперед». «Самопомощь» скончалась естественной смертью, чтобы уступить место новому рабочему кооперативу «Жизнь», широко развернувшемуся в первые годы войны.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

НЕЗАВИСИМЫЕ РАБОЧИЕ КООПЕРАТИВЫ 1905—1914 г.г.

III. Общие итоги.

1.

Ознакомившись с положением рабочей кооперации в отдельных промышленных центрах, перейдем теперь к общему обзору положения ее в довоенное время. К сожалению, полных данных о всех обществах не имеется и потому приходится удовлетвориться сведениями лишь об обществах, входивших в состав Московского Союза Потребительных Обществ. Это, впрочем, не только лучше, чем ничего, но даст более или менее правильное представление о развитии в предвоенное время рабочей кооперации, так как Союз охватывал не менее $^1/_3$ всех независимых рабочих кооперативов [1]).

Если мы обратимся, прежде всего, к среднему числу членов, приходившемуся на одно рабочее общество, по сравнению с другими обществами, то получим такую картину:

	Приходилось в среднем членов на одно общество.			
	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.
Рабоч. независ. о-ва	374	351	415	431
Городск. общегр. »	275	249	273	285
Сельские » . . .	126	104	125	157
Фабр.-заводск. » .	692	638	662	626
Железнодорожн. »	3.588	3.962	3.687	3.836

По величине своей рабочие общества, после железнодорожных и фабрично-заводских, занимают третье место. Если же принять

---

[1]) См. «Ежегодник» Московского союза, в особенности в. IV и статью Нестерова: Союзные рабочие кооперативы за 5 лет, «Союз Потребителей», 1916 г., № 27.

во внимание, что фабрично-заводские и железнодорожные общества были зависимыми, и сравнивать рабочие общества только с независимыми кооперативами, городскими и сельскими, то в этом случае рабочие общества по величине своей станут на первое место, оставляя позади себя более мелкие по числу членов, приходившихся на одно общество, городские и сельские общества.

Нужно полагать, что к 1914 г. число рабочих обществ перевалило за сто (около ста обществ насчитывалось к 1912 г.). Таким образом, при расчете около 400 членов на одно общество, можно принять, что к 1914 году рабочие общества объединяли не меньше 50.000 членов. Это, конечно, совсем не много по сравнению с другими потребительскими кооперативами, не исключая даже городских и сельских, в которых в отдельности нужно считать не меньше 150—200 тысяч членов. Однако, в обстановке общей слабой организованности рабочего класса, в том числе и профессиональной, это объединение вокруг рабочей кооперации 50.000 членов имело, конечно, крупное значение. Во всяком случае, среднее число членов, приходившихся на одно общество, свидетельствует о том, что рабочая кооперация строилась по типу обществ более крупных, чем городские общегражданские, не говоря уже о сельских.

В общем, крупный размер рабочих обществ вырисовывается, в частности, из следующего сопоставления данных о распределении обществ по числу членов для отдельных групп обществ (в %%) для 1912 года:

Число членов.	Рабоч. о-ва.	Фаб.-зав.	Жел.-дор.	Городские.	Сельские.
До 50	—	—	—	1,8	9,9
51—100	8,3	10,6	—	10,7	31,7
101—150	16,7	10,6	—	17,0	31,2
151—200	12,5	7,6	9,1	16,1	7,9
201—300	8,3	18,2	—	24,1	13,5
301—500	29,2	24,2	27,3	17,9	4,5
501—1000	12,5	13,6	18,2	8,9	1,5
свыше 1000	12,5	15,2	45,5	3 6	—

Среди рабочих обществ более половины (54,2%) насчитывающих свыше 300 членов, в том числе четверть (25%) имеющих свыше 500 членов. В этом отношении рабочие общества почти сравнялись с фабрично-заводскими, среди которых обществ, насчитывающих свыше 300 членов—53%, а насчитывающих свыше 500 членов—28,8%. Далеко позади рабочих обществ остаются городские и сельские общества, среди которых решительно преобладают мелкие общества. Если, таким образом, оставить в стороне железнодорожные общества, занимающие совершенно исключительное положение, то по величине обществ впереди на одном уровне идут группы рабочих и фабрично-заводских обществ.

Крупный по числу членов размер рабочих обществ предсказывает и соответствующее распределение обществ по сумме их оборота, так как можно принять за правило, что чем больше членов приходится на общество, тем больше его оборот. Следующей таблицей это вполне подтверждается:

Рабочие общества	В среднем приходится членов на одно общество.			
с оборотом:	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.
До 10 тыс. руб.	—	—	132	55
10—20 » »	236	117	143	97
20—50 » »	282	215	242	198
50—100 » »	526	328	275	352
100—300 » » . . .	995	870	762	724

Общества более крупные по числу членов являются вместе с тем более крупными и по оборотам. А так как среди рабочих обществ преобладали более крупные по количеству членов, то мы можем сказать, что как по числу членов, так и по размерам оборотов рабочие общества шли впереди других независимых обществ, уступая лишь зависимым фабрично-заводским и железнодорожным обществам.

Этот общий вывод остается правильным, несмотря на то, что обороты рабочих обществ имели свой ограниченный предел, как это видно из следующей таблицы распределения этих обществ по сумме оборота:

Оборот.	Число обществ.					
	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.
До 20 тыс. руб. .	3	7	7	3	8	3
20—50 » » .	9	17	12	10	9	11
50—100 » » .	5	9	10	6	7	4
100—300 т. руб. .	2	3	7	9	7	10

Оборота свыше 300 тыс. рублей рабочие общества не знают. Если для сравнения с другими группами мы возьмем тот же 1912 год, то увидим, какое значение имеет этот предел оборота.

Оборот.	Число обществ.			
	Город.	Сельск.	Фабр.-зав.	Жел.-дор.
До 300 тыс. руб.	131	222	72	9
Свыше 300 т. р. .	2	—	21	9

Снова в совершенно исключительном положении находятся железнодорожные и фабрично-заводские общества: среди железнодорожных обществ с оборотом свыше 300 тысяч рублей—половина, а среди фабрично-заводских—23%. Такое положение последних обществ объяснялось, однако, их зависимым характером—массовой припиской к обществам служащих, субсидиями, массовой продажей в кредит и т. д. Если сравнить рабочие общества не с этими обществами, а с городскими и сельскими, то окажется, что рабочие общества не имели против себя ни одного сельского общества с оборотом свыше 300 тыс. рублей (оборот сельских обществ вообще не превышал 100.000 руб.) и ничтожное количество (1%) городских обществ.

Нужно, однако, заметить, что и при наличности указанного предела число рабочих обществ с более крупным оборотом все возрастало; так, в 1909 году общества с оборотом свыше 100 тыс. рублей составляли 10% всех рабочих обществ, в 1914 г.—36%. Это значит, что хозяйственное положение рабочей кооперации становилось все более прочным.

Оборот, приходящийся на одно общество и на одного члена, представляется для различных групп в таком виде (в рублях):

	Оборот на одно общество.			Оборот на 1 члена.		
	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.
Рабочие общ. .	45.498	64.096	87.395	120	162	205
Городские » . .	59.249	61.704	66.310	224	228	221
Сельские » . .	22.486	20.871	21.389	177	157	156
Фабр.-зав. » . .	210.018	226.664	207.198	303	347	397
Прочие » . .	508 370	662.188	707 217	188	196	230

Оборот рабочих обществ из года в год повышался, и притом быстрее, чем в других обществах: в 1912 году по сравнению с 1910 г. он увеличился почти в два раза.

На какой же финансовой базе происходил этот рост операций?

Задолженность рабочих обществ по сравнению с другими представляется так:

	Задолженность в % к балансу.			
	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.
Рабочие общ. . .	58	55	64	68
Городские » .	53	54	57	55
Сельские » . .	49	55	55	54
Фабр.-зав. » . .	54	56	60	57
Жел.-дор. » . .	50	53	59	57

Задолженность для всех обществ из года в год остается значительной, составляя почти половину пассива. Для рабочих обществ задолженность почти без колебаний повышалась, опережая другие общества. Мы еще возвратимся к причинам такого неблагоприятного положения, а пока посмотрим, каково было состояние собственных средств обществ, т.-е, главным образом, паевого (вместе со вступной платой) и запасного капиталов.

Движение паевого капитала (вместе со вступной платой) представлено в следующей таблице:

	Паевой капитал на одно о-во (в рубл.)				В % к балансу.			
	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.
Рабочие общ. . .	2.917	3.467	3.806	4.605	32,1	34,0	23,8	18,9
Городские » . .	5.509	5.700	5.660	6.177	28,3	26,9	24,4	24,7
Сельские » . .	2.060	2.230	2.305	2.559	33,0	27,3	28,7	31,4
Фабр.-зав. » . .	18.662	16.748	17.284	21.032	21,0	20,3	18,2	21,5
Жел.-дор. » . .	63.121	57.413	61.266	62.842	21,5	21,1	16,2	17,9

По размерам паевого капитала рабочие общества в ряду других независимых обществ уже теряют первое место и уступают его городским обществам, паевой капитал которых выше. Вместе с тем, резко бросается в глаза падение относительного значения паевого капитала в балансе именно рабочих обществ: в 1909 году капитал этот составлял—32,1% баланса, в 1912 г.—всего 18,9%. Такого сильного падения не дала ни одна из других групп.

Посмотрим теперь на движение запасного капитала:

	Запасной капитал на одно о-во (в рубл.).				В %% к балансу.			
	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.
Рабочие общ. . .	74	77	188	1.277	2,5	2,2	4,9	28,4
Городские » . .	1.588	1.916	2.180	2.259	28,8	34,6	38,5	38,3
Сельские » . .	221	254	216	206	10,7	11,4	9,4	8,3
Фабр.-зав. » .	9.472	8.020	8 851	8.783	49,7	47,9	51.2	42,0
Жел.-дор. » . .	16.913	15.086	16.611	18.860	26,7	26,2	27,1	30,5

Скачок для 1912 года представляется, очевидно, для рабочих обществ случайным, и прочие три года более показательны для движения запасного капитала. Общий же вывод получается для рабочих обществ весьма неутешительным: запасные капиталы их были ничтожны и в балансе не играли почти никакой роли.

Теперь становится понятна одна сторона, по крайней мере, чрезвычайной задолженности рабочих обществ. Запасной капитал не мог иметь значения. Относительное значение паевого капитала все падало: увеличиваясь в обсолютной сумме, он никак не поспевал за увеличением баланса. Но обороты, как мы видели, из года в год росли и в 1912 г. по сравнению с 1910 г. увеличились в два раза. Очевидно, средства черпались из других источников, нарастала задолженность. С этой стороны особенно показательно отношение задолженности к паевому капиталу:

	%% отношение задолженности к паевому капиталу.			
	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.
Рабочие общ. . .	78	155	261	350
Городские » . .	183	199	238	215
Сельские » . .	146	198	186	159
Фабр.-зав » . .	249	264	317	258
Жел.-дор. » . .	219	230	358	287

В среднем для всех обществ задолженность превышала паевой капитал в 1912 г. в два с половиной раза, в рабочих же обществах в 3½ раза. Если все общества жили в долг, то о рабочих обществах это можно сказать в еще более сильной степени.

Из чего же складывалась эта задолженность? Ответ дает следующая таблица, в которой показан состав задолженности 1912 г.

	% % состав задолженности.			
	Поставщ.	Займы	Залоги	Разн. кредиты
Рабочие общ. . .	57,6	18,7	4,0	19,6
Городские » . .	56,7	23,2	3,4	16,6
Сельские » . .	48,1	25,6	4,2	22,1
Фабр.-зав. » . .	57,5	5,8	2,9	33,8
Жел.-дор. » . .	74,4	13,5	4,9	7,2

По составу задолженность рабочих обществ не отличалась от задолженности прочих обществ. А вообще, как мы видим, преобладает задолженность поставщикам, т.-е. долги по товарам, которые должны были быть еще выше, так как среди «разных кредитов», несомненно, тоже имеются поставщики.

При крупной задолженности, составлявшей в 1912 г. 68% баланса, рабочие общества в общей сумме своей задолженности имели не менее 65% задолженности товарной. Это значит, что они покупали в кредит. Но мы имели уже случай на примере отдельных обществ видеть, что на покупку в кредит гонит продажа в кредит. И действительно, рабочие общества допускали продажу в кредит в широких размерах. Так, процентное отношение продажи в кредит к обороту составляло:

	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.
Рабочие общ. .	37	20	36	45
Городские » . .	35	32	34	28
Сельские » . .	21	27	20	15
Фабр.-зав. » .	70	77	72	81
Жел.-дор. » .	49	77	76	66

Продажа в кредит рабочими обществами в 1909—1912 г.г. повысилась и только в 1913 г. стала понижаться (в 1913 г.—38%, в 1914 г.—40%, в 1915 году—26%). По размерам продажи в кредит эти общества занимают среди независимых обществ первое место, оставляя позади себя и городские и сельские общества.

Соответственно увеличению продажи в кредит росла задолженность членов обществу. В этом отношении характерно % отношение задолженности членов общества к паевому капиталу.

	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.
Рабочие общ. . .	24	24,9	59,2	66,6
Городские » . .	60,1	59,7	69,0	55,7
Сельские »	31,1	36,6	37,6	30,3
Фабр.-зав. » . .	125,4	134,1	121,5	61,1
Жел.-дор. » . .	76,2	94,6	112,5	112,2

Процентное отношение задолженности членов к паевому капиталу в 1912 г. по сравнению с 1909 г. увеличилось только в железнодорожных и рабочих обществах, во всех прочих обществах оно уменьшилось. В особенности характерно повышение этого отношения в рабочих обществах, в то время как в фабрично-заводских обществах оно уменьшилось. В 1912 г. рабочие общества почти догнали зависимую кооперацию, а продажею в кредит возвратили своим задолжавшим членам товарами $^2/_3$ паевого капитала. Такого рода операции могли лишь подрывать финансовую устойчивость обществ и повышать их задолженность.

Обращаясь к прибыли рабочих обществ, мы можем установить их менее благоприятное положение по сравнению с другими обществами. Движение прибыли в рублях на одного члена и в процентном отношении к паевому капиталу и к оборотам видно из след. таблицы:

	Чистой прибыли на 1 чл. (в рубл.)				% % отн. чист. приб. к паевому капиталу.				% % отн. чист. приб. к оборот.			
	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.
Рабочие общ. . .	2,2	2.7	3,5	3,8	28.4	27,5	37.1	35,1	1,4	2,1	2,2	2,0
Городские » . .	5,2	6,2	7,2	6,9	25,7	26,9	32,9	31,9	2,4	2,6	3,0	2,8
Сельские » . .	6,3	8,6	6,7	6,5	33,8	41,5	33,8	33,2	3,5	4,1	3,7	4,3
Фабр.-зав. » . .	10,6	10,9	13,0	12,3	39,0	41,6	44,1	36,4	3,1	3,3	3,3	3,7
Жел.-дор. » . .	3,7	3,1	6,2	6,4	2 ,7	16,2	33,2	32,2	2,2	1,8	3,1	2,8

На рабочие общества приходится наименьшая прибыль; если она несколько повышается по отношению к паевому капиталу благодаря его незначительности, то определенно понижается по отношению к оборотам. Последнее обстоятельство должно нахо-

диться, конечно, в ближайшей связи с расходами обществ. И действительно, по размеру своих торговых расходов рабочие общества, как это видно из след. таблицы, снова выдвигаются вперед:

	%%% отношение расходов к оборотам.			
	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.
Рабочие общ.	8,4	8,8	8,8	10,4
Городские »	9,0	9,4	9,8	9,9
Сельские » . . .	6,2	6,3	8,1	8,9
Фабр.-зав. » . . .	8,2	10,1	9,8	12,1
Жел.-дор. »	11,5	11,5	11,7	12,8

Расходы рабочих обществ все повышаются, и если до 1912 г. они уступают в этом отношении городским обществам, то в 1912 г. их уже опережают. Как и в других обществах, большая часть расходов поглощалась содержанием администрации (жалованье выборным лицам, служащим, квартирное довольствие и т. л.) и платой за помещение (аренда, страхование и т. п.).

2.

Остановимся теперь на характеристике некоторых отдельных сторон деятельности рабочих обществ. Посмотрим, какой характер носила их торговая деятельность и в какой мере они отвечали кооперативным началам, какова была их культурно-просветительная работа. И здесь проведем, где возможно, сравнение с другими обществами.

По построению своего торгового аппарата рабочие общества ничем не выделялись из общего ряда потребительных обществ. Если мы обратимся к движению числа лавок и служащих, то увидим такую картину:

	На одно общество приходилось лавок.			На одно общество приходилось служащих.		
	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.
Рабочие общ. . .	1,3	1,6	1,9	8	10	8
Городские » . . .	1,3	1,3	1,4	8	8	7
Сельские » . .	1,2	1,2	1,3	3	3	3
Фабр.-зав. » . . .	1,9	2,1	1,9	3,1	20	12
Жел.-дор. » . . .	7,0	8,4	12,2	61	64	82

Многолавочная система, за исключением железнодорожных обществ, была вообще чужда нашим потребительным обществам.

Поэтому, в среднем, за указанные годы на общество приходилось 1,6—1,7 лавки. Число лавок, приходящихся на одно общество, все же возрастало, а для рабочих обществ оно росло даже быстрее, чем для других обществ, кроме железнодорожных. В особенности показателен более быстрый рост лавок рабочих обществ по сравнению с городскими общегражданскими: рабочие общества более смело шли на расширение своего торгового аппарата. По числу служащих лавки рабочих обществ мало отличались от лавок городских обществ.

Собственные производства были вообще мало распространены в нашей потребительской кооперации до-военного времени. До 1912 г., напр., общества, входившие в Московский Союз, имели, кроме пекарен, всего 13 собственных предприятий, при чем в большинстве (7) это были зависимые фабрично-заводские и железнодорожные общества. Из независимых рабочих обществ собственное предприятие имелось всего одно: производство платья в обществе при фабрике Красильщиковой.

Более распространено было собственное хлебопечение. Распространение его среди различных обществ видно из следующей таблицы:

	1911 г. Число обществ.	%	1912 г. Число обществ.	%
Рабочие общ.	4	11	6	22
Городские »	6	5	7	5
Сельские »	5	3	8	4
Фабр.-зав. »	27	28	26	28
Жел.-дор. »	3	20	5	28

Собственные хлебопекарни встречаются среди рабочих обществ чаще, чем среди городских, а в 1912 г.—не реже, чем в фабр.-заводских и железнодорожных. В 1912 г. хлебопечение составляло в рабочих обществах 11,6% общего оборота, уступая лишь городским обществам (15,3%). Очевидно, и здесь, открывая хлебопекарни, рабочие общества шли навстречу нужде членов, испытывавших давление дороговизны, хотя, как мы видели на примере Сыромятнического общества, хлебопечение иногда приводило к большой убыточности.

Для оценки значения торговой деятельности с кооперативной точки зрения представляют интерес еще два вопроса: кого, по

преимуществу, обслуживают кооперативные лавки—своих ли членов или сторонних покупателей, и какое употребление делают кооперативы из тех доходов, которые они получают от торговли.

Что касается первого вопроса, то ответ на него дает следующая таблица, в которой показан процент продажи членам.

	1910 г.	1911 г.	1912 г.
Рабочие общ.	42	55	60
Городские »	53	52	55
Сельские »	55	47	48
Фабр.-зав. »	50	53	45
Жел.-дор. »	81	81	58

Процент продажи членам в рабочих обществах неизменно повышался. В 1910 г. рабочие общества занимали в этом отношении последнее место, в 1911 г. стали выравниваться с другими обществами, в 1912 г. выступили на первое место по продаже членам. Этот показатель, стало быть, благоприятен для рабочих обществ: они обслуживали, главным образом, своих членов, и меньше пользовались наживой по продаже посторонним.

Столь же благоприятен, в общем, для рабочих обществ вывод, который можно сделать относительно использования ими торговых прибылей. Вот, напр., данные за 1912 г. о распределении чистой прибыли по трем крупным, наиболее показательным, рубрикам—на покрытие расходов, раздачу на руки членам и накопление средств общества (в %%):

	Покрытие расходов.	Раздача на руки.	Накопление.
Рабочие общ. . .	15,1	49,0	35,9
Городские » . .	17,7	56,3	26,0
Сельские » . .	9,1	60,2	23,7
Фабр.-зав. » . .	20,6	68,2	11,2
Жел. дор. » . .	32,0	51,1	16,9

Если признать, что наиболее рационально при распределении прибыли поменьше раздавать ее членам на руки и побольше обращать внимания на усиление средств общества, то из всех обществ рабочие наиболее удовлетворяли этому требованию: они меньше всех прочих обществ уделяли из прибыли членам и больше всех отчисляли на «накопление». Этим они выгодно подчеркнули свою пролетарскую природу.

В частности, с выдачами на паи и на забор дело обстояло таким образом:

	Дивиденд на паи и на забор (в руб.)	% дивиденда на забор к обороту.
Рабочие общ. . .	3,1	1,7
Городские » . .	5,0	1,6
Сельские » . .	4,4	2,2
Фабр.-зав. » .	8,2	2,1
Жел.-дор. » . .	2,4	—

Вслед за железнодорожными обществами, занимающими особое место, рабочие общества меньше всего выдавали дивиденда и тем, конечно, еще лишний раз не ослабляли своих финансов.

3.

Уже наперед можно сказать, что по вниманию к культурно-просветительной работе рабочие общества должны были занять видное место в ряду других обществ. Рабочая масса давно постигла, что «знание—сила», проявила сильное стремление к просвещению и не могла, конечно, на ряду со своими просветительными обществами (общества самообразования и т. п.), не использовать в целях просветительной пропаганды также своих кооперативов. Правда, начинания эти весьма скромны, но на общем сером кооперативном фоне они составляли отчетливую светлую точку, больше говорящую, впрочем, о том, что могла бы сделать рабочая кооперация, если бы она работала в надлежащих, свободных условиях.

За отсутствием точных сводных данных, приведем несколько иллюстраций из практики обществ за 1911 и 1912 г.г.

Из всех рабочих обществ производили в 1911 г. расходы на культурно-просветительные цели почти три четверти их (72,9%), в то время как среди прочих обществ таких нашлось в среднем меньше половины. Правда, средний расход на одно рабочее общество невелик и составляет всего 62,8 руб., многим уступая фабрично-заводским (262,3 руб.) и, в особенности, железнодорожным обществам (2.255 р.), но все же этот расход не многим уступает городским обществам (72,5 р.), значительно более богатым.

На первом месте шли рабочие общества по выписке литературы (55,5%), значительно опережая все другие общества (макси-

мальное участие фабрично-заводских обществ—39,8%. Наиболее живо откликнулись рабочие общества также на устройство кооперативных курсов при университете им. Шанявского: отчисления произвели 31% рабочих обществ, в то время как из городских обществ это сделали 6,3%, из сельских—5,5%, из фабрично-заводских—10,7%. Из отдельных проявлений культурно-просветительной работы можно отметить: одно общество имело капитал, предназначенный на устройство библиотеки, два общества оказывали библиотекам денежную помощь, три общества поддерживали школы общего типа, 9 обществ отчисляли на культурно-просветительные цели без дальнейшего конкретного определения, на что именно должны пойти ассигнования.

В 1912 г. рабочие общества продолжали выделяться среди других по своей культурно-просветительной работе. Так, процентное отношение этих расходов к общей сумме расходов и средний расход на одно общество составили:

	Раб. общ.	Гор. общ.	Сельск. общ.	Ф.-зав. общ.	Ж.-дор. общ.
Процентное отнош. . .	0,69	0,31	0,42	0,11	0,1
Средн. расх. (в руб.) . .	63,0	20 3	7,8	123.7	65,0

Как видим, рабочие общества уделяли относительно большие суммы на культурно-просветительные цели, оставляя позади богатые зависимые общества.

Несколько иначе складываются отношения по отчислениям из прибыли в культурно-просветительные фонды:

	% обществ, отчислявших в фонд.		% прибыли.	
Рабочие общ. . .	38,9	22,2	1,96	1,01
Городские » . .	21,7	20,5	1,14	1,02
Сельские » . .	18,4	4,9	1,14	1,61
Фабр.-зав. » . .	27,5	34,4	0,62	1,06
Жел.-дор. » . .	13,3	33,3	0.63	3,86

Первое место рабочих обществ в 1911 г. ими теряется в 1912 г. Впрочем, скорее всего здесь сказалось какое-нибудь случайное обстоятельство. Во всяком случае, расходы рабочих обществ на культурно-просветительную деятельность в общем из года в год

увеличивались, так что этого рода расходы в исчислении на одного члена в копейках составили:

1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.
13,4 к.	24,5 к.	25,8 к.	34.8 к.

В 1914 году по сравнению с 1911 годом эти расходы увеличились в 2½ раза.

Конечно, все эти расходы в своей относительной и, в особенности, абсолютной величине более чем скромны. Но нужно принять во внимание, что в других обществах, несравненно более богатых, дело обстояло еще хуже. Если бы рабочие общества относились к культурно-просветительным задачам столь же ревностно, как другие общества, они по своей материальной силе не отдавали бы этому делу ни полушки. Относительно большие ассигнования показывают, что рабочие общества уделяли культурно-просветительным целям значительно большее внимание. К этому нужно прибавить еще обстоятельство, выходящее за пределы всяких сметных предположений. В своей культурно-просветительной работе рабочие общества наталкивались на большие полицейские преграды, чем другие общества; что дозволялось другим, очень часто им не дозволялось, или, вернее сказать: то, что другим дозволялось не часто, либо редко, им совсем не дозволялось. Это, в особенности, относилось к устройству лекций и к попыткам издавать свои журналы, но и все прочие стороны культурно-просветительной работы встречали непреодолимые полицейские преграды. Не взирая, однако, на все это, фактически культурно-просветительная деятельность рабочих обществ шире того, о чем говорилось в сметах и даже в отчетах. На ряду с легальной просветительной работой часто велась и работа вне рамок официальных разрешений. Бывали и «школы», действовавшие без ведома начальства, и «нелегальные» кружки самообразования при кооперативе, не говоря уже о многочисленных «комиссиях», которые занимались совсем не тем, для чего официально предназначались, ведя иногда политические и иного рода дискуссии. С другой стороны, допускались в практике также ассигнования на другие просветительные учреждения рабочих, проводившиеся в сметах и отчетах в скрытом виде, и, в общем, повышавшие культурно-просветительные расходы обществ по сравнению со сметными выкладками.

Само собою разумеется, что все это складывалось не сразу, как и не всюду. Но так неизменно складывалось по мере того, как укреплялись рабочие кооперативы и крепла их связь с другими формами рабочего движения.

4.

Перед нами прошел ряд цифр, с разных сторон осветивших деятельность независимой рабочей кооперации в до-военное время. К каким же общим выводам мы можем притти?

На общем фоне еще не установившейся потребительской кооперации рабочие независимые общества, бесспорно, выделялись своей неустойчивостью. И не в том было дело, что общества эти охватывали малое число членов, имели недостаточно крупный оборот или давали малую прибыль. Напротив, мы видели, что если отбросить железнодорожные и зависимые фабрично-заводские общества, как находившиеся в исключительном положении, то о рабочих обществах вовсе нельзя сказать, что они по указанным признакам уступали городским общегражданским и сельским обществам. По среднему числу членов, приходящемуся на одно общество, по обороту и прибыли, рабочие общества шли даже впереди городских и сельских обществ. И если, тем не менее, положение их было более устойчивое, чем положение других обществ, если они погибали не только от ударов полицейского строя и должны были бороться за существование во всех сферах своей деятельности, то тому были свои причины.

Главнейшая из этих причин—социально-экономическая особенность той потребительской массы, среди которой приходилось действовать рабочим обществам.

Не взирая на большой размах рабочего движения этого периода по сравнению с прошлым, оно еще далеко не достигло той силы, какая требуется для высвобождения рабочего-потребителя из-под власти капитала и всей системы экономической кабалы. Жизнь в долг, в кредит, зависимость от фабрики, от мелочной лавки, от кулака, ростовщика—все опутывало рабочего, накладывало на него, как на потребителя, тяжелое ярмо. Очень часто еще до начала работы на фабрике он попадал в кабалу, получая аванс, иногда мелкие гроши, услужливо подброшенные ему нанимателем; приступив к работе, он с первых же дней должен был жить в долг, в ожи-

дании ближайшей «получки», которая, однако, не приносила облегчения и не позволяла разделаться с кредитором. Низкая заработная плата, слабость классовых организаций, с помощью которых можно было повысить уровень жизни, отнимали надежду на избавление от кабалы и на возможность свободного распоряжения собой, как потребителем. Отсюда—продажа обществами в кредит со всеми вытекавшими из нее последствиями, эта червоточина, которая разъедала независимую рабочую кооперацию, как и кооперацию зависимую.

Мы имеем данные, кажется, единственной в своем роде анкеты, произведенной в июле 1912 г. среди членов знакомого уже нам Рождественского общества (Тверской губ.) [1]), в состав которого входили, главным образом, ткачи местных фабрик. Средний годовой заработок семьи каждого члена общества составлял 448 рублей, при чем, однако, до 15% семейств имели средний заработок 288 р. Каждым заборщиком было закуплено в обществе в среднем за год на 102 рубля. Иначе говоря, члены общества покрывали покупкой в лавках последнего лишь 22,7% своего бюджета, остальные же 77,3% покрывались помимо кооператива. Почему оказалось такое несоответствие? Виновен ли в нем кооператив или что-нибудь другое? На вопрос анкеты о желательных изменениях в постановке дел общества большинство ответов относится к пожеланиям расширить торговлю открытием мясной и мануфактурной торговли. Но это не значит, что незначительный забор в обществе вызывается необходимостью закупить на стороне мясо и, в особенности, мануфактуру. Затраты на пищу поглощают не меньше половины бюджета рабочего, но никак не те 22,7% его, которые покрывались кооперативом. Между тем, последний торговал именно предметами первой необходимости (мукой, хлебом, бакалеей и т. п.)—стало быть, члены общества не закупали в последнем даже всех предметов первой необходимости и не меньше закупали их где-нибудь на стороне. Мы не далеко отойдем от истины, если предположим, что члены общества были вместе с тем покупателями фабричных лабазов, вернее, продолжали оставаться закабаленными системой фабричного кредита.

Эта необходимость рабочего жить в кредит образовывала как бы стену между рабочей массой и кооперацией. С одной сто-

[1]) См. «Союз Потребителей», 1912 г., № 35—36.

роны, она делала кооператив недоступным для рабочих, наименее оплачиваемых и, стало быть, наиболее вынужденных жить в долг. Так, напр., средняя заработная плата рабочих в районе деятельности московского кооператива «Жизнь» составляла в 1914 г.—12 р., средний же заработок членов этого кооператива равнялся 27 руб., т.-е. из рабочих этого района услугами кооператива могли пользоваться лишь лучше оплачиваемые,—те, которым под силу было хотя бы частью выпутаться из задолженности частным торговцам и перейти на кредит в кооперативной лавке. С другой стороны, продажа в кредит ослабляла финансовую устойчивость рабочих обществ и потому заставляла их прибегать к различным средствам перехода от продажи в кредит к продаже за наличные, чтобы обрести сколько-нибудь прочную материальную базу.

Рабочие общества пытались покончить с продажей в кредит. «Общество потребителей г. Меленок», не выдававшее в течение ряда лет дивиденда, обратило накопившуюся сумму на погашение задолженности членов, чтобы перейти на продажу за наличные. Иваново-Вознесенское общество «Единение—Сила», не допускавшее продажи в кредит, все же проектировало образование особого «фонда кредитования», из которого, между прочим, должны были выдаваться членам общества ссуды для покупки в обществе товаров. Московское общество «Солидарность» взимало с рабочих фабрики Мещерина, закабаленных фабричной лавкой, авансы в рубль и даже в 50 коп. Многие рабочие, таким образом, освободились от фабричной лавки и стали заборщиками «Солидарности», но потом, благодаря неустойчивости своего бюджета, снова попадали в сети фабричной лавки. Рождественское общество, по примеру Меленковского, постановило оставлять дивиденд в обороте общества и рекомендовало членам вносить свои сбережения в особые фонды при обществе, в надежде таким путем положить со временем конец продаже в кредит и т. д. И все же даже общества, входившие в Московский Союз, т.-е. общества более крупные и устойчивые, не были в состоянии избавиться от продажи в кредит.

Отсюда финансовая неустойчивость общества, приводившая к необходимости налегать на ускорение движения оборотных средств. Так, по данным 1912 г. [1]), в городских обществах капи-

[1]) «Союз Потребителей», 1914 г., № 32, ст. К. Назарова.

талы обернулись от 6,5 раз до 12,2 раз, в фабрично-заводских—от 8,2 до 16,6 раз, в железнодорожных—от 8,1 до 14,4 раз, в сельских—от 6,5 до 17,6 раз, и в рабочих—от 7,3 до 17,6 раз, т.-е. в рабочих обществах оборот капитала достигал максимального, по сравнению со средней, напряжения. Бывало, повидимому, и хуже: николаевская «Трудовая Копейка» в 1911 г. сделала 30-кратный оборот капитала. Все это, конечно, свидетельствовало о финансовой слабости обществ, о скромных размерах их капиталов. И действительно, мы видели выше, что на ряду с обществами, обладавшими удовлетворительным паевым капиталом, были в Москве общества, члены которых имели на паях 7—9 коп., и даже общества, имевшие «отрицательный» капитал.

При таких условиях борьба с частной торговлей для рабочих обществ была в особенности тяжела. Частный торговец также открывал рабочему кредит, а мелкие накладные расходы позволяли ему конкурировать с кооперативами. Приведенный выше пример харьковского «Труда», отступившего перед частными булочниками, не был единичным. Часто рядом с лавками рабочих обществ открывались частные торговли, небезуспешно конкурировавшие с кооперативом, который, по недостатку средств и зависимости рабочих от кредиторов и ростовщиков, не мог широко развернуть свою борьбу с частным капиталом. В том же направлении действовали и некоторые другие особенности потребительного рынка, с которым должны были иметь дело рабочие общества. При затратах значительной части своего бюджета на предметы первой необходимости, рабочие на них прежде всего предъявляли спрос. Рабочие общества, желавшие строить свою торговлю по уровню потребностей рабочего, должны были с этим считаться, итти навстречу нужде рабочего, в особенности в годы дороговизны. Отсюда частые попытки устройства собственных хлебопекарен и мясной торговли: дешевый хлеб и дешевое мясо—в этом, прежде всего, рабочий нуждался. Продажа хлеба и мяса не только не могла давать прибыли, но, наоборот, при необходимости выдержать конкуренцию частных торговцев и затратить (напр., на оборудование хлебопекарни) значительный капитал, приводила к убыткам и даже к потрясению всего кооперативного хозяйства. Выдержать тяжелые месяцы можно было бы при наличности капитала и при достаточно развитой кооперативности

членов, готовых всячески поддержать свой кооператив. Но ни того, ни другого не было.

Нужда и бедность русского рабочего накладывала на рабочий кооператив отпечаток нужды и слабости. Правда, вся наша довоенная кооперация по сравнению с Западом напоминала подрастающего младенца. Средний состав русского общества определялся в 145 членов, в то время как германское общество насчитывало в среднем 1.000 членов, английское — 1.800 членов. Средний оборот на одного члена составлял в России 132 р., в Германии—163 руб., в Дании—206 руб., в Англии—263 руб. Чистой прибыли на каждого члена у нас приходилось 6—7 руб., а в Англии—40 руб. и т. д. Общая социально-экономическая приниженность дореволюционной России ставила пределы устойчивости кооперативов и держала их на низком уровне. Поэтому равнение рабочей массы по общему кооперативному уровню в довоенное время может служить малым утешением. Если по количеству членов и общему обороту рабочие общества не уступали прочим обществам—это было утешительно с относительной точки зрения, свидетельствуя лишь о том, что они стояли не ниже вообще низкого уровня русских кооперативов. Но и в этих пределах, при средне-удовлетворительном количестве членов и величине оборота, рабочие общества существовали на зыбкой почве, не имели под собой крепкого грунта, потому что шатко и необеспеченно было материальное существование рабочего, со всех сторон прижатого капиталом.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

РАБОЧАЯ И ОБЩЕГРАЖДАНСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В ДОВОЕННЫЕ ГОДЫ.

1.

По мере того как хотя и медленно, но все же росла рабочая кооперация, должен был совершаться и процесс ее идейно-классового роста. Сама жизнь, даже в тех мелких ее проявлениях, с какими приходилось иметь дело рабочим кооперативам, не могла не внушать им мысли о необходимости классового сплочения, собирания своих сил для совместного разрешения стоявших на очереди задач. На путь такого сплочения и выработки своего понимания задач кооперации толкало и преобладающее значение общегражданской и сельской кооперации, придававших свое содержание всему кооперативному движению. Мелко-буржуазная кооперация, если она не оставалась исключительно торгашеской и направленной к удовлетворению узко-материальных интересов, окружала кооперацию романтически-утопическим ореолом, видела в кооперации осуществление высших начал общественности, ведущих сами по себе к социализму. Рабочая кооперация, связанная с рабочей массой, возникшая, так сказать, бок-о-бок с борьбой, которую рабочему классу приходилось вести со все большим напряжением, такого рода идеологии, конечно, не могла принять. Как ни слабо оно было развито, но рабочее движение в России приняло уже достаточно широкое развитие, чтобы проповедь «чистой» кооперации могла пользоваться в рабочей среде успехом, и чтобы, напротив, все больше нарастало сознание осо-

бых путей рабочей кооперации, определяемых, прежде всего, ее органической связью с рабочим движением вообще. В то время это еще не понималось, разумеется, как необходимость хозяйственного обособления рабочей кооперации. Рабочих обществ было слишком мало и были они слишком слабы для того, чтобы думать о хозяйственно-организованном противопоставлении их общегражданской кооперации. Но и оставаясь в русле общего кооперативного движения, рабочая кооперация тем сильнее должна была чувствовать необходимость идейного самоопределения, закрепления своих позиций, соответствующих строению рабочих кооперативов, как классовых организаций.

Само собой понятно, что процесс этот совершался очень медленно. Рабочее кооперативное движение было молодо, не имело ни традиций, ни выработанных практикой форм организации и методов работы. В противоположность профессиональным организациям, имевшим за собой опыт профессионально-экономической борьбы, рабочая кооперация должна была пользоваться опытом общегражданской кооперации, исправляя его в процессе своей работы. С другой стороны, кооперативное движение охватывало массы, хотя и вовлеченные в общее рабочее движение, но мало активные, ценившие в кооперации, прежде всего, ее непосредственные материальные выгоды и еще далекие от понимания не только ее классовых задач, но и кооперативных принципов. Процесс идейного сплочения мог поэтому совершаться лишь в верхах рабочей кооперативной среды, в ее отборной, более сознательной и активной части, и процесс этот протекал тем быстрее и содержательнее, чем ближе те или иные рабочие кооперативы стояли к профессиональному и рабочему движению. Как ни слаба еще была такая связь в довоенное время, но она была. Мы видели, что некоторые рабочие общества возникали по инициативе профессиональных союзов, другие ими поддерживались. Бывали случаи передачи профессиональными союзами своих средств рабочим кооперативам: иваново-вознесенские союзы передали свои капиталы обществу «Единение—Сила», саратовский союз металлистов, закрытый администрацией, передал капиталы «Горному обществу», в Шуе, Туле, Нижнем-Новгороде, Киеве союзы оказывали денежную помощь кооперации и т. д. Это говорит о том, что в процессе общей борьбы вырабатывались уже некоторые отно-

шения между рабочей кооперацией и профессиональными союзами, как между двумя ветвями общего движения. Эта связь наиболее ярко сказывалась в тех случаях, когда некоторые общества (петербургский «Труженик», киевский «Вперед») ограничивали свой состав исключительно рабочими, как бы подчеркивая этим стремление сохранить свой классовый характер. Были случаи, правда, редкие, и более отчетливой формулировки обществами задач рабочей кооперации. Так, на учредительном собрании смоленского общества «Единение» была принята следующая резолюция: «Придавая кооперации определенное экономическое значение, мы, рабочие города Смоленска, собравшиеся на учредительное собрание кооператива «Единение», рассматриваем его как одну из форм рабочего движения. Собрание выражает желание в соответствии с этим, чтобы организуемое общество «Единение» пошло по пути независимой рабочей кооперации в полном единении с другими формами рабочего движения. Собрание подчеркивает, что, решив строить кооператив «Единение», оно не ждет от него разрешения продовольственного вопроса, который решится общими усилиями рабочих и всей демократии, так как кризис глубоко коренится в условиях русской действительности. В заключение собрание выражает уверенность, что во главе кооператива станут лица, стоящие на страже интересов рабочего класса». Здесь делается попытка ясного определения задач рабочей кооперации, как одной из форм рабочего движения.

Такие формулировки были, впрочем, редки и относились к более позднему времени (смоленская резолюция была принята в 1916 г.). Но условия самодержавно-полицейского порядка неизбежно порождали различные формы соприкосновения рабочей кооперации с профессиональной и политической борьбой рабочих. Нередки бывали случаи, когда рабочие кооперативы служили легальным прикрытием для профессиональных и политических организаций. Под видом комиссий при кооперативах собирались совещания по текущим вопросам рабочего движения, а иногда и постоянно функционировали органы, заменявшие преследуемые администрацией профессиональные союзы. Культурно-просветительная работа кооперативов также часто выходила за рамки «кооперативного просвещения» и служила школой классового воспитания не одних членов потребительного общества.

Так различным путем совершалось идейное сплочение рабочей кооперации и сближение ее с другими формами рабочего движения. Развернулся этот процесс многим позже, а по-началу носил довольно скромный характер, захватывая лишь верхи и, в свою очередь, оказывая мало влияния на кооперативную массу. Рабочее кооперативное движение все еще привлекало мало внимания и сил, предоставлялось собственному течению, само медленно выпрямлялось и становилось на правильный путь. Поэтому и создавалось такое разноречие между жизненностью профессиональных организаций и хилостью рабочей кооперации, когда первые, оправляясь от ударов полицейского самодержавия, продолжали свою борьбу, а последняя тянула тяжелое существование и часто погибала от собственного худосочия.

Тем не менее процесс сплочения рабочей кооперации совершался как сближением с другими формами движения, так и противопоставлением рабочей идеологии, идеологии общегражданской кооперации. Наиболее отчетливо пройденные в этом отношении этапы можно проследить по участию рабочей кооперации в двух всероссийских съездах кооперации—Московском 1908 года и Киевском 1913 года.

2.

Первый Всероссийский Кооперативный Съезд, состоявшийся в Москве в апреле 1908 г., представляет для нас интерес в том отношении, что на этом съезде впервые были провозглашены в России «рочдэльские правила», как основа кооперативной деятельности. Представители рабочих обществ выделились на съезде в особую группу и приняли живое участие в работах комиссий.

При обсуждении на съезде вопроса о продаже в кредит, рабочие делегаты решительно выступали против такой продажи. «Кредит—злейший враг, которого надо истреблять, ибо это зло не дает окрепнуть сознательности рабочих, — говорил представитель петербургского общества «Труженик», которым был—увы—Малиновский, оказавшийся впоследствии провокатором. — Здесь говорили о постепенном уничтожении кредита, я же думаю, что этим путем мы ничего не сделаем. Лучше пресечь кредит сразу и

сказать: нет больше никакого кредита» [1]). Такая категоричность была не совсем правильна, потому что, во избежание финансового потрясения обществ, некоторая постепенность при переходе от кредита на наличный расчет безусловно требовалась. Но перегибание палки в одну сторону Малиновским было небесполезно, так как оппозиция основному рочдэльскому правилу была на съезде очень сильна: принципиально отрицательное отношение к продаже в кредит было принято в комиссии большинством всего шести голосов.

Но тут же возник вопрос, особенно заинтересовавший рабочую группу. Допустимы ли исключения от изгнания продажи в кредит, напр., в случаях безработицы, забастовок и т. п.? В. Н. Зельгейм в своем докладе ответил на этот вопрос отрицательно. Он рекомендовал «при нарушении равновесия в бюджете, вследствие каких-либо внешних причин (болезнь, безработица, несчастье)», образование при обществах особых кредитных фондов путем отчисления в них известной доли прибылей и взноса членами особых вкладов, при чем кредит допускается только за счет и в размерах этого фонда. Такая постановка вопроса вызвала возражения со стороны представителей рабочей кооперации. «Мы против кредита,—заявил Малиновский,—но бывают случаи (локаут, стачки), когда необходимо кредитование. Эти случаи представляют собой бедствия,—бедствия не только для рабочего класса, но и для всего общества. В этих случаях необходимо сотрудничество кооперативов с профессиональными обществами, охватывающими широкие круги кооперации».

Отчет отмечает, что эти слова были покрыты громкими рукоплесканиями. Однако, рабочая группа не пошла так далеко и ограничилась внесением такого рода поправки: «безработным членам обществ впредь до введения особых фондов отпускается товар в кредит исключительно во время их безработицы в размере внесенного пая». Таким образом, помощь безработным в виде продажи в кредит допускалась в размере пая и лишь временно, до образования особых фондов. Поправка эта была принята незначительным большинством голосов (61 против 55), но тут же была опротестована группой членов, доказывавших в по-

[1]) Труды первого съезда, М. 1908 г., стр. 73.

данном заявлении, что принятой поправкой уничтожается значение всего вопроса о кредитовании.

Вопрос был вторично поставлен на обсуждение, при чем вызвал горячие прения. Представитель рабочей группы Покровский доказывал, что кредитование безработных вопрос для рабочих весьма существенный, что к тем, кто возражает против этого, применима пословица «сытый голодного не понимает». Оратор пытался указать на причины безработицы, но был остановлен председателем, как это вообще было принято в те времена многими председателями многих собраний, выполнявшими функции власти предержащей. В. Н. Зельгейм возразил против поправки, напирая на то, что безработные могут вынуть пай полностью и тем лишить кооператив кредитоспособности. Положение спасла крестьянская группа, представитель которой поддержал рабочую группу. «Как можно не дать в кредит безработному?—спрашивал он.—Ведь это то же, что у нас в селах, когда крестьянин приходит в общество и просит хлеба... Если нам говорят, что общество должно распасться, то я вам говорю, что общество упадет и без этой меры, так как безработные возьмут свои паи».

При вторичном голосовании поправка была снова принята и на этот раз значительным большинством против 24-х. Но зато отвергнута была поправка, признававшая нежелательным, чтобы «кооперативные общества, ведущие продажу товара в кредит, во время стачек и локаутов прекращали обычную выдачу кредита». Классовая природа мелко-буржуазной, в особенности, городской кооперации сказалась в этих вопросах вполне наглядно. Двукратное голосование потребовалось для признания права кооперативов оказывать временную помощь безработным, и совсем не согласилась комиссия с безобидным предложением, чтобы общества, допускающие продажу в кредит, не прекращали ее во время стачек и локаутов. В особенности характерно отношение к последнему предложению, когда налицо были факты (Путиловский завод в 1905 г. и др.) использования кооперативов капиталом для борьбы с рабочими.

Выступления рабочей группы, впрочем, не были согласованы, а вносимые ими поправки не всегда существенно отличались от положений докладчиков, а потому были отвергнуты, не оставив

отчетливого следа в работе съезда. Особо следует отметить поправку делегата харьковского «Труда», предлагавшего признать, что «потребительные общества отчисляют часть прибыли на поддержку других организаций рабочего класса». Поправка эта не была допущена председателем к голосованию, как крамольная. Не помогла и попытка одного из ораторов доказать, что профессиональные союзы могут быть членами кооперативов и не являться посторонними организациями. Председатель снял поправку с голосования и прений по этому вопросу не допустил.

В вопросе об органах управления делами обществ рабочая группа отстаивала начала демократичности. Докладчики отвергали как предусматриваемое нормальным уставом собрание уполномоченных, так и образование совета, рекомендуя, чтобы общие собрания выбирали многочисленный руководящий орган, из среды которого выбирался бы подочетный исполнительный орган не более, чем из трех лиц. Рабочая группа соглашалась с ненужностью совета, но возражала против отрицания собрания уполномоченных, выдвигая идею делегатских собраний.

От имени рабочей группы было внесено следующее предложение: «Высшим законодательным органом кооператива является общее собрание. В случае невозможности созвать общее собрание, созывается собрание делегатов, которое избирается на основе пропорциональности и которое в этом случае пользуется правами общего собрания, кроме вопросов, особо указанных в уставе». Предложение это сперва было принято, но затем сорвано городской группой, предложившей передать его в в законодательную комиссию. Таким образом, делегатские собрания были отвергнуты под тем предлогом, что они противоречат нормальному уставу.

Деятельным и влиятельным было участие рабочей группы в комиссии о положении служащих и рабочих в кооперативах. В своих постановлениях комиссия руководилась двумя общими принципами: 1) кооперативы, как организации трудящихся, должны уважать права своих служащих и рабочих, что предполагает уничтожение существующего индивидуального договора найма и замену его договором коллективным, с деятельным участием в его выработке организаций служащих и рабочих; 2) как организации трудящихся, кооперативы не могут эксплоатировать

своих служащих и рабочих, следовательно, условия труда в них должны быть образцовыми и ни в коем случае не должны быть хуже, чем в частных предприятиях. Комиссия высказалась, в частности, за присоединение кооперативных служащих и рабочих к соответствующим профессиональным союзам, отвергнув предложения образования особого союза кооперативных рабочих. Рабочая группа предлагала, чтобы при выработке договор найма сответствовал требованиям профессиональных союзов, но предложение это было отвергнуто на том основании, что немедленное осуществление этих требований «может повредить развитию кооперативного движения».

Как видим, рабочая кооперация внесла свою долю в обсуждение основных вопросов, которыми занят был съезд — вопросов о принципах кооперативной работы и о положении в кооперации наемного труда. Правда, рабочей группе в кооперативных вопросах не всегда удается занять правильную позицию. Но нужно помнить, что и весь съезд не во всем последовательно воспринял рочдэльские принципы, делая уступки отсталым кооперативным формам. Тем простительней это представителям рабочей кооперации, которой вообще-то было без году неделя и которая не имела еще возможности выработать свои приемы кооперативной работы. Но и в ошибках своих рабочая группа выдвигала на первый план общественную, классовую природу рабочей кооперации, противопоставляя свое понимание задач кооперации расплывчатому и «надклассовому» пониманию буржуазной кооперации.

Нельзя в заключение пройти мимо одного обстоятельства, отмечаемого М. Слобожанином в его впечатлениях о съезде. «Представители старых фабричных и заводских потребительных лавок,—пишет он,—не только шли дружно с молодыми рабочими кооперативами, существующими независимо от фабрично-заводских учреждений, но часто сознательно предоставляли деятелям их первенство, выдвигая ораторов преимущественно из молодых. В этом факте сказалось, конечно, не случайное увлечение или мода, а несомненное сознание, что независимые кооперативы, сумевшие без начальнической и хозяйской поддержки привлечь к себе массу членов, очевидно, сознательно относящихся к делу, ближе подошли к интересам рабочей среды и больше соответствуют запросам современной жизни, чем их старшие по воз-

расту, но более зависимые и опекаемые собратья» [1]). Это наблюдение М. Слобожанина очень ценно. Оно указывает, быть может, на самое существенное из того, что дало участие рабочей кооперации в съезде: независимые кооперативы завоевали свое влияние на остальные зависимые общества и тем приобщили их к общему рабочему кооперативному движению. А ведь это, с своей стороны и в наибольшей степени, могло содействовать сплочению рабочей кооперации и пробуждению в кооперативно-рабочей массе сознания задач кооперации, как классовой рабочей организации.

3.

На Втором Всероссийском Кооперативном Съезде, состоявшемся в Киеве в августе 1913 года, идейное сплочение рабочей кооперации сделало дальнейший шаг вперед.

Пять лет, прошедшие со времени первого съезда, заметно отразились и на составе рабочей группы второго съезда и на линии ее поведения. Если в 1908 г. представители рабочей кооперации почти все свое внимание уделяли кооперативным вопросам, то теперь, на ряду с этими вопросами, они самостоятельно выдвигали основную проблему рабочего кооперативного движения — ее задачи в связи с общим рабочим движением.

Новые настроения сказались уже на первом учредительном собрании рабочей группы, когда был поставлен вопрос о ее составе. Одни предлагали, чтобы образована была отдельная социал-демократическая группа, в которую входили бы только делегаты — социал-демократы. Другие предлагали, чтобы образована была рабочая группа в составе всех делегатов рабочей кооперации, независимо от их партийной окраски. Спорящие стороны сошлись на компромиссе. Образована была общая рабочая группа, внутри которой было допущено образование автономных социал-демократической и с.-р. подгрупп.

Группа приняла деятельное участие в работах съезда по разным вопросам кооперативного строительства.

Но наиболее ценны, с точки зрения роста классового самоопределения рабочей кооперации, ее политические выступления на съезде.

---

[1]) Слобожанин, Смотр кооперативным силам, СПБ. 1909 г., стр. 51.

Сильная борьба разгорелась на съезде по вопросам кооперативного строительства между централистами (Московский Союз П. О.) и федералистами (украинцами). Централисты высказывались против образования областных объединений, допуская лишь мелко-районные объединения, примыкающие непосредственно к центральному союзу. Федералисты добивались права образования областных союзов. Рабочая группа выступила по этому вопросу в комиссии с заявлением, в котором высказывалась за объединение кооперативов на основе «демократического централизма с полной свободой самодеятельности на местах». Однако, в то же время группа подчеркнула, что «Московский Союз, объединяющий совершенно различные слои, не может удовлетворять рабочую кооперацию, имеющую свои особые задачи, вытекающие из общих условий существования рабочего класса».

Эта мысль об особых классовых задачах рабочей кооперации с большей полнотой была сформулирована в другом заявлении группы, не допущенном председателем к оглашению на съезде.

Заявление это гласило: «Определяя свое отношение к кооперативному движению в его целом, и, в частности, ко Второму Всероссийскому Съезду по кооперации в 1913 году в Киеве, — делегация потребительных кооперативов рабочих и служащих:

1) отрицает за современной кооперацией значение института нового социального строя, а за элементами, составляющими современное кооперативное движение, — значение единого класса;

2) отрицает возможность гармонии интересов кооперации, собственников-производителей и собственников-потребителей с одной стороны, с потребителями класса наемного труда — с другой;

3) признает, что рабочие кооперативы, как хозяйственные единицы, поскольку им приходится жить и действовать в рамках современного классового общества, не устраняют противоречий между собой, как нанимателями, и своими наемными работниками;

4) делегация не отрицает, однако, того обстоятельства, что независимые кооперативы рабочего состава, организуя потребительское снабжение на началах большей экономии материальных и физических средств работников, ведя широкую классовую просветительную работу, поддерживая пролетарское движение в его

социальных достижениях, являются одной из желательных и безусловно полезных форм современного общепролетарского строительства.

На основании изложенного, считаем необходимым заявить, что:

а) сожительство рабочих кооперативов с кооперативами других классов является лишь временным;

б) задача современного кооперативного строительства рабочих — создание собственных независимых кооперативов и их центров;

в) второй кооперативный съезд не является тем органом, в котором могли бы быть выражены полностью кооперативные задачи рабочего класса, и

г) второй всероссийский съезд, созданный с нарушением принципа демократического представительства и конструктировавшийся в недемократическую форму, нас, представителей рабочих кооперативов, не удовлетворяет, и мы находим, что кооперативные съезды тогда только будут вполне выражать интересы кооперативных масс, когда они будут созываться при наличии широких правовых гарантий» [1]).

В таких, по полицейским условиям, несколько туманных выражениях рабочая группа впервые заявляла о самостоятельных классовых задачах рабочей кооперации.

Рабочая кооперация не приводит непосредственно к социализму и сама по себе не осуществляет нового социального строя, как и не устраняет классовых противоречий капиталистического общества. Но она является одной из форм современного рабочего движения, поддерживая рабочий класс в его социальной борьбе. Поэтому сожительство рабочей кооперации с общегражданской остается лишь временным, и задача рабочего кооперативного движения заключается в создании независимых рабочих обществ и их центров.

Эти основные мысли, тогда, к сожалению, доступные лишь немногочисленной верхушке деятелей рабочей кооперации, определили классовое содержание рабочего кооперативного движения на все последующее время.

---

[1]) См. петербургскую «Северную Правду», 1913 г., № 10 (13 авг.), где декларация эта была опубликована полностью.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

РАБОЧАЯ КООПЕРАЦИЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ.—I.

1.

Мировая война, разразившаяся в июле 1914 г., во многом радикально изменила условия, в каких раньше протекало кооперативное движение. Точно что-то прорвало плотину и открыло простор для широкого развития.

Ничего загадочного в этом прорыве, конечно, не было. Война потрясла все народное хозяйство, вызвала небывалую дороговизну, которая всей тяжестью обрушилась на потребителя. Нужда стала гнать массы в кооперативы, и напор оказался столь сильным, что перед ним подались преграды самодержавного порядка, давно прогнившего и теперь все больше потрясаемого войной.

Уже к концу 1914 года дороговизна давала себя чувствовать полностью. Озимая пшеница в январе 1915 г. ценилась в Киеве в 1 р. 50 коп. пуд против 1 рубля предшествующего года, в Саратове рожь поднялась до 95 к.—1 руб. против довоенных 54—64 к. В Москве к марту 1915 г. против августа 1914 г. цены на продукты питания увеличились от 12 до 60%; в частности, ржаной хлеб повысился в цене на 23%, пшено на 48% гречневая крупа на 44%, соль на 57%, мясо третьего сорта на 46%, картофель на 92% и т. д. В Петербурге картина получилась совершенно такая же: к январю 1915 г. по сравнению с довоенным временем соль поднялась в цене на 57%, гречневая крупа на 51%, масло на 30%, мясо 3-го сорта на 26%, молоко на 25% и т. д.

Само собой разумеется, что это повышение цен не ограничилось концом 1914 г. и началом 1915 г., но продолжалось во все время войны и во все возрастающей степени. К началу 1917 г. по сравнению с концом 1915 г. цены на продукты потребления возросли на 75—80% [1]), при чем, в частности, хлеб ржаной вздорожал на 55%, хлеб из первача на 62%, мясо 2-го сорта на 135%, молоко на 110%, масло на 188%, дрова на 128% и т. д. По сравнению же с довоенным временем цены на предметы продовольствия повысились к началу 1917 года не меньше чем на 100—150%, т.-е. больше чем удвоились.

На повышении цен, помимо разрушающего влияния войны, сказывалась бестолковая, помещичье-своекорыстная продовольственная политика царского правительства. Твердые цены на хлеб устанавливались, в конце концов, местными органами, которые в угоду помещикам назначали высокие цены; губернаторы воспрещали вывоз хлеба из одной губернии в другую, и тем еще больше усиливали продовольственную неразбериху. Деревня заполнялась бумажными деньгами, за которые она ничего не могла купить, и сидела без сахара, мануфактуры, керосина, гвоздей и т. п. При таких условиях введенная в ноябре 1916 г. хлебная разверстка не давала никаких результатов. По предложению министерства земледелия должно было быть разверстано, напр., 506 милл. пуд., но на губернских совещаниях было разверстано по уездам 405 милл. пуд., на уездных совещаниях по волостям—321 милл. пудов, а на сельских сходах разверстка дала до 130 милл. пудов или 29% предположенного общего количества хлеба. То количество хлеба, которое удавалось собрать государству, нельзя было перебросить куда нужно, благодаря все большему развалу железнодорожного транспорта. В феврале 1917 г. армии было доставлено вместо необходимых для удовлетворения ее потребности 38.316 вагонов—20.318 вагонов, т.-е. 53%, а городам вместо 54.390 вагонов—13.927, т.-е. всего 25%.

Уже с первых месяцев войны у магазинов стали образовываться «хвосты», население спешило запастись, чем могло, опасаясь дальнейшего повышения цен; продовольственная паника

---

[1]) См. «Союз Потребителей», 1917 г., № 3—4, данные анкеты Московского Союза П. О.

сменилась новой паникой, а цены поднимались все выше и выше. Чем дальше продолжалась война, тем глубже становился развал народного хозяйства и тем более остро чувствовалась продовольственная нужда. В конце февраля 1917 года в Москве в распоряжении градоначальника, как уполномоченного по продовольствию, оказалось муки всего 90.000 пудов или на полтора дня, мяса на четыре дня (20.000 пуд.), сахару (40.000 п.) на неделю, сена по полпуда на лошадь (20.000 пуд.) и зернового фуража совсем не было [1]). В Петербурге, накануне февральской революции, дело доходило до продовольственных беспорядков: голод выгнал на улицу толпы народа.

Дороговизна особенно тяжело отразилась на существовании рабочего. Все разговоры промышленников и услуживавшей им печати о лучших в годы войны заработках рабочих ни в малейшей степени, конечно, не соответствовали действительности. Наоборот, как и следовало ожидать, война значительно ухудшила положение рабочих и поставила их на краю голодной жизни.

В 1915 г. московское общество им. А. И. Чупрова произвело анкету среди рабочих с целью выяснить, как отразился на их положении первый год войны. Анкета эта, коснувшаяся московских рабочих, показала, что положение их по сравнению с довоенным временем ухудшилось во всех отношениях [2]).

Наибольший интерес представляют для нас, конечно, изменения в заработной плате. И вот оказывается, что у металлистов заработная плата осталась без изменения для половины (50%), увеличилась примерно для $^1/_3$ (31%), а для 19% даже понизилась, в среднем же для всех металлистов плата осталась почти без всякого изменения (до войны 50 р. 39 к. в месяц, в 1915 году — 50 р. 50 к.). Еще хуже оказалось положение текстильных рабочих: для большей части их (54%) плата понизилась, для 38% осталась без изменения, повысилась только для 8%—в среднем же для всех текстильщиков понизилась с 30 рублей 83 коп. до 26 руб. 87 коп. Таким образом, несмотря на усиленную работу

---

[1]) Год работы Московск. Городск. Продовольств. Комитета, М. 1918 г., стр. 21.

[2]) Как живут московские рабочие, «Объединение», 1916 г., № 4, и более подробно в самарском «Голосе Труда», 1916 г., № 1, ст. «Бюджет московских рабочих».

металлообрабатывающих заводов (по изготовлению снарядов и т. п.) заработок металлистов не изменился, в текстильной промышленности кризис привел к работе неполной неделей (при сокращении дней работы или рабочих часов) и к сильному понижению платы рабочих.

В общем заработок металлистов колебался между 37 и 51 руб. в месяц, а текстильных рабочих—между 25 и 33 р. в месяц. Если взять заработок всей семьи, то окажется, что семья металлиста зарабатывала в 1915 г. — 65 руб. 50 коп. в месяц против 63 руб. 37 коп. довоенных, семья же текстильщика—47 руб. 03 коп. против 42 руб. 82 коп. Увеличение заработка семьи объясняется исключительно тем, что война погнала на фабричную работу женщин и подростков, заставив работать всю семью, чтобы как-нибудь повысить общий заработок. Но достигнутое такой работой увеличение заработка всей семьи не поспевало за дороговизной.

Московская анкета выяснила, как отразилось это несоответствие между заработком и стоимостью жизни на бюджете рабочих. Сопоставляя довоенный и военный бюджет московского рабочего, получим следующее изменение в расходах рабочего:

Расходы.	Металлисты.		Текст. рабоч.	
	До войны.	1915 г.	До войны.	1915 г.
На квартиру . .	19,5%	20%	9,6%	13,5%
» пищу	51%	54%	57,2%	92%
» алкоголь . .	4,6%	0,5%	4,6%	0,5%
» газеты. . . .	1,4%	1,2%	0,6%	1,7%
» культ. потр. .	2,0%	1,4%	1,1%	1,1%
» деревню . . .	3,7%	3,3%	5,4%	6,2%
» разн. сбор. . .	0,5%	1,3%	0,5%	0,9%

До войны расходы на квартиру и пищу поглощали у металлиста 70,5% всех расходов, в год войны эти расходы уже поглощали 74%. Еще больше изменилось это соотношение в бюджете текстильного рабочего: до войны он тратил на квартиру и пищу 66,8%, в год войны—105,5%, т.-е. больше того, что давал ему весь заработок. Возрастание расходов на удовлетворение этих первых потребностей покрывалось сокращением расходов на алкоголь (в виду также воспрещения продажи спиртных напитков) и на удовлетворение культурных нужд (последнее, в особенности, заметно у металлистов, как более квалифицированных ра-

бочих, и менее заметно у текстильщиков, и до войны мало тративших на культурно-просветительные цели).

Дороговизна должна была не только привести к напряжению бюджета рабочего в целях преодоления продовольственных затруднений, но и ухудшить питание рабочего. Московская анкета наметила в этом отношении уже в 1915 году те изменения к худшему, которые с особенной остротой сказались в будущем. Так, из каждой сотни опрошенных семей имели мясо:

	Металлисты.		Текстильщики.	
	До войны.	В 1915 г.	До войны.	В 1915 г.
Каждый день	84,4	67,4	59	51,4
5—4 раза в неделю . .	11,4	20,6	27	22,9
3-2-1 » » . .	2,8	8,5	13	15,7
Случайно	1,4	3,5	1	—

И у металлистов, и у текстильщиков сократилось число семей, употреблявших мясо каждый день, и, напротив, увеличилось число тех, кто ест мясо всего несколько раз в неделю или даже случайно. Ухудшилось питание рабочих и в других отношениях. Так, по анкете, на каждого члена семьи приходилось:

	Металлисты.		Текстильщики.	
	До войны.	В 1915 г.	До войны.	В 1915 г.
Черн. хлеба	0,98 ф.	1 ф.	1,33 ф.	1,35 ф.
Бел. » на	4,5 к.	4,7 к.	4,4 к.	4,5 к.
Мяса в нед.	2,5 ф.	2,1 ф.	2,4 ф.	2,01 ф.
Сахару »	0,69 ф.	0,63 ф.	0,62 ф.	0,55 ф.

Потребление мяса заметно сократилось уже в первый год войны как у металлистов (на 15,5%), так и у текстильщиков (на 17%). Сократилось и потребление сахару—у металлистов на 8%, у текстильщиков на 11%. Зато увеличилось потребление черного хлеба, а затраты на белый хлеб хотя и несколько возросли, но потребление его уменьшилось, так как цены на белый хлеб поднялись. Ухудшение питания рабочего выразилось в увеличении потребления хлеба, который на ряду с картофелем должен был дать рабочему всю необходимую ему жизненную энергию.

В итоге дороговизна приводила к тому, что рабочие с трудом платали свой бюджет, чтобы при голодном существовании свести концы с концами. Среди металлистов 46% семей выравнивали бюджет тем, что просто сокращали свои потребности, 12% тра-

тили свои сбережения, 13% закладывали вещи, 18% залезали в долги и т. д. Уровень жизни и благосостояния рабочих понизился во всех направлениях: дороговизна давила его со всех сторон и сводила на-нет усиленную работу каждого члена семьи, способного к работе.

Москва не составляла, разумеется, исключения. По вычислениям С. Н. Прокоповича, заработная плата рабочих Московской губернии увеличилась в 1915 году по сравнению с 1914 годом на 19%, в то время как цены на предметы продовольствия возросли на 53,3%. «Война,—пишет Прокопович,—принесла промышленникам великолепные, небывалые прибыли; рабочим же она дала недоедание и заставила их потуже стягивать свой пояс» [1]). Чтобы не приводить здесь новых цифр, удовольствуемся следующим бытовым свидетельством, принадлежащим петербургскому рабочему кооперативу «Прогресс» и относящимся к концу 1916 г.: «Поскольку нам приходится наблюдать наших членов, среди коих мы распределяем продукты первой необходимости, положение рабочих стало значительно хуже в смысле питания, а следовательно, здоровья и трудоспособности. Все продукты уже стали настолько дороги, что рабочие семьи экономят и выгадывают на каждой мелочи, стараясь свести концы с концами. Те продукты, которые отличаются высокими ценами, плохо продаются, хотя они и составляют единственные питательные средства, оставшиеся на рынке. Мяса на рынке так мало, что оно редко попадает на стол рабочих; свинина, сыр, яйца, рыба, масло стоят таких денег, что не могут служить средством питания. Мука сейчас исчезла с рынка и нами не продается, хотя мы делали все возможное для обеспечения ею наших членов, сознавая, что мука — последний рессурс в питании трудящихся масс».

Итак: мука, как последний рессурс питания, к тому же с трудом попадающий в рабочие кооперативы, дороговизна, во много раз опережающая заработную плату,—вот условия, под давлением которых жил рабочий каждый день в долгие годы войны....

---

[1]) С. Н. Прокопович, Война и народное хозяйство, М. 1916 г., стр. 148.

2.

Жизнь—лучший учитель, и ничто не могло так наглядно пропагандировать идею кооперации, как нужда, порожденная войной. Десятки лет кооператоры на всякие лады восхваляли кооперацию, рисовали заманчивую картину будущего, звали к единению потребителей — и добились сравнительно мизерных результатов. Года войны было достаточно, чтобы положение радикально изменилось. Не только никого не приходилось звать в кооперативы, но сами кооператоры с удивлением и некоторой тревогой стояли перед фактом небывалого, массового кооперативного строительства.

Истерзанный дороговизной потребитель метался из стороны в сторону, ища спасенья от недостатка продуктов и спекулянтских цен. Он часами простаивал в «хвостах» у частных лавок, перехватывал за чертой города крестьян, подвозивших продукты, поддавался всяческим паническим слухам в ожидании то сахарного, то дровяного, то какого-либо иного голода. И когда кооперативные лавки предоставляли ему некоторые льготы отпуском, напр., сахара или какого-либо другого продукта, он валом валил в кооперативы, внося паи или принимаясь за организацию новых кооперативов и крупных, и мелких, вплоть до домовых. При общем развале и продовольственной беспомощности царского правительства, потребитель в кооперации стал видеть единственное спасение.

Конечно, это было преувеличением значения кооперации, которая ничего не могла сделать для преодоления продовольственной разрухи, в особенности в условиях самодержавно-полицейского порядка. Но потребитель, далекий от постановки каких-либо широких социально-политических задач, довольствовался малым, и часто фунта сахара, полученного им из кооператива, было достаточно, чтобы оправдать в его глазах надежды на кооперацию.

Кооперативное движение разливалось по стране какой-то лавиной. Если раньше дело подвигалось черепашьим шагом, то теперь оно буйно рвалось все дальше и шире. Только первые месяцы войны проходят в тревожных опасениях, что кооперация не выдержит тяжести войны и разделит общую участь народно-

хозяйственного разложения. «Начало европейской войны,—читаем, например, в отчете Московского Союза П. О. за 1914 г.,— потрясшее до основания экономическую жизнь страны, нелегко было пережито и Союзом, так как нужно было быстро приспособляться к изменившимся условиям работы, а впереди рисовались неясные перспективы весьма усложненной деятельности на разорванных друг от друга рынках и при новых условиях работы, главным образом, за наличный расчет» [1]). Но опасения эти не оправдались. Если в первые месяцы войны и погибли некоторые кооперативы, то большинство их выдержало шквал, а в 1915 году кооперативное движение приобретает небывалый размах.

К концу 1914 года по всей России насчитывалось около 11.000 потребительских обществ, к половине 1915 года их было уже около 13½ тысяч, т.-е. за полгода число их увеличилось на 2½ тысячи, а к концу 1916 года кооперативов было не менее 20 тысяч—за два года войны число их почти удвоилось. Перед войной число членов, объединенных кооперативами, едва достигало 1½ миллиона человек—к 1-му января 1917 г. их насчитывалось около 6—7 миллионов, т.-е. в 4—5 раз больше. Оборот потребительской кооперации для 1916 года определялся приблизительно в 1½ миллиарда рублей.

Для дальнейшей иллюстрации этого роста кооперации обратимся, как и раньше, к Московскому Союзу П. О., сопоставив главнейшие показатели его деятельности за годы войны:

Годы.	Обороты (в руб.)	Число союзн. общ.	Число чл. союзн. общ.	Союзн. паевой капитал.
1913	7.843.777	1007	284.530	235.418
1914	10.263.547	1241	426.968	319.479
1915	22.832.612	1694	474.062	586.241
1916	86.631.616	3012	732.502	1.634.054

Таблица эта говорит о поразительном росте за годы войны центра российской кооперации. Оборот второго года войны (1915 г.) увеличился вдвое по сравнению с предыдущим годом, а в 1916 г. увеличился по сравнению с 1914 г. больше чем в 8 раз. Если убедительность этих цифр может быть несколько ослаблена

[1]) Отчет за 1914 г., М. 1915 г., стр. 56.

соображением, что в десятках миллионов рублей оборота сказалось падение ценности рубля и в действительности оборот возрастал не так стремительно, то данные о числе союзных обществ и членов их таких сомнений не возбуждают. Но число союзных обществ возросло за годы войны в три раза и почти во столько же раз увеличилось число входящих в них членов.

Рост кооперации выражался, однако, не только в увеличении числа обществ и их оборотов. В годы войны российская кооперация подошла вплотную к новым организационным формам, придавшим ей новую силу и устойчивость.

До войны союзное объединение было развито слабо и можно было насчитать всего несколько прочных кооперативных союзов. Дороговизна и бестоварье в годы войны заставили кооперативы стремиться к объединению в союзы, чтобы таким путем лучше разрешать стоявшие перед ними задачи. Уже в 1915 году чуть ли не в каждом районе, где было достаточное число кооперативов, созывались совещания по вопросам союзного объединения и во многих местах такие местные союзы возникали на договорных началах в виду запрещения кооперативам устраивать уставные союзы.

1916 г. оказался рекордным по числу возникших объединений, дав свыше 170 новых местных союзов, общее же число действовавших к концу 1916 г. союзов достигло свыше 230. За годы войны возникли такие крупные союзы, как Сибирский по закупке и сбыту (Томск), Закавказский (Тифлис), Петроградский, Смоленский, Приамурский (Владивосток) и др. Многие из союзов представляли собой крупные и сильные кооперативные объединения.

Столь быстрый рост союзных объединений поставил на очередь вопрос о создании оформленного центра потребительской кооперации. В июне 1915 г. состоялось в Москве совещание представителей объединений по вопросу о взаимоотношениях между Московским Союзом П. О. и местными объединениями. Совещание единогласно признало всероссийское значение Московского Союза и высказалось за преобразование его в «Центральный Союз оптовых операций», при чем для реорганизации Союза была избрана особая комиссия. Мысль эта, однако, осуществилась лишь в год революции—1917 г., когда Московский Союз

превратился в Центросоюз. Одновременно сделана была попытка организовать явочным порядком временный центр в виде Центрального Кооперативного Комитета, образованного по постановлению совещания кооперативных организаций на съезде союза городов в июле 1915 г. Однако, в ноябре того же года Комитет был закрыт, а члены его привлечены к ответственности за участие в «недозволенном сообществе». За кратковременное свое существование Комитет успел широко развернуть свою деятельность, объединив до 100 местных комитетов.

Новым отмечено строительство кооперативов и в другом отношении. До войны кооперативы были небольшими организациями, насчитывавшими 300—400 членов. Война породила крупные кооперативы, положившие начало многолавочной их системе, которая раньше нашему кооперативному движению была почти совсем неизвестна. Наиболее ярким образцом этого нового вида кооператива было московское общество «Кооперация», основанное в 1915 г. К концу 1916 г. «Кооперация» имела 17 лавок и насчитывала свыше 50 тысяч членов, вербовавшихся из различных общественных элементов: в составе кооператива преобладали служащие частных и общественных учреждений (37—38%) и лица свободных профессий (24—29%), но входили в него также рабочие (15—23%), и даже частные торговцы (7—8%). В основу организации кооператива были положены 20 районов города, в которых имелись свои районные собрания членов и уполномоченных, районные комиссии и лавочные подкомиссии.

По примеру московской «Кооперации» возникли крупные многолавочные кооперативы и в некоторых других городах (самарская «Самопомощь», насчитывавшая свыше 10 тысяч членов, екатеринодарская «Основа», киевское «Общее Дело» и др.). Лихорадочное строение крупных городских кооперативов больше всего свидетельствовало о силе удара, нанесенного городскому потребителю дороговизной и бестоварьем, когда, в погоне за продуктами, смешивалась в одну кучу вся «общегражданская» масса—рабочие с торговцами, лица свободных профессий с городским мещанством.

Наконец, под влиянием войны изменилось и содержание работы кооперации, методы обслуживания ею потребителя. Если раньше кооперативы обзаводились только лавками и, в редких

случаях, хлебопекарнями, то теперь отсутствие товаров и зависимость от спекулянтского рынка привели их к необходимости поставить производство в собственных предприятиях. До войны Московский Союз П. О. из предприятий имел только химико-развесочную фабрику. В 1916 году им было поставлено производство в собственной спичечной фабрике, мыловаренном заводе и приобретена мельница в Ендакове. Первая смета Союза на организацию собственного производства (1913 г.) сводилась к скромной сумме в 1.350 руб., в 1916 г. обороты собственных предприятий Союза превысили 4½ милл. руб. при 90 тыс. руб. чистой прибыли. На собственные производства стали переходить и местные союзы.

Как видим, количественный и качественный рост кооперации за годы войны несомненен, и притом в размахе раньше невиданном. Конечно, не все в этом бурном развитии было здорово, нормально и благоприятно для дальнейших судеб кооперации. Можно сказать даже больше: много было нездорового и порожденного особыми условиями военного времени. Само положение народного хозяйства создавало для кооперации исключительно-своеобразную обстановку. При общем народно-хозяйственном развале борьба с дороговизной могла бы быть поведена только мерами широкого государственного регулирования, введением в границы свободной игры сил на рынке, борьбой со спекуляцией, нормированием и национализацией производства и т. п. Но царское правительство, обслуживавшее интересы кучки капиталистов и дворян-помещиков, меньше всего способно было на такие меры. Оно оставляло в неприкосновенности всю систему «свободных» экономических отношений даже в том случае, когда пыталось что-то регулировать (твердые цены, разверстка и т. п.). При таких условиях борьба с дороговизной сводилась к распределению или, вернее, к растаскиванию той продовольственной наличности, которую давали мать сыра-земля и еще продолжавшая работать промышленность. Сокращалась площадь посевов, уменьшался сбор хлебов, понижалось производство сахара, меньше на рынке становилось металлов, кожи, мыла и т. п.— и при отсутствии всякого воздействия на производство в целях его регулирования, миллионы рук тянулись к наличным продуктам, удовлетворяя свои потребности в стихийном процессе «рас-

пределения». Слабо развитая общественность не проявляла ровно никакой инициативы. Если либеральная буржуазия с трудом поднималась до требования ответственного перед дворянско-помещичьей Государственной Думой министерства, оставляя господами положения Николая с Распутиным и кучкой дворян, то общественные «низы» поглощены были проблемой «распределения». Городские думы, продовольственные и санитарные попечительства, возникшие во многих городах, всю свою продовольственную политику строили на этом «распределении», закупая в скромных количествах хлеб, дрова и т. п. и быстро распределяя все между потребителями.

На такой путь толкалась и кооперация, захватываемая общим течением. Потребительская масса завладела кооперативной формой, чтобы поставить ее на службу запросам данного дня. Поэтому кооперативы в подавляющем большинство своем были продовольственными, но не кооперативными организациями, выполняя роль, главным образом, продовольственно-распределительных органов. Продукты, покупаемые ими или получаемые от городских и правительственных продовольственных органов, они распродавали своим членам, которые этой операцией ограничивали всю связь свою с кооперативом. Бывало и проще: когда остро ощущалась нужда в сахаре, возникали «сахарные» кооперативы; когда не было муки, организовывались «мучные» кооперативы—организовывались так же быстро, как и распадались, как только миновала в них надобность. Было не мало таких однодневок-бабочек, или, вернее, кооперативной саранчи, поедавшей здоровые начала массового кооперативного движения.

Эта общественная обстановка приводила и к другим особенностям кооперации военного времени. Бестоварье и высокие цены заранее обеспечивали успех всякой торговли. Товар, в особенности продукты продовольствия, не залеживался, обеспечивая и многократный оборот капитала и высокую прибыль, которая была тем выше, чем беспредельнее становился разгул частной спекуляции. При таких условиях обеспечен был успех и кооперативной торговле. Скромный паевой капитал был достаточен, чтобы начать «дело», так как он быстро оборачивался и приносил хорошую прибыль. Для постановки кооперативной торговли не требовалось ни выучки, ни предварительной подготовки, ни

близкого организационного касательства членов к делам кооператива. Все шло превосходно по рельсам коммерции без кооперативного руководства, с вылущенной сущностью кооперации.

С другой стороны, стремление к распределению—растаскиванию продовольственной наличности с помощью кооперации—вызвало к жизни с новой силой извращение форм кооперативов. Характерен в этом отношении значительный рост в годы войны кооперативных замкнутых обществ. Как грибы после дождя, возникали кооперативы служащих одного исключительно банка, учебного заведения, страхового общества, извозопромышленников, трактировладельцев и т. д., и т. д. В Москве, напр., за три года (1914—1916) число таких замкнутых обществ увеличилось в два с половиной раза (с 14 до 33), в то время как число открытых кооперативов возросло в полтора раза (с 9 до 13). В центре кооперативного движения сильное преобладание получили замкнутые общества, которые были, конечно, не кооперативами, а лавками, обслуживающими ограниченный круг потребителей.

Все это, конечно, мало говорило о процветании кооперации. Снова «мертвый хватал живого»—рост кооперации, находивший благоприятную обстановку в условиях дороговизны, задерживался и извращался неблагоприятными вообще условиями военного времени. Массовое «продовольственное» движение взяло верх над кооперативным движением. Если и в условиях более развитой общественности кооперации не дано разрешить продовольственной проблемы, то наша кооперация за годы войны претерпела отрицательное влияние последней в большей мере, чем положительное [1]). Но, не взирая на это, время войны составило исторический по значению своему этап в развитии российского кооперативного движения. Саранче не удалось окончательно заглушить

---

[1]) О германской, напр., рабочей кооперации в годы войны см. А. Фишгендлер, Вопросы социализма и кооперации в германской революции, изд. Центросоюза, М. 1921 г. «Германские рабочие, — пишет, между прочим, А. Фишгендлер,—могут радоваться тому, что им удалось сквозь величайший кризис провести в целости организацию, созданную усилиями и трудовыми грошами двух рабочих поколений. И, не повторяя ошибок пройденных годов, их кооперативная организация идет навстречу новой борьбе, с накопленным богатым опытом и конкретными идеями о путях к новому обществу» (стр. 101).

здоровые зерна, стихийности—подавить более совершенные организационные формы. Все же вырос центр в лице Московского Союза П.О., окрепли местные союзы, устойчивость приобрели многие сотни кооперативов, умножилась материальная сила кооперации организацией собственного производства и оптовыми торговыми операциями, накопился во много раз кооперативный опыт и в организационном строительстве, и в торговой деятельности. Массовое кооперативное движение, при всей его стихийности, беспорядочности и малой кооперативности, все же не осталось безрезультатным: на ряду с «сахарными» членами, чуждыми кооперации, отстоялась масса потребителей, для которых кооперация—не продовольственная только лавка, где легче добыть фунт сахара, но одна из постоянных форм организации, служащая целям борьбы за существование, за лучшее будущее. В этом последнем смысле годы войны имели исключительное значение для рабочей кооперации, которая, переболев общей болезнью, укрепила свои здоровые корни и за несколько лет перешла из младенчества в состояние возмужалости.

3.

Отмеченные выше условия, окружавшие потребительскую кооперацию в годы войны, оказали, разумеется, свое влияние и на развитие рабочей кооперации. Дороговизна, которая особенно остро чувствовалась рабочей массой, вызвала в последней большую тягу к кооперации. Вынужденный урезывать свои потребности в самом необходимом, рабочий спешил записаться в кооператив, так как ни с какой другой стороны он не мог ожидать помощи и облегчения в своей нужде. Стихийное кооперативное строительство со всеми его положительными и отрицательными чертами стало уделом также рабочей кооперации. В общей кооперативной сутолоке рабочие вступали в общегражданские кооперативы (московская «Кооперация», самарская и бакинская «Самопомощь» и др.), как и в рабочие кооперативы вступала городская потребительская беднота. С другой стороны, общая более высокая ступень кооперативного строительства поднимала до себя и рабочую кооперацию: начинается союзное объединение рабочей кооперации и кладется начало рабочей многолавке.

Но на ряду с этим общим для всей кооперации уделом были и некоторые особенные черты развития рабочей кооперации в годы войны.

Мы знаем, что в обстановку войны рабочие кооперативы вступили далеко неокрепшими, слабыми, и поэтому им в особенности трудно было выжить тяжелое время. Всеобщая мобилизация, всей своей тяжестью павшая на рабочих и крестьян, на первых порах обескровила рабочие кооперативы. Мобилизация временно сократила число членов и отразилась на оборотных средствах некоторых обществ, так как уходившие на войну часто брали свои паи. Особенно осложнилась деятельность тех кооперативов, которые допускали продажу в кредит, а таких было большинство: долги мобилизованных членов просто приходилось списывать со счетов и спешно переходить на продажу за наличные, чтобы еще больше не расшатать финансы общества. Многие рабочие кооперативы, в особенности в районах текстильной промышленности, должны были считаться с безработицей, явившейся спутником войны и сильно ослабившей покупную способность членов. Трудно было также справиться рабочим обществам, при скудном оборотном капитале, со сразу поднявшимися ценами, тем более, что продажные цены, устанавливаемые администрацией, они не могли обходить, как сплошь и рядом это делали частные торговцы.

Все эти неблагоприятно складывавшиеся обстоятельства удавалось все же преодолеть, главным образом, благодаря тому, что вскоре начался широкий приток новых членов и чрезвычайно оживилась кооперативная торговля. Но оставалось еще другое препятствие росту рабочей кооперации, какого также не знала общегражданская кооперация: капитал вовсе не склонен был выпустить из своих рук рабочего-потребителя, и в годы войны повел особенно настойчивое наступление против рабочей кооперации.

Понятно, почему предприниматели заняли такую позицию. Потребительская беспомощность рабочего всегда была им на руку, потому что давала им возможность прикрепить рабочую силу покрепче к предприятию. В годы войны такое прикрепление в особенности улыбалось капиталу, потому что промышленность ощущала недостаток в рабочей силе и дорожить нужно

было каждым умелым работником. Если раньше капиталу верно служили в этом отношении фабричные лавки и зависимые кооперативы, то почему не воспользоваться ими еще раз, чтобы обеспечить капитал покорной рабочей силой и тем увеличить военную прибыль? Кроме того, объединенный капитал вел борьбу с профессиональными союзами и с прочими рабочими организациями, а в оживившемся рабочем кооперативном движении он справедливо увидел угрозу своему спокойствию и потому поспешил принять меры, чтобы не дать рабочему классу возможности укрепить свои классовые организации.

Упорнее всего повели борьбу предприниматели Москвы и Петербурга, этих центров объединенного капитала. Петербургское общество фабрикантов и заводчиков, как и Московское, организовало свой продовольственный комитет, который оказывал содействие предприятиям, входящим в состав комитета. Борьба с рабочей кооперацией была поведена прежде всего тем, что комитет получал продукты от правительственных продовольственных органов, а рабочие кооперативы должны были обращаться, если желали получить продукты, к комитету общества фабрикантов. При такой совместной работе правительства и фабрикантов, в выгоде оказывались последние. Общество фабрикантов продавало рабочим кооперативам продукты по повышенной цене, и таким образом не только совершало прибыльную операцию, но и создавало преимущество для фабричных лавок и зависимых кооперативов, которые получали продукты по цене более низкой, чем независимые рабочие кооперативы. На ряду с этим продовольственный комитет всячески препятствовал рабочим обществам в получении денежного и товарного кредита и благодаря влиянию своему на правительство добивался желательной цели. Не довольствуясь этим, общество фабрикантов в тех районах, где действовали рабочие кооперативы, открывало новые потребительские общества, которые, пользуясь покровительством и содействием капитала, должны были бороться с независимой рабочей кооперацией.

Совершенно такой же практики держалось и Московское общество фабрикантов. Озабоченное ростом рабочей кооперации в Москве, оно задумало открыть свои потребительские лавки чуть ли не при каждом заводе, при чем сулило рабочим всякие

блага в виде субсидий, бесплатных помещений и т. п. и предлагало создаваемым зависимым обществам продавать товары ниже себестоимости с возмещением убытков за счет общества фабрикантов. Агитация эта не всегда оставалась безуспешной, и находились темные рабочие, которые шли на удочку и попадали в беспросветную зависимость от капитала.

Взяв на себя почин в борьбе с рабочей кооперацией, предприниматели добились, однако, того, что развитие рабочей кооперации было непосредственно введено в русло классовой борьбы. Рабочему кооперативному движению приходилось иметь против себя не только торговый капитал, обычно стригущий потребителей, но и промышленную буржуазию, открывшую наступление против рабочего класса. Вовлекаемые в кооперативное движение дороговизной, рабочие сталкивались с капиталистами, как с классом, враждебным им даже там, где дело идет о куске дешевого хлеба, и даже тогда, когда от рабочих требовались «жертвы во имя войны». При таком положении борьба рабочей кооперации за существование осложнялась, поскольку ей нужно было выдержать натиск предпринимателей, но и выигрывала в смысле обогащения классовым содержанием. Мы увидим, что для более успешного продвижения вперед рабочая кооперация перешла к формам союзного объединения. Уже на одном из первых собраний уполномоченных «Петроградского Союза Потребительных обществ» была единогласно принята резолюция, заявляющая, что «продовольственные операции с обществом фабрикантов и заводчиков противоречат интересам рабочей кооперации и наносят вред рабочему классу», почему «является недопустимым получение потребительскими обществами, входящими в Союз, каких-либо продуктов через общество фабрикантов и заводчиков». Но еще до такого организованного выступления рабочих кооперативов против замыслов предпринимателей, последние встречали порою энергичное сопротивление со стороны рабочих. Так, в ноябре 1915 г. общество фабрикантов приступило к организации кооперативов в Петербурге на Петербургской стороне и с этой целью созвало учредительное собрание, которому предшествовали собрания на отдельных заводах. На учредительное собрание явилось свыше 1.000 рабочих, председательское место занял директор завода «Старый

Лесснер» в надежде, что идея предпринимателей получит счастливое завершение. Но вышло иначе. Собрание избрало своего председателя, взяло дело организации кооператива в свои руки и в заключение приняло резолюцию, в которой между прочим указывалось, что «придавая кооперации определенное экономическое значение, пролетариат решает использовать ее как одну из форм рабочего движения», в соответствии с чем организуемое общество должно пойти по пути независимой рабочей кооперации.

Попытка предпринимателей встретила сопротивление и в других случаях, но рабочей кооперации пришлось потратить не мало сил для того, чтобы выдержать натиск капитала. Если ей это в конце концов удалось, то как потому, что в сторону борьбы с дороговизной и освобождения от опеки капитала было направлено внимание самой рабочей массы, так и потому, что в рабочую кооперацию притекли новые силы.

Война застала рабочее движение на грани сильного напряжения. Мы видели, что по размаху стачечного движения 1914 год приближался к 1905—1906 г.г., обещая дальнейшее напряжение борьбы, принимавшей все больше характер борьбы революционной. Война сразу положила этому движению конец: мобилизация обескровила рабочую массу, расстройство промышленности, вызванное войной, породило безработицу и нужду, полицейские репрессии посыпались с новой силой: профессиональные союзы закрывались один за другим, как и другие рабочие организации, места ссылки и тюрьмы заполнялись рабочими. Движение было дезорганизовано, но, разумеется, не уничтожено, а только загнано на время вглубь. Активные рабочие элементы, отдававшие раньше силы профессиональному движению, теперь устремились в другие рабочие организации, и рабочая кооперация получила новые кадры руководителей. С другой стороны, рабочая масса, в силу создавшегося экономического положения, не могла примириться с существующими условиями и сама искала выхода. Она реагировала прежде всего на самое больное для нее место—на дороговизну, которая, возрастая со дня на день, приводила к последней черте нужды и сулила голод. В различных местах это участие массы в борьбе с дороговизной принимало различные формы. В одном случае это были местные продовольственные

комитеты, в другом—санитарные попечительства, в третьем—совещания при городских учреждениях, чаще всего—заводские собрания для обсуждения продовольственного вопроса. Дороговизна слишком близко касалась каждого, чтобы в стороне могли быть отсталые слои рабочих,—и характерным для этого движения было вовлечение в него той массы, которая политической активности пока не проявляла.

В столицах движение принимало по преимуществу форму заводских собраний, чаще всего кончавшихся решением образовать кооператив или примкнуть к какому-нибудь действующему кооперативу. Местами инициативу организации движения взяла на себя рабочая кооперация, ставившая на очередь вопрос о самочинном образовании рабочих продовольственных организаций. Одно из таких совещаний представителей рабочих кооперативов Петербурга, состоявшееся в конце 1916 года, признав, что разрешение продовольственного кризиса «тесно связано с решительной реформой всего современного уклада»—так местная пресса излагала политическую часть резолюции—рекомендовало немедленное образование продовольственных районных комитетов, составленных из представителей рабочих кооперативов, больничных касс и других рабочих организаций, с тем, чтобы такие комитеты были впоследствии заменены другими, избранными на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. Следующее за этим совещание рабочих кооперативов отвергло предложенную городом продовольственную организацию и признало допустимым участие рабочих кооперативов в продовольственных комиссиях только при наличности широкого представительства на основах всеобщего голосования. В Баку, воспользовавшись прорывом полицейского фронта, рабочие выбрали районные продовольственные комитеты, которые, впрочем, немедленно же были закрыты администрацией. В Киеве представители профессиональных союзов и других рабочих организаций, сосредоточившись в одной из продовольственных комиссий при городской управе, двинули вперед организацию продовольственных районных комитетов и рабочего кооператива и т. д., и т. д. При этом повсюду, по крайней мере, в организационных верхах, движение было не исключительно «продовольственным», но и политическим, опиравшимся на все креп-

нувшую волю масс к свержению режима, который вызвал войну и все связанные с нею бедствия.

Конечно, дело пошло бы иначе, если бы война летом 1914 г. не прервала нараставшей борьбы рабочего класса. Но теперь условия сложились так, что рабочая масса, сдавленная со всех сторон и тяжестью войны, и самодержавно-дворянским порядком, пошла по линии наименьшего сопротивления. А это привело к тому, что рабочее кооперативное движение не только стало массовым, но и впервые в широких размерах сблизилось с рабочим движением вообще. Если раньше дело рабочей кооперации было делом немногих отдельных групп рабочих, то теперь оно становилось делом рабочей массы, ее классовым делом.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

РАБОЧАЯ КООПЕРАЦИЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ.—II.

1.

В годы войны рабочее кооперативное движение, на ряду с общим ростом потребительской кооперации, сразу шагнуло вперед по всем направлениям.

Мы видели, что накануне войны число рабочих обществ едва перевалило за сто, а число членов, ими объединявшихся, достигало приблизительно 50 тысяч. В 1916 году в одних петербургских обществах насчитывалось свыше 50.000 членов, а в Московский Союз входило 49 обществ с числом членов приблизительно 100 тысяч. За отсутствием данных нет возможности точно определить, сколько всего было к началу 1917 г. рабочих обществ и сколько в них было членов. Принимая во внимание, однако, некоторые косвенные указания, в частности то, что в Петербурге и Москве к этому времени насчитывалось не меньше 50 рабочих обществ с числом членов, немного превышавшим 100 тысяч, можно принять, что всего по России рабочих обществ было около 300 с числом членов до полумиллиона. Иначе говоря, за годы войны число рабочих обществ увеличилось приблизительно в три раза, а число членов их—в 10 раз.

Более быстрое нарастание числа членов указывает на то, что рабочие общества росли не только количественно, но и качественно, принимая более крупные размеры по числу членов. И действительно, если в 1912 году, по данным Московского Союза, приходилось на одно рабочее общество в среднем 430 чле-

нов, то в 1916 г. на одно общество приходилось уже 1.762 члена, т.-е. среднее число членов на одно общество увеличилось в четыре раза. Из других групп столь быстро нарастало число членов лишь в городских обществах:

	Число членов на одно общество.		% прироста.
	1912 г.	1916 г.	
Рабочие общ . .	430	1.762	309,8
Городские » . .	285	1.429	401,4
Сельские » . .	137	294	114,5
Фабр.-зав. » . .	626	816	30,3
Жел.-дор. » . .	3.836	4.522	17,8

Число членов наиболее выросло в свободных обществах (городских, рабочих и сельских), в зависимых же нарастало медленно. Это и понятно, так как зависимые общества—замкнутые, и состав их предопределен размерами предприятия. Среди свободных обществ наиболее повышали число членов городские общества, за ними следуют рабочие. В итоге, если в 1912 г. рабочие общества по среднему числу членов на общество занимали третье место, то в 1916 году они перешли на второе место, значительно обогнав зависимые фабр.-заводские общества.

Столь же благоприятно шло развитие рабочих обществ и в отношении роста их оборота. При сравнении первого и второго года войны получается такая картина:

	Средн. оборот на 1 общ. (в рублях).		Во сколько раз оборот увелич.
	1915 г.	1916 г.	
Рабочие общ. . .	11.997	481.762	4,3
Городские » . .	105.780	467.104	4,4
Сельские » . .	35.372	66.334	1,8
Фабр.-зав. » . .	399.255	511.909	1,3
Жел.-дор. » . .	1.584.684	2.641.979	1,6

За годы войны оборот рабочих обществ возрастал с такой же быстротой, как и оборот городских обществ. В 1915 году средний оборот рабочего общества в три раза меньше оборота зависимого фабрично-заводского общества, в 1916 г. обороты их почти выравниваются. И в этом отношении независимая ра-

бочая кооперация, выбившись из младенчества, может уже выдержать соревнование с богатыми, субсидируемыми зависимыми обществами.

К сожалению, по отсутствию соответствующих полных данных, мы не можем дать дальнейшего сопоставления положения рабочей кооперации с другими группами обществ, как это сделано выше для довоенного времени. Более близкое представление о состоянии рабочих обществ мы получим, если ознакомимся с положением их в отдельных местах.

В Петербурге на 1 января 1914 года, как уже знаем, было 9 независимых рабочих обществ, все вместе насчитывавших 2.077 членов. К концу 1915 г. в Петербурге было уже 15 обществ, а к концу 1916 года число их достигло 30, т.-е. по сравнению с довоенным временем увеличилось в четыре раза. Общее число членов к концу 1916 г. превышало 50 тысяч.

Росли старые общества, возникали и укреплялись новые. Знакомый уже нам «Кузнец», насчитывавший в 1915 году всего 130 членов, в начале 1917 года насчитывал их 2.300. Возникшее в марте 1915 года общество «Торгово-Промышленный Служащий», начало свою деятельность при 400 членах, а в начале марта 1916 года имело уже 4.300 членов. «Выборгское Общество потребителей», основанное тоже в 1915 году, вошло в 1917 год с 10.000 членов; «Объединение» собрало до 3 тысяч членов и т. д. Из новых особого внимания заслуживают два: «Торгово-Промышленный Служащий» и «Выборгское». Первое было шире своего названия и охватывало всех вообще рабочих, стремясь стать многолавочным центральным кооперативом. Впоследствии оно было переименовано во «Вперед» и стало многолавочным обществом, объединив до 15 тысяч членов. «Выборгское Общество», как уже было упомянуто, возникло по инициативе общества фабрикантов и заводчиков, которые пытались взять в свои руки дело продовольствия рабочих, поведя в то же время борьбу с рабочей кооперацией. Усилиями рабочих инициатива была вырвана из рук предпринимателей, и общество сразу стало рабочим. Начав свою деятельность в декабре 1915 г. с 1.000 членов и с распределения нескольких пудов муки и сахару, общество за первый год своего существования выросло в сильную организацию и к январю 1917 г. насчитывало уже 10 тысяч членов. После

долгой и упорной борьбы общество отвоевало у общества фабрикантов и заводчиков право на получение и распределение продуктов среди рабочих Выборгской стороны и охватило весь район сетью своих отделений.

Общий оборот всех девяти петербургских обществ за 1913 г. составил 692 тысячи рублей. Между тем в 1916 г. оборот одного общества «Кузнец» превысил 500 тыс. руб., «Единение» за 10 месяцев сделало оборот в 156 тыс. руб., общество «Торгово-Промышленный Служащий» за первые четыре месяца 1916 г. сделало оборот 175 тыс. руб., оборот «Выборгского Общества» перевалил за несколько сот тысяч рублей и т. д.

В 1914 году большинство обществ имело всего по одной лавке и вело торговлю в скромных размерах. В 1916 г. «Кузнец» имел три лавки, общество «Единение» и «Торгово-Промышленный Служащий» по три лавки, «Выборгское Общество»—девять лавок и т. д.

Все это, несомненно, говорит о росте рабочих кооперативов. Однако, было бы поспешно заключить отсюда о процветании петербургской рабочей кооперации. До процветания было еще очень далеко. Большую сумму оборотов нужно в значительной мере отнести за счет падения ценности рубля и бестоварья, когда продукты быстро расхватывались и быстрота оборота капиталов требовалась общим положением торговли. Так, капитал «Торгово-Промышленного Служащего» (около 25.000 руб.), при обороте общества в 175 тыс. руб., за четыре месяца 1916 г. обернулся свыше 8 раз, т.-е. за год должен быть обернуться 24 раза против максимально-нормального 15-кратного оборота. А это свидетельствовало вместе с тем о несоответствии капиталов общества размаху торговых оборотов. В финансовом отношении общества становились, конечно, более устойчивыми, чем раньше, но не могли считать себя застрахованными от всяких случайностей. Такая непрочность финансового положения усугублялась тем, что в большей мере, чем до войны, общества должны были торговать предметами первой необходимости, дававшими относительно меньшую прибыль.

Массовый наплыв новых членов не мог содействовать повышению уровня кооперативности рабочих обществ. Правда, рабочие кооперативы оставались более верными рочдэльским прин-

ципам и все больше ими проникались, но в массе настроения были еще далеки от сознания правильных кооперативных начал. Старый «Кузнец», напр., служивший раньше образцом, постановил выдать громадную часть прибыли на заборный рубль только членам, по 40% на рубль. В этом сказывалось, понятно, давление массы новых членов, смотревших на кооператив как на прибыльное дело. Кооперативный журнал «Труд» жалуется в конце 1916 года на низкий уровень сознательности рабочей кооперативной массы. «Положение теперь резко изменилось,—пишет журнал,—раньше кроме доброкачественной телесной пищи искали в кооперативах пищу духовную, поступали в организацию, как в школу рабочей общественности, держащую путь к светлому маяку на далеком горизонте; теперь же громадное большинство ищет только пищи телесной. Соответственно с этим повеяло в кооперативах и некоторой другой, антиобщественной атмосферой. Раньше в правлении, в конторе, в лавке рабочего кооператива звучало задушевное слово «товарищ», теперь же вместо него очень часто слышится грубая площадная ругань. И вполне понятно: масса, лишенная самых элементарных навыков общественной жизни, очутившись в обществе впервые, не могла сразу стать общественной, тем более, что пошла она туда не за общественностью, а за мясом, мукой и сахаром». Журнал ссылается при этом, в доказательство того, что «продовольственный кризис, а не стремление к общественности» гонит массу в кооперацию, на состав общества «Объединение», которое к 1 апреля 1916 г. насчитывало 5.898 членов, но из них всего 20,7% состояли раньше членами рабочих организаций (5,9%—членами кооперативов, 13,2%—членами профессиональных союзов и 1,6%—членами рабочих культурно-просветительных обществ) [1].

Эти замечания рабочего журнала показательны, однако, лишь в том отношении, что подтверждают достаточно низкий еще уровень кооперативности петербургских обществ. Но общая оценка «Труда» грешит некоторым преувеличением. Неверно, что «раньше» в кооперативах искали «пищу духовную, посту-

[1]) «Труд», № 5, октябрь—ноябрь 1916 г., ст. «Кооперативы и продовольственный кризис».

пали в эту организацию, как в школу рабочей общественности, держащую путь к светлому маяку на далеком горизонте». Такая характеристика довоенной петербургской рабочей кооперации противоречит действительности уже по одному тому, что, как мы видели, свыше половины членов не внесли полностью даже паевых взносов, а громадное большинство членов очень мало интересовались делами кооператива. До войны тоже шли в кооператив не за общественностью, а за мясом, мукой и сахаром. Если в годы войны это положение радикально не изменилось к лучшему, то все же оно несомненно улучшилось, и об этом говорят данные о составе общества «Объединение». 20,7%, т.-е. $^1/_5$ членов, раньше принимавших участие в рабочих организациях—это совсем не так мало. До войны петербургская рабочая кооперация *таких* членов почти не знала и вербовала их почти исключительно из рабочей среды, стоявшей в стороне от рабочих организаций. Для военного времени именно характерен этот качественный рост рабочей кооперации привлечением к ней сил из других рабочих организаций, в особенности из профессиональных союзов. Если «Объединение» на 5.900 членов насчитывало 1.200 членов, раньше работавших в других организациях, в том числе около 800 членов профессиональных союзов, то это был, несомненно, значительный шаг вперед. Общий уровень кооперативности определялся, конечно, не меньшинством, а большинством, а потому он и был еще низок. Но только при воздействии меньшинства на большинство могло быть двинуто вперед дело кооперативного и классового воспитания массы.

Положение московских кооперативов немногим отличалось от петербургских. До войны в Москве существовало 9 независимых обществ, к концу 1916 г. их насчитывалось 11, т.-е. увеличилось меньше, чем в Петербурге. Но увеличение числа членов отдельных обществ происходило столь же быстро, как и в Петербурге. Число членов общества «Солидарность» за три года возросло с 800 до 5 т., Преображенского—с 800 до 3 т., Николо-Покровского—с 180 до 3 т., возникшиее в 1916 г. общество «Труд» к концу года насчитывало 2 т. членов, Симоновское общество к концу 1916 г. имело около 2 тыс. членов и т. д.

Первые месяцы войны общества пережили не без осложнений, при чем тяжело сказалась выдача из складов Московского Союза только за наличный расчет, вследствие чего обществам приходилось закупать товар у частных фирм на невыгодных условиях. Осложнилось положение также тем, что при продаже в кредит многие общества должны были списать со счетов долги мобилизованных членов. Но скоро дела поправились,—вместе с наплывом новых членов начали расти обороты. До войны оборот всех обществ достигал 600 т. в год. В 1915 г. одно общество «Солидарность» сделало оборот свыше 255 т. р., лавочная выручка Хамовнического общества в июле 1916 г. достигала 80—100 р., в сентябре поднялась до 250—300 р., оборот Симоновского общества достиг 177 тыс. руб. и т. д.

Однако, и здесь до процветания было еще далеко. Одно из более устойчивых обществ, «Солидарность», при обороте почти в 300 тыс. р. имело всего 4½ т. паевого капитала. При таких условиях обществу приходилось жить в кредит и одних процентов платить 600 р. в год. Правлению приходилось изворачиваться, отыскивать новые источники средств, перебиваться изо дня в день, чтобы как-нибудь удовлетворить запросы покупателей. Хамовническое общество, по недостатку оборотных средств, ощущало острый недостаток в продуктах, а хлеб получало от одного поставщика всего в количестве одного пуда в день, тогда как оно могло сбыть 30 — 40 пудов в день. Симоновское общество также испытывало недостаток в товарах и должно было отказаться от устройства хлебопекарни, так как не располагало нужными средствами. Старейшее рабочее общество—рабочих фабрики Михайлова—при переходе от продажи в кредит на продажу за наличные избежало кризиса только потому, что сделало заем и получило от Московского Союза помощь товарами. Все эти факты свидетельствуют не только о финансовой слабости обществ, но и о малой их кооперативности, так как при тысячах членов общества могли бы при инициативе и поддержке членов улучшить свои финансы.

В провинции, как и до войны, дела шли во многих отношениях лучше, чем в столицах. Во многих местах возникли новые сильные общества, значительно окрепли старые.

Иваново-Вознесенское общество «Единение—Сила» увеличило число членов с 940 в 1914 г. приблизительно до 5.000 в 1916 г., сделало в 1915—1916 г. 653 т. р. оборота, имело 6 лавок, приобрело новую недвижимость и т. д.

Тверское Рождественское общество к началу 1916 г. насчитывало 2.500 членов, оборот за 1915 г. сделало 394.000 р. при чистой прибыли в 13.000 р. Общество имело 5 лавок и хлебопекарню, которая за 1915 г. сделала около 100 тыс. р. оборота.

Николаевское общество «Трудовая Копейка» имело в 1915 г. 711 членов, в 1916 г.—2.893 члена. Обороты общества достигли в 1915 г.—247 тыс. руб., в 1916 г.—468 тыс. руб.

Из вновь возникших рабочих обществ особенного внимания заслуживает харьковское «Объединение» и киевское общество «Жизнь», как вылившиеся в крупные многолавочные кооперативы.

Устав «Объединения» был утвержден еще в апреле 1914 г., когда предлагалось открыть новое общество вместо «Труда», но начало свою деятельность общество лишь с ноября 1915 г. 25 марта 1915 г. состоялось учредительное собрание «Объединения», на котором присутствовало 28 человек—представителей профессиональных союзов, больничных касс и других рабочих организаций, представители районов и кооператоры. Собрание признало, что кооперативное строительство среди рабочих должно итти не по типу мелких обществ, а по типу общегородского кооператива. Осенью и летом 1915 г. деятелями всех форм рабочего движения Харькова была проведена большая агитационная работа по привлечению в кооператив рабочих. В первой половине апреля 1915 г. было устроено на окраинах 10 собраний, по заводам и фабрикам распространялись листки и воззвания. В девяти районах, в результате собраний, были избраны районные бюро, взявшие на себе дальнейшую агитацию. Общее руководство организацией общества принадлежало исполнительной комиссии, которая опиралась на организационную группу, состоявшую из представителей районов.

Хорошо начатое дело увенчалось успехом. К 1 ноября 1915 г. в составе общества было 986 членов, из которых ¾ вступило в общество в октябре. На общем собрании 13 декабря было из-

брано правление, заменившее Исполнительную Комиссию, вместо которой избран был Наблюдательный Комитет.

На 1 января 1916 г. в обществе числилось 1.710 членов, на 1 октября того же года—10.737, из которых 9.000 жило в рабочих кварталах. В 1917 год «Объединение» вступило с числом членов в 12.379.

Общество начало работать при трех лавках, но в 1916 г. было открыто еще 11 лавок, так что к концу года общество имело 14 лавок. Кроме того, в июне 1916 г. был открыт склад-распределитель для снабжения лавок товарами.

Оборот общества уже за первый год превысил все ожидания руководителей кооператива. Сметные предположения исходили из оборота в 180.000 р., в действительности же оборот за 1916 г. составил 789.000 р., при чем одни торговые расходы достигли 84.000 р.

Не так благоприятно обстояло дело с финансами общества. По уставу пай был определен в 5 р., которые можно было вносить в рассрочку, начиная от 50 коп. Однако, к сентябрю 1916 г. из 10.774 членов пай полностью внесли только 6.179 членов, остальные 43% членов пая либо совсем не внесли (таких оказалось 90%), либо внесли его только частью. Несмотря на меры, принятые правлением, недоимки за членами превышали к январю 1917 г. 16.000 р. В результате капитал общества (паевой и вступной взносы) составил на 1 января 1917 г. 77.356 р. При таких средствах развернуться было трудно, и «Объединению» пришлось прибегнуть к кредиту, который был ему открыт Поюр'ом, Харьковским Союзом Учреждений Мелкого Кредита и Уездной Земской Кассой Мелкого Кредита на сумму 160.000 руб.

Скромна была культурно-просветительная деятельность общества, но это объяснялось больше «независящими» полицейскими сбстоятельствами. Общество устраивало лекции, доклады, организовывало кооперативно-счетоводные курсы для служащих, оркестр балалаечников, хор и т. п. безобидные вещи. Взаимоотношения со служащими регулировались особой инструкцией, но наблюдательный комитет высказался за заключение коллективного договора.

Прошлое киевского общества «Жизнь» во многом совпадает с пережитым харьковским «Объединением». Общество возникло

в 1914 г. на развалинах закрытого кооператива «Вперед», но развивалось туго. Осенью 1915 г. началось и в Киеве «продовольственное» оживление. Организовано было несколько совещаний представителей рабочих организаций, при чем «легальным прикрытием» послужила комиссия при городской управе. Здесь и возникла мысль о создании крупного рабочего кооператива. В основу новой организации было положено общество «Жизнь», за расширение которого велась агитация в рабочих кварталах на собраниях открытых и заводских.

Слово пропаганды падало на хорошую почву. В октябре 1915 г. общество насчитывало 970 членов, имело три лавки, из которых две были расположены в рабочих кварталах (на Шулявке, в районе завода Гретера, и на Звериице). К концу 1916 г. «Жизнь» уже насчитывала 10.281 члена, при чем за летние месяцы в общество вступило 4.000 членов, а за осенние—свыше 3.000.

В Киеве, как и в Харькове, имелось в виду создать крупный многолавочный кооператив, который бы сделал излишним существование мелких обществ. «Жизнь» твердо шла по этому пути, перейдя к системе открытия отделений в различных районах города. В мае 1916 г. были открыты отделения на Подоле и Соломенке (район железнодорожных мастерских), в июне—в Святошине (район завода Фильверт и Дедина), в августе—на Забайковье, Новом Строении и в районе Бибиковского бульвара, в декабре—на Демиевке и Житнем базаре. Таким образом, в течение года во всех рабочих районах были открыты лавки общества. Следует отметить, что эти работы по созданию крупного общества не отклонились в сторону и тогда, когда в Киеве начал организовываться крупный общегражданский кооператив по типу московской «Кооперации». Когда такой кооператив возник, «Жизнь» осталась рядом с ним, как самостоятельная рабочая организация.

С ростом членов общества увеличивались и его обороты. К январю 1916 года при двух отделениях оборот составлял всего 3.893 р., в декабре при 13 отделениях—105.160 р., всего же за 1916 г. оборот достиг 660.404 р. Средний оборот на одного члена составил в 1915 г.—5р. 25 к. в 1916 г. он поднялся до 64 р. 24 к.

Паевые взносы также поступали более или менее нормально. В 1916 г. паевой капитал (при 3-рублевом взносе) равнялся 32.307 руб., т.-е. в среднем на одного члена приходилось 3 р. 14 к. Конечно, капитала этого было недостаточно для широких операций, и общество не избежало финансовых затруднений.

Вообще же об этом периоде «Жизни» правление имело право писать: «это был первый для киевской области опыт многолавочного свободного кооператива, давший наглядный пример того, как совместными усилиями с наименьшей затратой сил и средств можно добиться лучших результатов». Мы бы добавили только, что применительно к рабочей кооперации это был, на ряду с харьковским «Объединением», один из немногих опытов организации многолавочного кооператива, и при том опыт удачный, завершившийся созданием крепкого и крупного рабочего общества.

Конечно, таких кооперативов, оставивших далеко позади себя даже московские и петербургские общества, было немного. Но рабочие центры быстро покрывались крупными кооперативами. Общества с одной, двумя, тремя тысячами членов перестали быть, как раньше, редкостью. Относительной редкостью стали и случаи естественной смерти рабочих обществ: «бойкая» торговля военного времени заглаживала недочеты организации и финансовые прорехи. Добавим в отдельности, что за время войны начала расти рабочая кооперация и в Донецком Бассейне. Так, по обследованию, произведенному Поюр'ом в 1918 г., больше половины обществ (58%) Бассейна возникли во время войны и обязаны своим возникновением обострению продовольственного вопроса на рудниках.

2.

Наиболее характерным и показательным для роста рабочей кооперации в годы войны нужно, однако, считать не только численное их увеличение и даже не количество членов их и суммы оборотов, но и проявленное ими стремление к сплочению, к союзному объединению. До войны рабочие общества не имели своих союзов. Некоторая часть их входила в Московский Союз П. О.; впоследствии, когда стали образовываться общегражданские местные союзы, рабочие общества входили также в их состав.

В Москве некоторый зародыш объединения представлял собой т. н. Коллектив обществ Первого Района, в составе которого преобладали рабочие общества. И только в годы войны было положено начало союзному объединению рабочей кооперации, хотя мысль о нем, как мы сейчас увидим, бродила и до войны.

Начало объединению положила провинция. Это был Союз кооперативов Кинешемского района, образовавшийся в августе 1914 г. в Кинешме, центре текстильной промышленности Костромского района. Кинешемский Союз не был чистым союзом рабочих обществ, так как в него входили также сельские общества, но преобладали в нем и наложили отпечаток на его деятельность рабочие общества, фабрично-заводские и независимые. Одним из учредителей Союза было Иваново-Вознесенское общество «Единение—Сила».

Союз объединял в начале 20 обществ, а в 1916 г. в его состав входило свыше 150 обществ. Скромный амбар на задворках, в котором помещался первый склад Союза, превратился в ряд складов с центральным отделением. Первоначальный месячный оборот с 20 т. р. поднялся в 1916 г. до 300—350 т. р. Союз арендовал несколько мельниц и приобрел собственную мельницу стоимостью в 600—700 т. р.

Развив столь широкую торговую деятельность, Союз—и в этом сказывалось влияние рабочих обществ—не отклонялся от кооперативных принципов. Так, одно из собраний уполномоченных Союза постановило прибыль от операций с обществами, не состоящими членами Союза, отчислять на кооперативные цели. По вопросу о положении служащих собрание приняло следующее постановление: «Товарищество кооперативов, как организация кооперативно-демократическая, должно уважать права своих рабочих и служащих. Товарищество не должно эксплоатировать своих служащих и рабочих, следовательно, условия труда в кооперативе должны быть образцовыми и ни в коем случае не хуже, чем в частных предприятиях». Как видим, Союз полностью принял постановления первого кооперативного съезда, проводя в жизнь и в дальнейшем сделанные последним постановления о положении служащих.

Труднее с объединением дело обстояло в Москве и Петербурге. Во-первых, здесь вопрос шел об образовании самостоятельного

объединения рабочей кооперации без примеси других обществ, как в Кинемше, а такое объединение затруднялось тем, что рабочие общества представляли собой слабую хозяйственную силу. Во-вторых, вопрос осложнялся спорами о том, по какому пути должно пойти кооперативное строительство—нужно ли вместо отдельных обществ образовать одно центральное многолавочное общество или предпочтительнее все существующие общества объединить в одном союзе, сохранив их самостоятельность. Спор между сторонниками первого течения (централистами) и второго (федералистами) не был принципиальным и не шел по линии каких-либо политических разногласий: среди сторонников того и другого течения были представители различных политических воззрений, как расходились по этому вопросу и кооператоры чистой воды. Разногласия сводились, в конце концов, к оценке фактического положения рабочей кооперации и практической целесообразности того или иного пути. Но споры стоили не мало энергии и затормозили дело создания как центрального кооператива, так и союзного объединения.

В Москве, как мы уже отметили, функции Союза выполнял до войны т. н. Коллектив Первого Района. Это было неоформленное объединение, преследовавшее, главным образом, цели организационного и культурно-просветительного характера. Только со времени войны коллектив начал выполнять некоторые хозяйственные функции по закупке мяса и сахара. Однако, потребность в более прочном и оформленном объединении чувствовалась еще до войны и была предметом обсуждения коллектива. При этом сразу наметилось два течения. Представители одного предлагали слить все рабочие общества Москвы в единое целое, с централизованным правлением во главе, и с превращением отдельных обществ в отделения единого кооператива. Представители этого течения доказывали, что объединенные общества представляют серьезную экономическую силу, которая может предъявлять свои требования рынку, а централизованное объединение представляет несомненные выгоды (уменьшение торговых расходов, постановка собственного производства, лучшее использование сил и т. д.). Сторонники другого течения оспаривали целесообразность слияния обществ и настаивали на союзном их объединении, с сохранением самостоятельности отдельных

обществ, указывая на относительную слабость существующих обществ.

Война положила сперва конец этим планам, но затем поставила вопрос об объединении с новой силой. Совещание обществ первого района в апреле 1915 года констатировало, что объединенные закупки развиваются слабо, и что не чувствуется того единения обществ с коллективом и между собой, которое должно было нести с собой и объединение в той форме, в какой оно было до сих пор. Было признано необходимым двинуть вперед дело с преобразованием коллектива в оформленную организацию. К концу 1915 года был выработан договор по образованию союзного общества, с начала 1916 года общества стали принимать его на своих собраниях, а в сентябре 1916 года состоялось учредительное собрание Союза. Так возникло «Московское Союзное Товарищество П. О.» Оно было основано на договоре, засвидетельствованном у нотариуса, так как уставные союзные общества правительством запрещались. Отсутствовало в нем также название «рабочий». Только со времени революции он стал называться «Союзом Рабочих Кооперативов Москвы и окрестностей».

На учредительном собрании Товарищества присутствовали представители 17 обществ, подписавших договор, и представители пяти обществ с совещательным голосом. Пай был определен в 75 руб., а ответственность каждого общества—только в троекратном размере одного пая, в противоположность Кинешемскому Союзу, который возлагал на общества полную ответственность и тем обеспечил прочность его операций. В виду такой постановки дела Московскому Товариществу сразу пришлось поставить вопрос об изыскании оборотных средств, а для этого учредительное собрание, выразив пожелание о внесении обществами по несколько паев, постановило просить общества перечислить на счет Товарищества все имеющиеся у них задатки и прочие капиталы, находящиеся в Московском Союзе П. О. и приобрести в Народном Банке 10 акций, чтобы иметь возможно больший кредит. По смете оборот на год исчислялся в миллион рублей, а валовой доход—в 30.000 руб. По вопросу о взаимоотношениях Товарищества и отдельных обществ было постановлено, что все общества должны производить закупки только через Товарищество, прекратив непосредственные закупки в Московском Союзе П. О.; товары, за-

купленные обществами на стороне по дешевой цене, должны были передаваться Товариществу для распределения их между союзными обществами.

К концу 1916 г. в составе Московского Товарищества было 23 общества, закупало же в нем 41 общество, объединявшие до 60 тыс. членов. Оборот его за сентябрь—декабрь 1916 г. составил 511.000 руб.

В своей торговой деятельности Московское Товарищество испытывало все влияние разлагавшейся правительственной продовольственной организации, бойкотировавшей рабочую кооперацию, и должно было вести упорную борьбу с обществом фабрикантов и заводчиков, которая была вместе с тем борьбой против наступления капитала на рабочую кооперацию.

В Петербурге вопрос об объединении рабочей кооперации остро стал в связи с походом общества фабрикантов и заводчиков против независимых рабочих обществ. Попыткам предпринимателей организовать продовольствие рабочих нужно было противопоставить организованную самодеятельность самих рабочих, более широкую работу кооперативов по ослаблению продовольственной нужды. И здесь столкнулись два течения—централистическое и союзное. Почти год ушел на выяснение и доказательства правильности того или другого принципа кооперативного строительства. Положение осложнилось еще тем, что обе стороны готовы были сделать практические шаги к осуществлению своих положений: «федералисты» поддерживали образование союза, «централисты» предполагали в основу центрального кооператива положить общество «Торгово-Промышленный Служащий» («Вперед»), к которому стали примыкать другие общества.

Образование Союза задерживалось также полицейскими препятствиями, пока инициаторы не воспользовались утвержденным уставом «Петроградского Союза Потребительных Обществ», составленным в свое время для другой организации—«Общества оптовых закупок». В апреле 1916 г. состоялось учредительное собрание Союза, который, подобно Московскому, сперва не назывался «рабочим» и только со времени революции был переименован в «Петроградский Союз Рабочих Потребительных Обществ» («Петросоюз»).

С возникновением Союза спор между «централистами» и «федералистами», впрочем, не прекратился. На ряду с предположенным превращением в центральный кооператив общества «Торгово-Промышленный Служащий», стало организовываться новое многолавочное общество «Новый Путь», и это дало свежую пищу для разногласий. Нужно, однако, заметить, что постепенно острые углы сглаживались, и, по крайней мере, журнал «Труд» занял позицию примирительную. И. Волков доказывал в «Труде», что «централисты, войдя в Союз, могут проводить там свои идеи полностью и, несомненно, проведут, так как в Союзе их сторонниками будут и те, кого они называют «федералистами», объединение тогда может совершиться куда скорее» [1]). Когда встал вопрос об отношении к обществу «Новый Путь», «Труд» рекомендовал путь соглашения, доказывая, что основная цель—объединение всех обществ в большой кооператив—может быть достигнута одновременно осуществлением и «централистического» и «федеративного» методов. Основным требованием «Труд» считал объединение однородных в социальном отношении обществ, так что в том случае, если «Новый Путь» примет характер всесословного общества на манер московской «Кооперации», все рабочие общества должны объединиться между собой и вокруг Союза [2]). Такую же позицию заняло наиболее крупное «Выборгское Общество», признавшее целесообразным как слияние отдельных обществ в союз, так и объединение в союз на началах централизма. В конце концов, в Петербурге положено было начало и Союзу, и центральному кооперативу, каковым стал «Вперед», насчитывавший к марту 1917 года 15 тыс. членов.

Петроградский Союз за 1916 г. развил довольно широкую деятельность [3]). На первом учредительном собрании Союза—14 апреля 1916 г.—присутствовали представители всего шести обществ; в ближайшие два месяца к Союзу примкнули еще пять обществ, в том числе «Выборгское», так что всего Союз объединял 11 обществ с приблизительно 11 тыс. членов. В начале 1917

[1]) «Труд», № 1, июнь 1916 г.

[2]) «Труд», № 6, декабрь 1916 г., ст. Х., К вопросу о строительстве Петроградской кооперации.

[3]) См. «Петроградский Союз рабочих потребительных обществ», сборник под редакцией М. Хейсина, II. 1918 г.

года в состав Союза входило 22 общества с общим числом членов до 50 тыс.

Оборот Союза за июнь—декабрь 1916 г. составил 705.000 р., при чем в декабре достиг 305.000 руб.

Одно из первых собраний уполномоченных наметило основы, на которых должно покоиться строительство Союза, при чем столкнулись два течения, как некоторый отголосок споров «централистов» и «федералистов». Одни находили необходимым, чтобы Союз взял на себя задачу объединить немедленно союзные общества настолько плотно, чтобы в его руках фактически сосредоточивалась вся торговая деятельность обществ, все их оборотные капиталы, счетоводство, бухгалтерия. Такое объединение,—доказывали сторонники этого течения,—сохранив массу сил и средств, затрачиваемых каждым обществом на ведение торговых операций, даст им возможность развить работу в области культурно-просветительной, а Союз, получив сразу крупный оборотный капитал, мог бы успешно вести торговые операции, наладить собственное производство и т. д. Другие—в таком смысле был составлен доклад временного правления —считали, что объединение на таких началах желательно, но к нему нужно итти постепенно, сливая оборотные средства обществ и объединяя их торговые операции; Союз должен немедленно начать торгово-закупочные операции, имея в виду, главным образом, снабжение обществ теми товарами, каких они не могут получить в областном союзе (Общество оптовых закупок), но вместе с тем объединять закупку товаров, в которых нуждаются общества. В конце концов была принята примиряющая оба течения резолюция, гласившая: «Исходя из основных задач рабочей и демократической потребительской кооперации, неизбежно требующей максимального, возможного по наличным условиям, объединения входящих в Союз обществ; исходя далее из необходимой экономии сил и средств—собрание уполномоченных считает необходимым, чтобы деятельность Союза велась по линии наибольшей, возможной при данных условиях, централизации тех функций союзных обществ, которые достижимы и полезны; собрание уполномоченных предлагает правлению энергично повести работу Союза в этом направлении. Поэтому собрание уполномоченных считает необходимым, чтобы сейчас же, с согласия отдельных обществ, счетоводство, вся за-

купочная деятельность и транспорт для отдельных обществ передавались в ведение Союза, с передачей, в виде авансов, ежедневных выручек отдельных обществ, в распоряжение Союза». Вместе с тем, правлению было поручено организовать закупку дров, молока и овощей, и собственное производство в области хлебопечения и выработки искусственных напитков. По вопросу об отношении к областному Обществу оптовых закупок была принята резолюция, признававшая, что «закупочная деятельность Союза должна строиться на началах полного взаимодействия с областным Союзом», удовлетворяя те потребности союзных обществ, которые не удовлетворяет или не может удовлетворить Общество оптовых закупок.

Таким образом, оставляя главные закупочные функции за областным Союзом, Петроградский Союз ставил своей задачей объединение торговой деятельности обществ на началах централизации, с передачей Союзу всех закупочных операций отдельных обществ. В этом, конечно, сказалось влияние идей централизации. Вместе с тем, Союз поставил своей задачей сосредоточить в своих руках культурно-просветительную работу обществ. «Полагая необходимым,—говорилось в резолюции собрания уполномоченных,—стремиться к постепенному сосредоточению в Союзе руководства культурно-просветительной деятельностью петроградских рабочих кооперативов, собрание уполномоченных предлагает правлению незамедлительно, по мере возможности, приступить к осуществлению следующих начинаний: 1) устройство лекций и публичных собраний по различным вопросам рабочей кооперации, 2) широкое распространение и издание рабочей кооперативной литературы; ближайшее активное участие Союза в соответствующих литературных органах; поддержка и организация их; организация рабочих библиотек и всестороннее инструктирование рабочих кооперативов».

Обозревая в целом военный период рабочей кооперации, мы можем установить, что рабочая кооперация за это время сделала не только шаг вперед, но и впервые приобрела характер массового и планомерного строительства. По сравнению с предыдущим периодом значительно возросло как число обществ и количество объединяемых ими членов, так и обороты и размах их торговой деятельности. Рабочая кооперация, раньше охватывавшая немно-

гочисленные слои рабочих, теперь вплотную приблизилась к рабочей массе, обслуживая ее в самых насущных ее интересах. Если раньше, в 1905—1907 годах, дороговизна разбудила в рабочей среде тягу к кооперации, которая быстро испарилась в обстановке организационной неподготовленности массы, то теперь небывалое по силе вздорожание жизни снова погнало массу в кооперацию, а годы обостренной борьбы и классовой организационной выучки не прошли даром и создали более благоприятную обстановку для кооперативного строительства. В нестерпимых условиях войны внимание рабочего класса сосредоточилось на его потребительских интересах, и рабочая кооперация стала одним из орудий его классовой борьбы, роль которого была тем более значительной, чем более подавлялось полицейскими условиями политическое движение рабочих.

В особенности поднялись организационные формы рабочей кооперации. Попытки создания многолавочных кооперативов делались и до войны, но мы знаем, чем кончился расцвет петербургского «Трудового Союза» и широкие планы «Труженика». В условиях войны попытки эти увенчались успехом и не только петроградский «Вперед», но и харьковское «Объединение», и киевская «Жизнь» являли собой прочные многоглавые центральные кооперативы, свидетельствуя о значительности накопленного рабочими организациями навыка и о жизненности рабочей кооперации. Точно так же еще до войны назревала мысль о союзном объединении, но только теперь, на почве выросшей рабочей кооперации, оно могло стать фактом. Союзное объединение было вместе с тем показателем подвинувшегося вперед идейно-классового сплочения рабочей кооперации, открывавшим перед ней дальнейшие перспективы самостоятельного от мелко-буржуазной кооперации строения. С этой точки зрения кооперативный журнал «Труд» имел полное основание, приветствуя самоопределение Петроградского Союза, как центра рабочей кооперации Петрограда, самостоятельно вступающего в сношения с Московским Союзом П. О., писать, что «это в свою очередь поможет спаять всю рабочую кооперацию и совместно разрешить многие очередные вопросы, положив, таким образом, основы более обширного всероссийского объединения хотя бы и вокруг Московского Союза» [1]). Действитель-

[1]) „Труд“ № 1 (7), январь 1917 г., ст. И. Горя, Собрание уполномоченных Петроградского Союза.

ность оправдала эти ожидания: в первые же месяцы революции от Петроградского Союза пошла инициатива по созыву всероссийского съезда рабочей кооперации, положившего начало всероссийскому объединению.

Однако, военные условия не упрочили и не могли упрочить рабочей кооперации в отношении финансово-экономическом и повышении кооперативного уровня масс. Торговые обороты быстро росли номинально, в денежном исчислении, но фактически нарастали медленно, благодаря бестоварью и падению ценности денег. Условия общего развала не создавали уверенности в завтрашнем дне, не позволяли делать прочных расчетов, не обеспечивали будущего даже на ближайшее время. Слабые до войны, рабочие кооперативы, как и вся прочая кооперация, были подхвачены волной все нарастающего продовольственного кризиса и плыли по ее воле. Не могли они получить поддержки и от кооперативно-сознательной самодеятельности рабочей массы, все еще низкой и еще пониженной войною, благодаря тому, что передовые слои рабочих были обессилены мобилизациями, а рабочие ряды заполнялись новым элементом, пригнанным из деревни и еще совершенным новичком в деле классовой борьбы и классовой организованности.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

РАБОЧАЯ КООПЕРАЦИЯ В ГОД РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

1.

Февральская революция 1917 года продолжила действие тех сил—благоприятных и неблагоприятных для рабочей кооперации—которые наметились в военное время.

Дороговизна со времени революции не только не ослабела, но усилилась, продовольственный развал углублялся. Причиною тому была как продолжавшаяся война, так и общее расстройство экономической жизни, связанное со всеми теми осложнениями, которые вносит в народное хозяйство революция.

О силе продовольственного кризиса могут дать представление некоторые общие данные, опубликованные в свое время Временным Правительством. Так, по сведениям, сообщенным Временным Правительством на Московском Государственном Совещании, запасы хлеба, имевшиеся в распоряжении министерства продовольствия, упали к 1 августа 1917 г. до 26 милл. пудов, при чем таких незначительных размеров они достигали лишь в конце февраля, накануне революции (20 м. п.) [1]). «Петроград и Москва,—докладывал С. Н. Прокопович Московскому Совещанию,—все лето получают уменьшенный паек—¾ фунта хлеба на душу, уменьшенный даже против той довольно низкой нормы—1 ф. на душу,—какая была установлена для городского населения законом 25 марта. Таким образом удалось составить в Москве и Петрограде небольшие трехнедельные запасы, но и те за последнее время

---

[1]) С. Н. Прокопович, Народное хозяйство в дни революции, Три речи, М. 1918 г., стр. 8.

вследствие задержки транспорта иссякли. В настоящее время запасы в этих городах упали до минимума и приходится принимать экстренные меры, чтобы население не оставалось без хлеба. Острую нужду в хлебе в течение всего лета испытывали также губернии Калужская, Владимирская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Тверская, Смоленская, Витебская, Московская, где не только городское, но и сельское население питается в это время привозным хлебом. Нужда в хлебе среди городского и фабричного населения в некоторых из этих губерний сейчас не только не устранена, но достигает особой остроты». В частности, в Донецком Бассейне в это время продовольственное положение было настолько не обеспечено, что, по сообщению С. Н. Прокоповича на кооперативном съезде в 1917 г., там «сейчас приходится прибегать к такой исключительной мере: на некоторых заводах организуется выделка железа и железных изделий по праздникам, чтобы путем натурального обмена с соседними уездами получить хлеб, который необходим рабочим этих заводов» [1]).

Так обстояло дело летом 1917 г., а в дальнейшем оно еще ухудшилось, как об этом докладывал в октябре тот же С. Н. Прокопович Временному Совету Республики.

---

[1]) Вот, напр., газетное сообщение о положении продовольствия на фабриках к началу октября 1917 г. («Новая Жизнь», 1 октября 1917 г.): «Мин. торг. и пром. получило целый ряд телеграмм с просьбой о помощи. Из Шуи телеграфируют: По всему уезду прекращена пилка дров. Нет хлеба. Необходимы экстренные меры. Корюковскому сахарорафинадному заводу вследствие отсутствия продовольствия для рабочих угрожает закрытие. Свекла начинает гнить. Двенадцатитысячное население Ярцевской бумагопрядильной ткацкой манufактуры (Смоленской губ.) находится в безвыходном положении. Запасы крупы и муки совершенно истощились. Губернский продовольственный комитет бессилен помочь. Рабочие, не получив продовольствия, начинают волноваться. Неизбежны беспорядки. Совет старост писчебумажной фабрики товарищества Кувшинова (Тверской губ.) телеграфирует: Рабочие накануне голода. В хлебе везде отказано. Просим немедленной помощи. Правление фабрики товарищества Морокина в Бичуге телеграфирует: Продовольственный вопрос принимает угрожающий характер. Рабочие голодают и волнуются. Необходимо принять экстренные меры по снабжению. Фабричный комитет того же товарищества обратился в министерство со следующей телеграммой: Убедительно просим экстренно снабдить рабочих мукой, так как началась голодовка».

«Дело в том,—говорил он,—что мы подошли к осени, к сентябрю месяцу, с полным отсутствием запасов. В этом году водный транспорт, благодаря целому ряду обстоятельств, благодаря тем непорядкам, которые были на водных путях, затруднениям с нагрузкой и выгрузкой барж, был использован в совершенно недостаточной мере и к сентябрю месяцу наш запас совершенно истощился,—в середине августа положение было совершенно критическое». В начале октября Петербург имел запасов муки на 7—8 дней, с фронта шли угрожающие предупреждения о надвигающемся голоде. «Положение на фронте в отношении продовольствия катастрофическое,—гласила, напр., телеграмма генерала Черемисова.—Лошади падают от недостатка фуража. Хлебопечение прекращается по недостатку муки. Остается доедать сухари, после которых начнется повальный голод со всеми последствиями». По расчетам министерства продовольствия, наряды на хлеб могли быть использованы в лучшем случае в размере 50%, т.-е. в размере недостаточном. И речь свою С. Н. Прокопович мог закончить трагическим выводом: «продовольственное дело висит на ниточке...».

Такое, значительно ухудшившееся, продовольственное положение страны осложнялось общим расстройством народного хозяйства, какого не знало военное время. Добыча каменного угля пала, напр., в Донецком Бассейне в августе 1917 г. до 112 м. п. против 179 м. п. в ноябре 1916 г., производительность одного рабочего понизилась до 420 п. против 900 п. Производство сахара пало на половину против довоенного времени (60 м. п. против 110 м. п.). Запасы минерального топлива за летние месяцы 1917 г. понизились до 20 м. п. при месячном расходе в 50 м. п. и против запасов 1916 г. в 50 м. пуд. Число «больных» паровозов увеличилось с 16,8% в январе до 25% в августе, процент «больных» вагонов с 5,4% в марте до 10% в августе. За первое полугодие 1917 г. по сравнению с тем же полугодием 1916 г. железные дороги не догрузили 700 т. вагонов, т.-е. потребители не дополучили 700 м. пудов нужного груза, в том числе 100 м. п. угля. Прибытие хлеба по Волге в Рыбинск упало в 4 раза, а в Петербург за первое полугодие прибыло по водной системе в десять раз меньше груза, чем за то же время 1916 г., и т. д.

По данным, собранным фабричной инспекцией и опубликованным министерством торговли и промышленности, за время

с 1 марта по 1 августа 1917 г. прекратили работу 568 предприятий с 104.372 рабочими, при чем по отдельным месяцам картина получается следующая:

	Число закр. предпр.	Число в них рабоч.
Март	74	6.644
Апрель	55	2.816
Май	108	8.701
Июнь	125	38.755
Июль	206	47.754

Из месяца в месяц число закрытых предприятий росло, при чем оно росло бы еще быстрее, если бы рабочие не противодействовали стремлению фабрикантов закрыть предприятия. Среди причин, вызывавших закрытие предприятий, на первом месте стояли недостаток топлива и сырья, т.-е. причины, исходившие от общего народно-хозяйственного развала, конфликты же с рабочими занимали третье место. По недостатку топлива и сырья многие предприятия работали неполным ходом. Все это приводило к нарастанию безработицы, которая в особенности стала увеличиваться с конца лета 1917 г. Так, петербургский союз металлистов насчитывал к 1 августа всего 600 безработных, к началу сентября—1.120, т.-е. в два раза больше, а к концу сентября—1.957.

Таким образом, на долю потребителя выпадало недостаточное количество предметов продовольствия и прочих товаров при сильном их вздорожании, а на долю рабочего сверх того—безработица. Правда, свободные формы борьбы, ставшие доступными рабочим со времени революции, дали возможность рабочим добиться повышения заработной платы, но, как и до войны, это повышение отставало от все возраставшей дороговизны. Противоположные утверждения предпринимателей и буржуазной печати, изображавших дело таким образом, будто рабочие «наживают» на революции, были, разумеется, клеветой и противоречили во всем действительности.

По данным, напр., Московской Биржи Труда и Центральной примирительной камеры, цены на рабочие руки составляли в Москве [1]):

[1]) «Южно-Рус. Потр.», 1917 г., № 20—21.

	В июне 1914 г. от	до	В июле 1916 г. от	до	В августе 1917 г.
Плотники — столяры	1 р. 60 к.	2 р. — к.	4 р. — к.	6 р. — к.	8 р. 50 к.
Землекопы	1 » 30 »	1 » 50 »	3 » — »	8 » 50 »	— » — »
Каменьщики	1 » 70 »	2 » 35 »	4 » — »	6 » — »	8 » — »
Маляры - кровел.	1 » 80 »	2 » 20 »	3 » — »	5 » 50 »	8 » — »
Кузнецы	1 » — »	2 » 25 »	4 » — »	5 » — »	8 » 50 »
Печники	1 » 50 »	2 » — »	4 » — »	5 » 50 »	7 » 50 »
Слесаря	— » 90 »	2 » — »	3 » 50 »	6 » — »	9 » — »
Чернорабочие	1 » — »	1 » 50 »	2 » 50 »	4 » 50 »	8 » — »

В общем заработная плата к августу 1917 г. по сравнению с довоенным временем увеличилась в 6 раз (на 515%). При этом, однако, в годы войны она поднималась быстрее (в 2—3 раза), чем в год революции (в 1½—2 раза). В отличие от времени войны, для революции характерно не столько быстрое увеличение платы, сколько ее уравнение для различных групп рабочих.

В какой же мере это повышение платы соответствовало повышению цен товаров?

По данным справочных цен московской городской управы, вздорожание продуктов продовольствия выражается в следующем виде:

	авг. 1914 г.	авг. 1917 г.	% вздорожания.
Ржаной хлеб	2½ к.	— р. 12 к.	380
Ситный »	5 »	— » 20 »	300
Мясо	22 »	1 » 10 »	400
Телятина	26 »	2 » 15 »	727
Свинина	23 »	2 » — »	770
Сельди	6 »	— » 52 »	767
Сыр	40 »	3 » 50 »	775
Масло	48 »	3 » 20 »	566
Яйца	30 »	1 » 60 »	433
Молоко	7 »	— » 40 »	471

В общем продукты продовольствия с мирного времени вздорожали на 566%, в то время как заработная плата увеличилась на 515%, т.-е. повышенный заработок рабочих не покрывал дороговизны. В лучшем случае можно признать, что он лишь приближался к прожиточному минимуму, в предположении, что рабочий должен довольствоваться хлебом и мясом, относительно менее вздорожавшими.

Но рабочий должен не только питаться, для удовлетворения своих необходимых потребностей он должен был покупать и еще кое-что сверх продуктов продовольствия. А в этом отношении дело обстояло еще хуже. Цены на прочие предметы необходимости составляли в Москве:

	авг. 1914 г.	авг. 1917 г.
Ситец	— р. 11 к.	1 р. 40 к.
Полотно бум.	— » 15 »	2 » — »
Сукно	2 » — »	40 » — »
Драп	6 » — »	80 » — »
Штиблеты	8 » — »	90 » — »
Сапоги мужск.	12 » — »	140 » — »
Кожа подошв. (пуд.)	20 » — »	400 » — »
Галоши	2 » 50 »	15 » — »
Костюм мужск.	40 » — »	400 » — »
Чай	1 » 50 »	6 » — »
Спички (ящик)	10 » — »	50 » — »
Мыло	4 » 50 »	40 » — »
Керосин	1 » 70 »	11 » — »
Свечи	8 » 50 »	100 » — »
Карамель	— » 30 »	4 » 50 »
Дрова (саж.)	10 » — »	129 » — »
Разн. мет. изд.	1 » — »	20 » — »

В общем цены по всем этим товарам повысились больше чем на 1.000%, т.-е. в два раза больше, чем повысилась заработная плата. Если предположить, что помимо продуктов продовольствия, рабочий делал затраты тоже на платье, обувь, дрова, спички, керосин и т. п., то окажется, что заработок его не только не поспевал за дороговизной, но и на много отставал от прожиточного минимума.

Кажется, нет необходимости приводить еще данные, чтобы сказать, что в год революции возраставшая дороговизна и бестоварье укрепляли почву, на которой продолжался стихийный рост кооперативного движения вообще и рабочего в частности.

2.

Действительно, развитие потребительской кооперации в 1917 г. оставило далеко позади себя военные дореволюционные годы.

На 1 января 1918 г. насчитывалось до 25.000 потребительных обществ против приблизительно 20 тысяч, насчитывавшихся на

1 января 1917 г. [1]). Если на 1 января 1917 г. все потребительские общества объединяли не менее 5 милл. членов, то к январю 1918 г. это число поднялось до 8—9 милл., т.-е. за год революции, вернее, за 10 месяцев ее, возросло почти в два раза, достигнув совершенно исключительной цифры. Оборот всех обществ за 1916 г. составил приблизительно 1½ миллиарда рублей, для 1917 г. он определяется в сумме не менее 5 миллиардов.

Таковы были последствия свободных политических условий и непомерной дороговизны. Стихийным напором потребительская кооперация быстро подвигалась вперед по всем направлениям.

В 1916 г. на одно общество приходилось в среднем 367 членов, в 1917 году—797 членов, т.-е. за год общества в среднем увеличили число членов своих в два раза. Соответственно увеличился и размер оборота, приходящегося на одно общество: в 1916 году он равнялся 93,1 т. р., в 1917 году—272,9 т. р., т.-е. увеличился почти в три раза. Однако, мы должны здесь еще с большим основанием сделать оговорку, которую сделали применительно ко времени войны: рост этот больше номинальный, чем фактический. Если средний оборот увеличился в три раза, то цены за это время увеличились почти в четыре раза, т.-е. в действительности оборот не увеличился, а понизился.

Но и с этой оговоркой нарастание крупных обществ в год революции нужно признать фактом, не поддающимся сомнению. Так, по величине оборота общества распределялись в 1916 и 1917 г.г. следующим образом:

	1916 г.	1917 г.
До 100 т. р. .	77,1%	29,2%
100—300 » » . .	17,2%	40,2%
свыше 300 » » . .	5,7%	19,7%
в том числе » 500 » » .	3,1%	10,9%

Картина за год радикально изменилась. Преобладавшие в 1916 г. мелкие общества уступили свое место средним по размерам и крупным обществам. Значительно выросли средние общества (с оборотом от 100 до 300 т. р.), но еще больше нарастали

---

1) «Союз Потреб.» 1918 г., № 1—2, ст. А. Меркулова. См. также А. Меркулов, Вопросы кооперативного движения, II, 1918 г., стр. 213 и след.

крупные общества с оборотом свыше 300 тыс. руб. и полумиллиона, повысив свое относительное значение более чем в три раза.

Если для иллюстрации роста потребительской кооперации мы обратимся к Московскому Союзу П. О., то увидим, быть может, наиболее яркий показатель этого роста:

Годы.	Число обществ, вход в Союз	Число членов союзн. общ.	Движ. союзн. паев капит. (в руб.)	Оборот (в руб.)
1915	1.694	474.062	586.241	22.832.612
1916	3.012	733.502	1.634.054	86.631.616
1917	3.036	1.084.000	10.269.757	212.000.000

Если число обществ, вход в Союз, возросло в 1917 г. в ничтожной степени, то значительно увеличилось число входивших в Союз местных объединений: в 1915 году в составе Союза было 43 местных союза, в 1916 г.—155, в 1917 г.—281. Московский Союз превратился в союз союзов. Таким он стал и формально в августе 1917 г., когда был переименован во Всероссийский Центральный Союз Потребительных обществ (Центросоюз) с изменением устава в том смысле, что членами его могли быть лишь кооперативы и местные союзы, насчитывающие не менее 10 тыс. членов.

Московский Союз стал не только фактическим центром российской потребительской кооперации, но и мощной хозяйственной организацией. Сверх собственных предприятий, имевшихся у Союза до революции, им был приобретен в 1917 году ряд новых. Смета по собственным предприятиям Союза была исчислена на 1918 год в 68 милл. руб.

Одновременно с ростом центра продолжалось образование и укрепление местных союзов. Всего к концу 1917 г. насчитывалось 425 союзов против 230 к началу года. Из вновь возникших союзов более крупными были: Саратовский, Днепровский (Днепросоюз, Киев), Волго-Каспийский (Астрахань), Ставропольский, Кубанский и т. д. Оборот большинства союзов (270) достигал 2 милл. руб., но были среди них и крупные: с оборотом от 15 до 25 милл. руб.—десять, от 25 до 50 милл. руб.—три (в том числе Сибирский «Закупсбыт»), свыше 50 милл. руб.—один (Петроградское общество оптовых закупок), и свыше 100 милл. руб.—один (Союз Сибирских маслодельных артелей). Революция окончательно опрокинула централистическую форму строительства и

место трехчленной формулы (отдельный кооператив—мелкорайонное объединение—Центросоюз) заняла четырехчленная (кооператив—районный союз—областной союз—Центросоюз). Областные союзы (Днепросоюз, ПОЮР, Закупсбыт, Доно-Кубано-Терский) становились все более самостоятельными хозяйственными организациями.

Столь напряженное союзное строительство на местах приводило к хозяйственному укреплению кооперации и в другом отношении—к росту собственного производства. По анкете Центросоюза, к половине 1917 г. в России насчитывалось 469 кооперативных предприятий, не считая хлебопекарен, картофелетерочных и маслодельных заводов, при чем союзам принадлежало 147 предприятий. Среди отдельных кооперативных предприятий можно отметить 29 мыловаренных заводов, 28 кожевенных, 10 чугунно-литейных, 17 лесопильных, 84 мельницы и т. д.

Революция принесла и дальнейшее скрепление всероссийского объединения кооперации. В 1917 г. состоялось несколько кооперативных совещаний и съездов (первый—25 марта). Наиболее крупным организационным достижением этих съездов было преобразование Московского Союза в Центросоюз и образование Совета Всероссийских Кооперативных Съездов, как высшего органа, объединяющего кооперацию.

3.

В этой обстановке, созданной революцией, рабочая кооперация нашла чрезвычайно благоприятную почву для своего развития. Если дороговизна, бестоварье и тяжелое продовольственное положение усиливали тягу рабочей массы в кооперацию, то свободный революционный порядок давал огромную возможность свободного кооперативного строительства, а общий небывалый раньше рост потребительской кооперации мог только облегчить сплочение потребителей-рабочих в кооперативы.

И действительно, рабочая кооперация не только быстро выросла за первый год революции, но и по быстроте роста опередила в некоторых отношениях другие группы обществ.

Если мы обратимся, напр., к движению среднего числа членов одного общества в 1916 и 1917 г.г., то увидим следующее [1]):

1) По анкете Центросоюза, см. «Союз Потреб.», 1918 г., № 23, ст. М. Нестерова, Некоторые данные о потребит. кооперации на 1 янв. 1918 г.

	Приход. в среднем на одно общ. 1916 г.	1917 г.	% прироста.
Рабочие общества . . .	1.762	2.611	48,2
Городские » . . .	1.429	1.998	39,8
Сельские » . . .	294	443	50,1
Фабр.-зав. » . . .	816	1.174	43,8
Жел.-дор. » . . .	4.522	8.354	84,7

Наиболее выросли за 1917 г. железнодорожные общества и за ними, почти на одном уровне по быстроте роста, находятся сельские и рабочие общества. Но рабочие кооперативы росли быстрее городских и—что в особенности показательно—опередили фабрично-заводские общества. Последнее обстоятельство, несомненно, связано с раскрепощением зависимых обществ, более успешным в год революции, чем раньше: крупные зависимые общества переходили на положение независимых и тем повышали среднее число членов на одно общество.

По другим признакам более быстрый рост рабочих обществ выражается более наглядно. Так, средний оборот на одно общество составлял (в руб.):

	1916 г.	1917 г.	Во сколько раз оборот увелич.
Рабочие общества . . .	198.917	889.556	4,5
Городские » . . .	463.606	616.653	1,3
Сельские » . . .	47.970	136.463	2,8
Фабр.-зав. » . . .	353.477	713.603	2,0
Жел.-дор. » . . .	1.760.970	4.734.339	2,6

Оборот рабочих обществ увеличился в четыре раза, и такого нарастания не дает ни одна из прочих групп. Обстоятельство это было, повидимому, также в значительной мере связано с раскрепощением зависимых обществ с более значительным оборотом. Однако, как мы уже отметили, увеличение оборота, в виду возросшей дороговизны и падения ценности денег, не говорит еще о фактическом его росте. Если принять во внимание, что за то же время цены увеличились приблизительно в четыре раза, то придется признать, что действительный оборот рабочих обществ, в лучшем случае, всего лишь не понизился по сравнению с 1916 г.

С другой стороны, движение паевого капитала на одно общество представляется в таком виде:

	1916 г.	1917 г.	% прироста.
Рабочие общества . .	9.625	38.739	302
Городские » . .	2.6565	26.943	1,4
Сельские » . .	3.195	6.016	88
Фабр.-зав. » . .	14.124	37.536	166
Жел.дор. » . .	125.957	163.769	30

Средний паевой капитал по группе рабочих обществ нарастал многим быстрее всех прочих, увеличившись в три раза. Однако, если принять, что ценность денег за то же время упала приблизительно в четыре раза, то это увеличение паевого капитала нужно признать призрачным.

Мы видели, что уже в годы войны рост рабочей кооперации выражался в увеличении числа крупных обществ. Процесс этот продолжался и в первый год революции, как видно из следующих данных о распределении в 1917 г. обществ по величине оборота:

Оборот	Раб. общ.	Гор. общ.	Сельск. общ.	Ф.-зав. общ.
до 300 тыс. руб. . . .	20	37	620	13
300—500 » . . .	4	28	71	17
500—1 мил. р. . . .	11	22	48	6
свыше 1 » » . .	12	21	45	4

В рабочей группе процент крупных обществ с оборотом свыше 500 т. руб. достигает 65, оставляя далеко позади себя городские общества (39%), не говоря уже о сельских.

Все эти данные бросают свет на условия существования рабочей кооперации в первый год революции. Прежде всего они растут количественно, объединяя все большее число членов. До войны одно общество насчитывало в среднем 430 членов, в 1917 г.— 2.611, т.-е. почти в 7 раз больше. Во время войны общее число объединявшихся рабочей кооперацией членов не превышало полумиллиона, в 1917 г. это число определялось не менее 1½ миллиона [1]). Объединяя широкие слои рабочих, рабочие кооперативы были крупными обществами прежде всего по числу входящих в их состав членов.

Увеличение числа членов, необходимость обслуживать их предметами продовольствия в связи с распределительными функциями кооперативов приводят к возрастанию годового оборота Если в первый год войны средний оборот одного общества равнялся 120 тыс. руб., то в 1917 г. он составил почти 890 т. р., т.-е. уве-

[1]) М. Хейсин, «Вестник Кооп.», 1918 г., № 1—2, стр. 105.

личился в 8 раз. Но при все более обесценивавшихся деньгах это возрастание оборота в первый год революции говорило не о фактическом росте, а только о номинальном его увеличении. На самом деле кооперация испытывала хронический недостаток в товарах, и, оборачиваясь немногим, она получала в итоге сотни тысяч оборота лишь благодаря непомерно поднимавшимся ценам.

Бестоварье и осложнения на денежном рынке должны были неблагоприятно отзываться на финансовой устойчивости обществ и приводить, в частности, к ускорению быстроты оборота. Так, наличность товара в среднем на одно общество в процентном отношении к обороту составляла:

	1912 г.	1917 г.
Рабочие общества . . .	14,7	16,7
Городские » . .	23,5	16,2
Сельские » . . .	26,3	15,0
Фабр.-зав. » . . .	22,2	15,2
Жел.-дор. » . . .	22,3	15,5
Средняя для всех. . . .	22,6	16,0

В мирное довоенное время (1912 г.) быстрее всего оборот был для рабочих обществ, которым незначительность оборотных средств не позволяла делать больших запасов товаров, и медленнее оборот был для городских обществ. В первый год революции оборот для всех обществ стал быстрее. В наилучшем, однако, положении оказываются рабочие общества, в которых оборот был медленнее, чем в 1912 г. и чем во всех прочих обществах. Впрочем, «лучшее» здесь настолько скромно и относительно, что в общем можно говорить скорее о более медленном обороте, чем о быстром, тем более, если принять во внимание, что капитальная сила рабочих обществ в 1912 г. во всяком случае была выше, чем в 1917 году.

Более непосредственно о финансовом положении рабочих обществ говорят данные о величине полученной ими в 1917 г. чистой прибыли:

	% отношение к обороту прибыли	
	валовой	чистой
Рабочие общества . . .	12,3	2,4
Городские » . . .	11,9	3,1
Сельские » . . .	17,1	4,9
Фабр.-зав. » . . .	12,2	4,2
Жел.-дор. » . . .	16,3	4,4

По размеру чистой прибыли рабочие общества стоят на последнем месте, несмотря на то, что накидка на товар (12,3%) в них выше, напр., чем в городских и фабрично-заводских обществах. Даже сельские общества при большей накидке на товар (17,1%) дали почти в два раза большую прибыль. Очевидно, причина такого неблагоприятного положения рабочих обществ заключалась в больших торговых расходах, вызываемых необходимостью обслуживать широкие рабочие массы почти исключительно предметами продовольствия, торговля которыми дает наименьшие выгоды.

Эти общие итоги, полученные анкетой Центросоюза, можно дополнить данными анкеты ПОЮР'а, произведенной в 1917 г. и относящейся к губерниям Харьковской, Екатеринославской, Полтавской, Воронежской, Курской, Таврической, Херсонской и земле Войска Донского. Дополнение это тем более должно представлять интерес, что анкета ПОЮР'а охватила в два раза большее число обществ (1.760), чем анкета Центросоюза (860) и дело имела с обществами более мелкими [1]). При сравнении обеих анкет следует, однако, иметь в виду, что анкета ПОЮР'а не разделяет рабочих обществ на независимые и фабрично-заводские, как это делает анкета Центросоюза. Впрочем, для 1917 г. это соединение независимых обществ с фабрично-заводскими не носит характера органического порока, так как в год революции раскрепощение зависимых обществ значительно подвинулось вперед.

Анкета ПОЮР'а определяет среднее число членов, приходящееся на одно общество, в 1.581 чел., т.-е. многим меньше анкеты Центросоюза (2.611). Это расхождение данных нужно объяснить тем, что анкета ПОЮР'а охватила более мелкие общества. Сопоставление данных обеих анкет позволяет принять среднее число членов, приходящееся на одно общество, приблизительно в 1.500 человек, т.-е. примерно в 4 раза больше средней мирного довоенного времени.

Насколько быстро нарастало число членов рабочих обществ в течение 1917 г.? На этот вопрос анкета Центросоюза не давала ответа, так как заключала в себе суммарные данные на 1 января 1918 г., т.-е. за весь 1917 год. Анкета ПОЮР'а для значительного

[1]) См. итоги анкеты в «Южно-Русском Потребителе», 1919 г., №№ 7—8 и след.

числа обществ (1.126) дает отдельно данные о числе членов на 1 июля 1917 г. и на 1 января 1918 г., и таким образом позволяет установить, насколько быстро возросло число членов за второе полугодие 1917 г. Сопоставление данных о среднем числе членов на одно общество для первого и второго полугодия 1917 г. дает следующие результаты:

	Среднее число членов на общ. на 1 июля 1917 г.	на 1 янв. 1918 г.	% прироста
Рабочие общества.	958	1.856	93,9
Городские »	1 121	1.494	33,3
Сельские »	256	363	42,0

За вторую половину 1917 г. рабочие общества увеличили свой состав почти в два раза и обогнали городские общества, которым они еще уступали в первую половину 1917 г. Свободные условия года революции рабочие использовали в более широком размере, чем другие слои населения, городские и сельские. В частности, число членов рабочих обществ, напр., Екатеринославской губ., о которой анкета дает более полные сведения, увеличилось во вторую половину 1917 г. с 33.502 до 63.351, т.-е. на 89,1%. С другой стороны, общества, возникшие во вторую половину 1917 г., дают среднее число членов на 1 общество 1.003 чел., несколько более повышенное по сравнению с обществами, действовавшими в первую половину года (958). Отсюда можно заключить, что в 1917 г. рабочая кооперация не только захватывала все большую массу рабочих, но и строилась по типу более или менее крупных обществ, с числом членов в среднем не меньше тысячи.

Еще более показательны для роста рабочей кооперации данные анкеты о паевом капитале различных групп обществ:

	Паевого капитала в среднем на одно общ.	на одного члена
Рабочие общества . . .	33.482 р.	21 р. 17 к.
Городские » . . .	14.772 »	13 » 21 »
Сельские » . . .	4.171 »	12 » 79 »

Паевой капитал, в среднем приходящийся на одно общество и на одного члена, для рабочих обществ многим выше, чем для других. Анкета правильно объясняет это результатами процесса раскрепощения зависимых фабрично-заводских обществ. Необ-

ходимость создать собственные оборотные средства для замены средств, раньше получавшихся от предприятий, послужила сильным стимулом, толкавшим рабочие общества к накоплению паевых капиталов. Такое накопление облегчалось условиями получения вознаграждения от предприятий, дававшими возможность производить сбор на увеличение паевого капитала путем простого удержания из заработной платы при получке.

Если мы обратимся к накоплению паевого капитала за вторую половину 1917 года, то и здесь увидим, что первенство принадлежит рабочей кооперации:

	Сумма паевого капитала (в руб.) на 1 июля 1917 г.	на 1 янв. 1918 г.	% прироста
Рабочие общества	973.838	2.014.437	107,1
Городские »	409.969	582.194	42,0
Сельские »	3.355.186	4.669.097	39,0

Паевой капитал рабочих обществ за второе полугодие 1917 г. увеличился в два раза многим быстрее других обществ. И в этом отношении рабочие общества использовали полнее условия революционного времени. Впрочем, нарастание паевого капитала нужно отнести, главным образом, за счет раскрепощения зависимых обществ и перехода их на положение свободных обществ, как это видно из фактических данных о среднем паевом капитале, в зависимости от времени возникновения общества:

Рабочие общества, открывшиеся за время	Средний паевой капитал на 1 общ. на 1 июля 1917 г.
1889—1897 г.г.	97.626 р.
1898—1907 »	32.204 »
1908—1917 »	13.658 »

Паевой капитал тем выше, чем старше общество по возрасту. Но до 1907 года мы имели дело почти исключительно с зависимыми фабрично-заводскими обществами, которые и вошли в революцию с накопленным паевым капиталом. Положительная сторона процесса в год революции заключается в том, что рабочие раскрепостили зависимые общества и поставили их капиталы на службу рабочей массе.

Обратимся теперь к оборотам рабочих обществ по данным анкеты ПОЮР'а. Средний оборот на одно общество за весь 1917 г. составляет:

Рабочие	общества	—	705.582 р.
Городские	»	—	357.348 »
Сельские	»	—	66.035 »

Как видим, оборот обществ выше прочих и превышает оборот городских обществ почти в два раза. Столь же благоприятно для рабочих обществ движение оборотов за вторую половину 1917 г.:

	Средний оборот на 1 общ. (в руб.) на 1 июля 1917 г.	на 1 янв. 1918 г.	Увеличение в %
Рабочие общества	339.821	644.509	90
Городские »	175.931	357.157	103
Сельские »	30.823	59.805	94

По среднему обороту рабочие общества остаются на первом месте как в первом, так и во втором полугодии, при чем оборот возрос в них несколько медленнее, чем в других обществах. Это более медленное нарастание оборота объясняется, быть может, вообще большим напряжением оборота, затруднявшим его дальнейшее повышение в связи с общими хозяйственными условиями страны. На правильность такого предположения, как и вообще на положение рабочей кооперации, бросают свет следующие данные о движении среднего оборота, приходящегося на одного члена:

	Средний оборот на одного члена (в руб.) на 1 июля 1917 г.	на 1 янв. 1918 г.	За весь год
Рабочие общества	355	347	700
Городские »	157	239	407
Сельские »	120	165	292

Средний оборот на одного члена как раздельно по полугодиям, так и за весь 1917 г. для рабочих обществ многим выше, чем для прочих. Это свидетельствует о том, что рабочая кооперация более полно обслуживала своих членов. Однако, это относительно «полное» обслуживание нужно признать совершенно мизерным: 700 руб. в год оборота на одного члена при чрезмерно возросших товарных ценах — величина достаточно скромная. Бестоварье и падение ценности денег осложнили всю работу кооперации по обслуживанию интересов рабочих. Можно даже сказать, что, поскольку рабочая кооперация выдвигалась по числу членов и величине оборотов, неблагоприятные общехозяйственные условия отражались на ней в более сильной степени, чем на других обществах.

4.

Перейдем теперь к иллюстрации роста рабочей кооперации за первый год революции на примерах отдельных обществ, как знакомых уже нам по дореволюционному времени, так и вновь возникших.

Петроградский Союз Потребительных обществ (Петросоюз) развился за 1917 г. в крупную союзную организацию. К июлю 1917 г. в его состав входило 50 обществ, а к концу года— 60, паевой капитал, равнявшийся в октябре 1916 г. 10 тыс. руб., к концу 1917 г. достиг 70 тыс. руб. Союз имел в 1917 г. три хлебопекарни, три склада, типографию, большой обоз и т. п.: во всех этих предприятиях работало более 200 человек, не считая 60 служащих в конторе.

Обороты Союза достигли в 1917 г. 21½ милл. руб. против 700 тыс. руб. 1916 года, т.-е. увеличились в 30 раз. В июне оборот приблизился к 2 милл. рублей, в декабре превысил 7 м. руб. Главное внимание Союз обратил на немонополизированные продукты, развив свою деятельность по бакалейному, лабазному, молочному и овощному отделам. Вместе с тем Союз взял на себя снабжение нормированными продуктами не только союзных обществ, но всего населения столицы, для чего заключено было соглашение о поставке этих продуктов с 19 кооперативными организациями. Заготовка должна была коснуться мяса, консервов, рыбы и круп. Одновременно Союз стремился централизовать торговую деятельность союзных обществ. Апрельское собрание уполномоченных постановило возложить на Союз организацию закупок на местах и передать Союзу представительство для получения товаров в центральных продовольственных учреждениях.

Значительно развил Союз и неторговую деятельность, организовав инструкторский и статистический отделы и культурно-просветительный под-отдел. В 1917 году Союз издавал журнал «Труд» и популярный журнал «Рабочий Кооператор».

Сильно развилось в 1917 г. Московское Товарищество, переименованное в марте этого года в «Союз рабочих потребительских обществ Москвы». До революции Союз по уставу не мог отказывать в приеме нерабочим обществам, со времени революции в Союз принимались только рабочие кооперативы. К концу 1917

года в Союз входило 90 обществ (не считая 39 обществ, производящих закупки), из которых чисто рабочих было 64 общества с 129 тыс. членов. Паевой капитал Союза составлял на 1 января 1918 г. всего 55 тыс. руб., но для усиления средств к паевому капиталу была причислена скидка на забор обществ за 1917 г., что повысило паевой капитал до 242 т. руб.; кроме того, был образован ряд специальных капиталов в сумме до 140 тыс. руб.

Оборот Московского Союза за 1917 г. составил 20.741.000 р. В 1917 году Союз оборудовал три хлебопекарни, несколько крупных складов, обоз и т. п.

По неторговой части Союз организовал инструкторский и культурно-просветительный отделы, издавал журнал «Голос Рабочей Кооперации», создал общерайонные культурно-просветительные комиссии, открыл 6 клубов, 15 детских площадок, 2 клуба для подростков, книжно-газетный киоск. Большую роль сыграл Союз в раскрепощении зависимых обществ, которыми богата была Москва.

Кинешемский Союз объединял в 1917 г. 420 обществ, среди которых было всего 62 рабочих. Однако, в рабочих обществах числилось до 250 тыс. членов, в то время как в нерабочих их было всего 60 тыс. Оборот рабочих обществ в 1916 г. составил до 9 м. р., оборот нерабочих обществ—1½ м. р.

Одно из старейших, нам уже известных, обществ—иваново-вознесенское «Единение—Сила» за год революции далеко шагнуло вперед. К началу 1918 г. общество насчитывало свыше 15 тыс. членов, имело три склада и 18 магазинов (16 бакалейных и 2 мануфактурных), владело 4 десятинами земельной собственности, на которых были возведены собственные здания. Паевой капитал общества возрос до 190 т. р. Припомним, что «Единение—Сила» начало работу при 292 членах и 2 т. р. паевого капитала.

Николаевская «Трудовая Копейка» закончила 1917 г. при 14 тыс. членов и с оборотом свыше 7 м. руб.

Центральный рабочий кооператив Петербурга «Вперед» к 1 января 1918 г. насчитывал до 50 тыс. членов (против 15 тыс. в ноябре 1917 г.), имел около 40 лавок с оборотом от 2 до 2½ м. р. в месяц.

Харьковское «Объединение», как мы уже знаем, вступило в 1917 г. с 12.379 членами. К маю это число возросло незначительно

всего на 900 человек. Но в летние месяцы началось массовое вступление в общество ряда заводов (в общем вступило 19 заводов и фабрик), так что к концу 1917 года число членов возросло до 23.805 человек. На 1 января 1917 г. общество имело 14 лавок, к концу 1917 г. число их повысилось до 20, расположенных по всем окраинам города. Общий оборот за 1917 год составил почти 4 м. р. против 789 тыс. руб. в 1916 году, т.-е. увеличился почти в 5 раз.

Финансовое положение «Объединения» было не столь блестящим, свидетельствуя о тяжелом, вообще, времени, переживаемом кооперацией. Собственные капиталы общества (паевой-вступной) увеличились за год с 69.827 до 197.137 р. Увеличение это явилось результатом постановления общего собрания о внесении членами двух паев, т.-е., иначе говоря, об увеличении пая до 10 рублей. Однако, и этот повышенный капитал не давал возможности наладить финансовую устойчивость общества, при все возраставшем обороте. В итоге задолженность общества, составившая к 1 января 1917 г. 13.878 рублей, увеличилась к 1 января 1918 г. до 1.302.960 рублей, при чем платить по кредиту приходилось 8¼% и даже больше.

Не столь бурно, но более устойчиво рос другой, уже нам знакомый многолавочный кооператив—киевское общество «Жизнь». Число членов общества возросло за 1917 г. очень мало: всего на 901 чел., так что к январю 1918 года общество насчитывало 11.182 члена. Правление объясняло малое прирастание членов «революционной волной, захватившей с марта месяца и увлекшей в пучину профессиональной, партийной и государственной работы не только наиболее видных работников кооператива, но и многих из его активных членов, работавших, не покладая рук, над созданием и развитием общества». Возможно, конечно, что отвлечение от кооператива наиболее видных работников отразилось на понижении темпа агитационной работы, но само по себе это обстоятельство не могло задержать роста членов, так как силы отвлекались и во всех прочих местах, а рабочие общества росли повсюду. Скорее всего, замедленный рост «Жизни», не в пример прочим рабочим кооперативам, объясняется как незначительностью вообще рабочего населения Киева, так и распылением рабочих по другим кооперативам, в особенности по национальным.

Однако, несмотря на слабый прирост членов, паевой капитал общества значительно увеличился: с 32 тыс. в 1916 г. до 38 тыс. рублей на 1 января 1918 г. Правление объясняло это «сознательным отношением к кооперативу части членов, стремившихся облегчить нужду общества в оборотных средствах путем внесения дополнительных паев». Между прочим, отсюда видно, что и «Жизнь» переживала тяжелое в финансовом отношении время, испытывая острую нужду в оборотном капитале.

Обороты общества за 1917 г. сильно увеличились. В январе оборот равнялся 98½ т. р., в декабре—317 т. р., а за весь 1917 г. составил свыше 2 м. р. (2.105.190 р.) против 660 т. р. в 1916 г., т.-е. увеличился в три раза. В начале 1917 г. «Жизнь» имела 14 отделений, в конце года 16, покрыв лавками все районы города, в особенности рабочие.

Культурно-просветительная работа общества подвигалась вперед более медленно. Мысль, напр., об издании печатного органа возникла еще в 1915 г., в мае 1917 г. было отчислено из прибылей 1916 г. 24% «на издание печатного органа и другие культурно-просветительные нужды». Но печатного органа все же создать не удалось.

Из вновь возникших в 1917 году обществ необходимо отметить «Московский Центральный Рабочий Кооператив». Организовался он в сентябре 1917 года по инициативе продовольственной группы Московского Совета Рабочих Депутатов, ставшей во главе Продовольственного Совета, который находился до революции в руках Общества фабрикантов и заводчиков. Устав М.Ц.Р.К. заключал в себе некоторые особенности. Так, в цели кооператива входила также «поддержка как в отношении продуктов, так и в отношении средств, путем отчисления их из прибылей от совершаемых операций общества, рабочего профессионального и стачечного движения, а равно и социалистических партий». При распределении прибылей устав предусматривал отчисление 40% «на поддержку профессионального и стачечного рабочего движения и социалистических партий». Членами общества по уставу могли быть «все рабочие гор. Москвы и окрестностей, а также низшие служащие промышленных, торговых, ремесленных и др. предприятий и заведений» и «члены социалистических партий, независимо от их социального положения».

М.Ц.Р.К. быстро развился до размеров крупного многолавочного кооператива. Уже к началу деятельности, к сентябрю, он насчитывал 97 тыс. членов, к 1 января 1918 г. число членов поднялось до 130 тыс. К концу года кооператив имел 11 лавок, сделавших с конца сентября до января оборота свыше 1 милл. рублей, смета же на 1918 год была исчислена в 37½ миллионов рублей.

Мы не станем приводить здесь дальнейших примеров, так как всюду наблюдается одна и та же картина: повышение числа членов, рост оборотов, возникновение новых обществ, слияние мелких в более крупные и т. д.

На ряду с этим, однако, на рост рабочей кооперации густой тенью ложатся еще продолжающие существовать зависимые общества. Характерно, что в продолжение всего 1917 года рабочая кооперативная печать не перестает отмечать это печальное явление и призывать рабочих к раскрепощению фабрично-заводских обществ.

«К великому нашему несчастью,—писал, напр., «Голос Рабочей Кооперации» в апреле 1917 г.,—здесь в Москве и до сих пор еще фабрично-заводские потребиловки остаются замкнутыми и нераскрепощенными. Чем объяснить такую медлительность кооперативов, трудно сказать. Мало ли пролетарского самолюбия у рабочих, что не хватило пороху вырвать из рук администрации дело собственного потребления, или же работа по созданию профессиональных и политических организаций отняла у них всю долю свободного времени?! Так или иначе, но нужно сейчас же приступить рабочим к реформированию своих кооперативов. Нельзя оставлять в руках администрации кровное дело потребления масс, нельзя отказаться от одной из форм рабочего движения» [1]). О том же еще спустя несколько месяцев писали и петербургский «Труд» и харьковский «Южно-Русский Потребитель». По словам последнего, «огромное большинство рабочих кооперативов, разбросанных по заводам и рудникам Донецкого Бассейна», принадлежит к зависимым обществам [2]), а «Труд» в августе 1917 г. доказывал рабочим, что они «обязаны в интересах рабочего класса» реорганизовать зависимые общества в независимые [3]).

---

[1]) «Голос Рабочей Кооперации», 1917 г., № 2.

[2]) «Южно-Русский Потребитель», 1917 г., № 4.

[3]) «Труд», 1917 г., № 1 (август).

Революция застала еще крепкими эти крепостнические пережитки и в Москве, и в Петрограде, и в Донецком Бассейне. И только теперь в общем ходе революционной борьбы одно за другим раскрепощаются зависимые общества. «Мы превратились из замкнутого в широко-доступное общество потребителей»—сообщают рабочие фабрики Каретниковой при ст. Тейково, Северной жел. дор. «Нами произведены полнейшая реформа и реорганизация дел общества потребителей,—пишут рабочие фабрики Ясюнинских во Владимирской губ.—Мы хотим, чтобы наше общество потребителей стало не только крупным торговым предприятием, но и сильным культурно-просветительным центром, объединяющим вокруг себя широкие рабочие массы». «С великой радостью извещаю, что наше общество стало теперь свободное и общедоступное»,—сообщают с Тамбовского порохового завода и т. д. От крупных городов до самых глухих мест проходит это движение за раскрепощение рабочего, как потребителя. Борьба дается далеко не всюду легко, предприниматель уступает лишь под революционным напором массы и при первой возможности отстаивает свое право закабаления рабочего, так что в Донецком Бассейне, напр., еще в 1918 году с зависимой кооперацией было далеко не покончено. Упорная борьба тянется весь 1917 год, и только в следующем году зависимые общества начинают делаться достоянием прошлого.

Массовый наплыв рабочих в кооперативы, как и борьба за раскрепощение зависимых обществ составляют главнейшее содержание рабочего кооперативного движения в первый год революции. Начавшееся во время войны союзное строительство приостанавливается, но с новой силой проявляется стремление к сплочению рабочей кооперации, к обособлению ее от общегражданской. В революционном вихре рабочий класс, проявляя свою волю к построению массовой классовой организации, окончательно связывает ее со своим общим освободительным движением.

5.

Российское кооперативное движение еще до войны становилось движением по преимуществу крестьянским. С каждым годом увеличивалось число крестьянских потребительных обществ, объединявших, разумеется, не пролетаризированное, а «крепкое»,

имущее крестьянство, и к сельским кооперативам все больше переходила преобладающая роль. Годы войны и революции не приостановили этого процесса, несмотря на то, что в большом числе стали также нарастать городские и рабочие общества. В первый год революции, как и раньше, главенство оставалось за сельской потребительской кооперацией. Числовое выражение этому преобладанию можно дать, разумеется, только приблизительное. Так, по анкете Центросоюза 1917 г., охватившей 860 обществ, сельские общества составляли 78% с 50% всего числа членов; по анкете того же года ПОЮР'а, коснувшейся 1.760 обществ, на сельские общества падало 92% с 76% всего числа членов. Конечно, обе анкеты захватили слишком незначительное число обществ, чтобы можно было по их данным сделать какие-либо твердые выводы. Но и те намеки, которые они дают, позволяют сказать, что в 1917 году во всяком случае не менее 75% потребительских обществ принадлежало к сельским. С другой стороны, при 8—9 милл. членов, объединявшихся всей кооперацией, на долю рабочей кооперации приходилось в 1917 году около 1½ милл., т.-е. примерно 16%.

Рабочие кооперативы составляли, таким образом, скромную величину в общем кооперативном движении, доминирующее положение в котором принадлежало крестьянской кооперации. В 1917 г. влияние последней усилилось еще благодаря организационному сближению всех видов кооперации: кредитная, сельскохозяйственная и промысловая кооперация находились всецело в руках мелко-буржуазных групп населения и крестьянства.

Расхождение социальных элементов в кооперативном движении намечалось еще до революции. По мере того, как крестьянское хозяйство в известной части становилось мелко-капиталистическим, сельская кооперация проникалась мелко-буржуазным духом «сбережения», «накопления», служения интересам «хозяйственного мужика», в противоположность рабочей кооперации, которая с дальнейшим капиталистическим развитием страны и ростом рабочего движения все больше проникалась духом классовой борьбы и служения интересам трудового потребителя, а не мелкого производителя. Однако, до революции это расхождение с общегражданской кооперацией не прорывалось наружу с достаточной силой: под общим прессом самодержавия расхождение

сглаживалось, но, разумеется, не уничтожалось, как это мы видели по выступлениям рабочей кооперации еще в довоенное время. Революция выявила назревавшие внутри кооперативного движения противоречия. Возможность свободного выступления для всех участников движения, постановка революцией в порядок дня ряда острых политических и социальных проблем—все это сразу определило соотношение сил в кооперативном движении.

Наиболее показательной в этом отношении была потеря мелко-буржуазной кооперацией добродетели, которою она так гордилась раньше—политической нейтральности. До революции этого рода кооперативными деятелями признавалось аксиомой, что кооперация не должна вмешиваться в политическую борьбу и должна оставаться если не аполитичной, то нейтральной в борьбе классов и партий. «Чистый» кооперативизм на этой нейтральности строил свои утопические планы о высокой роли кооперации в примирении классов и достижении социализма. Революция перевернула вверх дном все подобные построения. Уже первый кооперативный съезд, собравшийся 25 марта 1917 г., прошел под знаком политическим и, отодвинув в сторону все кооперативные вопросы, вплотную занялся «политикой». Само собою разумеется, что социальное устремление подавляющего большинства членов съезда, в соответствии с преобладавшими в кооперации социальными силами, направилось в сторону крестьянства. «Поддерживая Совет рабочих депутатов,—говорилось в резолюции съезда по вопросу «о роли кооперации в обновлении страны», — кооперативные организации должны также оказать поддержку крестьянству, которое должно иметь свои органы для выявления своей мысли, своей воли и для защиты своих интересов. Органом крестьянства на страже нового строя и для политически-революционной работы должны быть внепартийные советы крестьянских депутатов».

Таким образом, «нейтральность» формально еще не упразднялась: крестьянские советы должны быть внепартийными, стоять вне партий. Но на деле от «нейтральности» не осталось, конечно, и следа. В действительности съезд, высказываясь за поддержку кооперацией крестьянства и за образование внепартийных крестьянских советов, намечал достаточно ясно политическую линию кооперации. «Внепартийные» советы крестьянских депутатов, т.-е.

советы, не связанные с социалистическими партиями, должны были послужить политической скрепой для крестьянства. Но отрицание партийности, означавшее на деле отрицание только социалистической партийности, означало вместе с тем, что советы должны сплотить то крестьянство, которое явно не разделяет социалистических стремлений, т.-е. крепкое, собственническое крестьянство. Под флагом партийной нейтральности кооперация шла если не к партийно-политическому сплочению имущих слоев крестьянства, то к организованной защите их интересов.

За таким А последовало и Б. На Московском Государственном Совещании кооперативная группа примкнула к т. н. общей «демократической платформе». Но отказ от самостоятельного выступления на Московском Совещании вовсе не означал отказа кооперации от тактики, намеченной на первом Съезде. Напротив, вслед за Московским Совещанием редактором «Вестника Кооперативных Союзов» Евдокимовым было опубликовано обращение к правлениям и советам крестьянских кооперативных союзов и товариществ, обращение, более показательное и симптоматическое, чем голосование за платформу, оглашенную на Московском Совещании Чхеидзе. В этом обращении Евдокимов, жалуясь на то, что «у сельской кооперации в Москве не оказалось своего гнезда, своей избы, своей встречи», ставил под сомнение не только отказ кооперации от самостоятельного выступления, но и совместное выступление всех видов кооперации. «Для кооперативной работы,—писал Евдокимов,—и для национального сближения сил было бы полезней, если бы голоса двух разделов прозвучали раздельно, и каждая отрасль кооперации подчеркнула бы ясно свои особые нужды». «Поэтому,—продолжало обращение,—задача ответственных работников в кредитной и сельско-хозяйственной кооперации на местах—немедленно приступить к определению своих взглядов на те вопросы государственной политики, кои ближайшим образом касаются организованного в кооперативы крестьянства». Иначе говоря, пересмотру подлежит только что принятая «демократическая» платформа», и интересы крестьянства должны быть определены более точно. В чем же эти интересы заключаются? Обращение намечает такую программу самостоятельного «кооперативного» выступления: «1) национальная твердая власть, оберегающая землю и свободу от иноземного нашествия и хозяйственной разрухи,

2) напряженная производительность труда всех классов, а не только одного земледельческого класса, 3) планомерный обмен между городом и деревней произведениями труда, при чем в этом обмене и государство, и торговый аппарат, и кооперация должны действовать согласованно и самостоятельно, 4) повышенное внимание к вопросу о твердых ценах на хлеб в условиях бестоварья и роста цен на городские товары, 5) отказ соответствующих ведомств от одностороннего увлечения муниципальными предприятиями и 6) скорейшее укрепление дисциплины в армии».

Каждый пункт этой программы давал отражение определенных социальных интересов.

Кооперации рекомендовалось добиваться власти, которая могла бы оберегать землю и свободу от иноземного нашествия и хозяйственной разрухи, при чем такой властью могла быть только «национальная твердая власть», т.-е. власть буржуазная, ставящая перед собой «национальные» задачи и охраняющая землю и свободу мерами «твердой» политики, все острее которой направляется против тех, кто не мирится с буржуазным представлением о «земле и воле».

Программа требует напряженной производительности труда «всех классов», давая этим выход недовольству не в меру «бунтарским» духом рабочих и открывая возможность похода против восьмичасового рабочего дня и прочих завоеваний пролетариата, послуживших, под углом мелко-буржуазных представлений, причиной падения производительности фабричного труда.

Программа требует «повышенного внимания к вопросу о твердых ценах на хлеб», т.-е., попросту, повышения твердых цен в интересах крестьянства, открыто мотивируя это ростом цен на городские товары (т.-е. фабрикаты) и совершенно игнорируя, как повышение хлебных цен отразится на положении рабочего-потребителя.

Чтобы подчеркнуть, как далеко стоит она от социалистических планов, платформа требует отказа даже от муниципальных предприятий. Требование это особенно характерно, если иметь в виду, что муниципализация направлялась, главным образом, к ослаблению продовольственного кризиса и зависимости города от вольного хлебного рынка.

Даже естественное требование «планомерного обмена между городом и деревней произведениями труда» сопровождается указанием, что государство, кооперация и торговый аппарат должны в этом отношении действовать «согласованно и *самостоятельно*», т.-е. всякое ближайшее вмешательство государства в частно-торговый аппарат исключается.

Очевидно, обращение Евдокимова формулировало программу, отвечавшую интересам крепко-имущего, собственнического крестьянства, которое готово было поставить точку над революцией, как только она принесла земельное «приращение» и уничтожила дворянско-царскую власть, державшую крестьянство на уровне «оскудения», и которое для охраны своих интересов готово пойти на соглашение со всеми, кто стоит на «национальной» точке зрения, т.-е. под видом отказа от классовой политики проводит политику имущих классов.

«Вестник Кооперативных Союзов» обращался к кредитной и сельско-хозяйственной крестьянской кооперации, где мысли обращения должны были встретить наибольшее сочувствие. Но по существу они отражали настроения мелко-буржуазной кооперации вообще, как это и показали дальнейшие политические выступления кооперативных центров и съездов.

Когда поднят был вопрос о созыве т.-наз. демократического совещания в Петербурге, Совет кооперативных съездов и всероссийские и центральные кооперативные союзы послали телеграмму Временному Правительству и Центр. Исп. Комитету Сов. Раб. и Солд. Депутатов, в которой заявлялось, что: 1) всероссийское совещание должно быть созвано государственной властью и в нем должны быть представлены все слои населения, 2) совещание должно быть созвано в Москве, и 3) вопрос об участии кооперации в совещании будет разрешен на кооперативном съезде. Таким образом, кооперативные центры отрицали самую необходимость демократического совещания и в противовес ему выдвигали всероссийское совещание, в котором были бы представлены «все слои населения», т.-е. и крупная буржуазия, которая к участию на демократическом совещании не привлекалась. На состоявшемся 11 сентября Чрезвычайном Всероссийском Кооперативном Съезде большинством против рабочей группы был принят наказ кооперативной делегации на демократическом

совещании, в котором требовалось образование «национального» коалиционного правительства, «независимого от каких-либо отдельных групп и организаций (т.-е. от советов рабочих депутатов) и ответственного только перед народом и Учредительным Собранием». Рабочая группа, солидаризируясь с правыми социалистическими партиями, не присоединилась к этому наказу и в заявлении своем требовала «создания сильной революционной власти, способной провести в жизнь программу, оглашенную на Государственном совещании Чхеидзе и объединившую вокруг себя всю демократию», при чем указывала, что «Корниловский мятеж явно показал, что не могут быть привлечены те элементы, которые поддерживали мятеж и проявили себя как контр-революционеры», а власть «должна быть ответственна перед организованной демократией, при чем формы этой ответственности должны быть определены на демократическом совещании». Таким образом, присоединение кооперации к «демократической платформе» Московского Совещания оказалось призрачным и большинство кооперации круто повернуло вправо даже от достаточно умеренной «революционной демократии», к той позиции, которую заняли кредитная и сельско-хозяйственная кооперации в обращении Евдокимова.

Вместе с тем обозначился еще один сдвиг, на этот раз своего рода отрыжка романтической веры в особую миссию кооперации. Чрезвычайный Кооперативный Съезд (4—6 октября) поднял и решил в положительном смысле вопрос о самостоятельном выступлении кооперации на выборах в Учредительное Собрание. Кооперация становилась не столько внепартийной, сколько «противопартийной». Докладчик Анисимов доказывал на Съезде, что в России вообще нет партий, имеющих глубокие корни в массах. Кроме того, в рядах партий идет разноголосица, и под одним флагом идут люди, защищающие интересы государства, с которыми кооперации по пути, и элементы, настроенные анархически. А. Е. Д. Кускова призывала «все кооперативные группы выявить свое истинное лицо, еще не изъеденное молью партийной болтовни». Зараженный такого рода настроениями, Съезд не внял предостережениям многочисленной оппозиции, состоявшей из рабочей группы и некоторых видных кооператоров (Зельгейм, Кильчевский), и признал самостоятельное выступление коопера-

ции на выборах. Принятая Съездом резолюция предлагала «всеми мерами стремиться, чтобы в состав Учредительного Собрания были введены представителями практические работники, знающие хозяйственные и бытовые условия русской жизни». «Принимая участие в выборах в Учредительное Собрание,—говорилось далее в резолюции,—кооперативные организации должны стремиться к объединению всех демократических течений, стоящих за напряженную и энергичную оборону страны и свободы, за водворение законности и порядка в стране силами самой государственно-мыслящей демократии и за недопустимость избрания в Учредительное Собрание представителей пораженчества и анархизма». Такого рода директивы опять-таки весьма сближали платформу кооперации с программой обращения Евдокимова. «Практические работники» выдвигались, очевидно, не только в противовес «партийной болтовне», о которой говорила Е. Д. Кускова, но и как атрибут Учредительного Собрания, весьма привлекательный для мелкой городской и сельской буржуазии, которая не «болтовни» ждет, а земли, свободы и порядка. «Водворение же законности и порядка» силами «государственно-мыслящей демократии» являло собой лишь иную формулировку программного требования «национальной и твердой власти», охраняющей землю и свободу, фигурировавшего в обращении к кредитной и сельскохозяйственной кооперации.

Выборы в Учредительное Собрание должны были совершить чудо спасения революционной страны, изъеденной «молью партийной болтовни». Но чуда, разумеется, не произошло. По свидетельству В. В. Хижнякова, результаты избирательной кампании оказались для кооперации совершенно отрицательными. Число голосов, поданных за кооперативные списки, повсюду было очень малым. Только по Москве список с участием кооператоров собрал свыше 35 тыс. голосов, немногим меньше, чем нужно было для избрания первого по списку кандидата (от кооперации) С. Н. Прокоповича [1]).

Так на протяжении всего 1917 г. совершалось социальное расслоение кооперации. Городская мелко-буржуазная кооперация тесно смыкалась с мелко-буржуазными верхами крестьянства,

[1]) В. В. Хижняков, История и организация Совета Всероссийских кооперативных съездов, М. 1919 г., стр. 37.

господствовавшими в сельской кооперации, занимая «национальную» позицию, примыкая к буржуазному блоку и относясь враждебно к дальнейшему развитию революции. С другой стороны, рабочая кооперация в тех же условиях революции все теснее сближалась с борьбою рабочего класса. Теперь уже не могло быть и речи об обособленном существовании рабочей кооперации от других пролетарских организаций, и задача, скромное начало которой было положено на первом кооперативном съезде 1908 г., должна была получить свое завершение. Но такое завершение не было достигнуто. Правые социалисты, возглавлявшие рабочую кооперацию, сами были связаны «единым демократическим фронтом» и не шли на разрыв с общегражданской кооперацией, а стало быть и на подчинение задач рабочей кооперации задачам революционной борьбы пролетариата. Поэтому и получилось так, что первый съезд рабочей кооперации занялся своего рода «органической» работой, точно рабочему классу предстояло перейти на кооперативное строительство в условиях «мирной» жизни.

Первый съезд представителей рабочей кооперации состоялся 1—5 августа 1917 г. На Съезде присутствовало 207 делегатов, представлявших 124 организации с общим числом 511.665 членов.

По докладу И. Г. Волкова о задачах и принципах рабочей кооперации, Съезд принял резолюцию, в которой изложены были следующие положения. Рабочая кооперация, не являясь формой нового социального строя и не уничтожая противоречия интересов между объединенными рабочими потребителями и классом собственников-предпринимателей, является одной из основных форм международного рабочего движения в его стремлении к социализму. Основанная на самодеятельности рабочего класса, втягивая его в руководство и организацию общественного хозяйства, рабочая кооперация уже в рамках капитализма подготовляет как отдельных работников, так и всю рабочую массу к руководству хозяйством при социалистическом строе и таким образом расчищает почву для скорейшего торжества социализма. Имея непосредственной своей задачей уничтожение частного посредничества, рабочая кооперация должна принять вместе с тем активное участие в экономической борьбе рабочего класса, а также в организации всего народного хозяйства. Рабочие кооперативы по духу своему должны быть боевыми организациями, т.-е. не должны за-

мыкаться в круг определенной хозяйственной деятельности, но должны неустанно отыскивать новые пути для дальнейших завоеваний.

В своей работе рабочие кооперативы, по мнению докладчика, должны придерживаться следующих положений: 1) они должны строиться на принципах демократических организаций, все члены их должны быть равноправны, независимо от количества паев; 2) рабочие кооперативы должны быть независимыми, свободными, самоуправляющимися организациями; 3) рабочие кооперативы не должны быть замкнутыми организациями, т.-е. не должны замыкаться ни в партийные, ни в религиозные, ни в какие другие рамки; 4) необходимо бороться против того, чтобы независимые по форме кооперативы пользовались предпринимательской ссудой для своих операций; 5) паи в рабочих кооперативах не должны быть высокими, чтобы членами их могли быть мало зарабатывающие рабочие, но и не настолько низким, чтобы это было в ущерб кооперативной работе; членам рекомендуется брать по несколько паев и устанавливать дополнительную ответственность по делам своего кооператива; 6) продажа членам в кредит безусловно отвергается; на случай стачки и локаутов при кооперативных центрах должны быть особые фонды, за счет которых, с согласия профессиональных объединений, допускается кредитовать членов; 7) продажа товаров должна производиться по умеренным рыночным ценам; 8) с точки зрения наболее правильного обращения с прибылью Съезд принципиально высказывается против всякого распределения прибыли между членами; прибыль должна, за различными отчислениями в фонды, оставаться в кооперативе в виде общественно-неделимого капитала, принадлежащего всем вместе и никому в отдельности, как в профессиональном союзе, больничных кассах и т. п. Но считаясь с тем обстоятельством, что прямолинейное проведение в жизнь этого принципа может отразиться на состоянии рабочей кооперации, Съезд считает возможным допустить распределение прибыли, за отчислением в различные фонды, по забору члена и на паи, с оставлением ее в кооперативе на личном счету члена. Вместе с тем, Съезд признал необходимым для рабочей кооперации развить собственное производство в целях наиболее полного обслуживания рабочих масс и усиления своего влияния на рынке.

Резолюция особо отметила необходимость производить расходы на культурно-просветительные цели не только путем отчисления от прибылей, но и путем сметных ассигновок, а также признала желательным, чтобы кооперативы оказывали идейную и материальную поддержку социалистическим партиям и профессиональным союзам.

Докладчик по вопросу об отношении рабочей кооперации к другим формам рабочего движения (М. Л. Хейсин) рекомендовал исходить из резолюции Копенгагенского Международного Социалистического Конгресса (1910 г.), гласившей, что «в интересах рабочего класса и его борьбы с капитализмом необходимо, чтобы отношения между всеми частями рабочего движения—политическою, профессиональною и кооперативною—становились теснее, не нарушая этим самостоятельности каждой из этих трех форм». Докладчик полагал, что в России нужно исходить из этих положений тем более, что у нас все три формы рабочего движения развивались самостоятельно и потому нет никакой нужды разбивать путь этого развития: в России все три формы движения должны развиваться самостоятельно, но между ними должна быть установлена связь, которая с развитием всех форм движения должна становиться теснее. Что касается формы такой связи, то докладчик высказывался за установление взаимного представительства в центрах всех трех форм движения. Основные мысли своего доклада М. Л. Хейсин формулировал в следующих двух положениях: «1) исходя из того, что ни одна из организаций в отдельности—ни профессиональные союзы, ни политические партии, ни кооперативы,—не разрешают рабочего вопроса, что для его разрешения необходима творческая работа рабочего класса во всех областях рабочего движения,—Съезд признает необходимость как идейного единства всех форм рабочего движения, так и известного сочетания работы всех организаций; 2) считаясь с опытом развития кооперации во всех странах, а также с ходом развития всех форм рабочего движения в России, Съезд признает необходимым, чтобы все три формы рабочего движения развивались как самостоятельные организации, вступая лишь в те или другие связи друг с другом».

Доклад М. Л. Хейсина вызвал возражения с двух сторон. Представители московской рабочей кооперации находили, что одной

идейно-организационной связи кооперации с другими формами движения недостаточно, и полагали, что эта связь должна выражаться также во взаимной материальной поддержке. Другие, в особенности представительница Московского Союза Потреб. Общ. Е. О. Ленская, рекомендовали более осторожный подход к вопросу, подвергая сомнению даже необходимость организационной связи. Съезд принял приведенные выше положения докладчика, а также признал, что рабочая кооперация, не будучи партийной, должна быть в контакте с политической организацией пролетариата путем взаимного представительства в центральных органах.

Отношение к профессиональным союзам нашло свое выражение в следующей, принятой Съездом, резолюции по докладу М. Л. Хейсина: 1) отношения кооперативов к профессиональным союзам должны быть дружественными, 2) кооперативы должны оказывать помощь профессиональным союзам в их борьбе с капиталом, 3) кооперативы должны стремиться к тому, чтобы все рабочие и служащие были членами профессиональных союзов, 4) кооперативы должны вводить у себя коллективный договор, 5) кооперативы должны входить в связь с профессиональными союзами для организации взаимопомощи, культурно-просветительной деятельности, 6) кооперативы должны установить тесное взаимодействие с профессиональными союзами путем обоюдного представительства в руководящих органах, 7) Съезд выражает пожелание, чтобы все члены кооперативов были членами профессиональных союзов, 8) Съезд выражает пожелание, чтобы все члены профессиональных союзов были членами кооперативов.

По вопросу о создании самостоятельного центра рабочей кооперации Съезд заслушал несколько докладов, при чем большинство исходило из необходимости образования идейного центра рабочей кооперации, не порывая хозяйственной связи с Цетросоюзом и не образуя также самостоятельного хозяйственного центра.

И. Г. Волков в своем докладе доказывал своевременность образования идейного центра теми изменениями, которые происходят в жизни Московского Союза П. О.: он превращается в союз союзов (Центросоюз), а это превращение усилит в нем влияние крестьянской и мещанской кооперации и сделает для него совершенно невоз-

можным выявление идеологии, присущей рабочему классу. На вопрос, не следует ли вместе с созданием идейного центра приступить к образованию самостоятельного хозяйственного центра, докладчик отвечал отрицательно: это означало бы отделение от торговых операций Центросоюза, обладающего вполне налаженным торговым аппаратом, которым рабочая кооперация еще не обладает. Дробление хозяйственных сил в настоящее время не допустимо. С целью сохранить влияние рабочей кооперации на торговую деятельность Центросоюза докладчик рекомендовал ввести в Коллегию Центросоюза представителей рабочей кооперации в числе, пропорциональном ее значению в жизни Центросоюза. Кроме того, при центре рабочей кооперации следует образовать особый комиссионно-торговый отдел, который принимал бы заказы от рабочих обществ и выполнял их через Центросоюз.

М. Л. Хейсин указывал в своем докладе на сложность вопроса, отмечая, что крестьянская кооперация пока еще сохраняет социалистическую идеологию, и потому, быть может, лучше рабочей кооперации не выделяться, чтобы кооперация в целом осталась если не по форме, то по духу социалистической кооперацией с огромным рабочим давлением. Однако, докладчик все же склонялся к идейному обособлению. С одной стороны, с превращением Московского Союза П. О. в союз союзов влияние рабочей кооперации в нем падет, и, в лучшем случае, «классовый характер крестьянства иной, чем рабочего класса», и «рано или поздно обе идеологии столкнутся в рабочем движении и, в конце концов, разойдутся». Наконец, необходимо координировать работу всей рабочей кооперации, связать ее с другими формами рабочего движения, а это тоже невозможно без особого центра. В конечном счете, М. Л. Хейсин полагал, что, образуя идейный центр, рабочая кооперация не должна порывать с другими центрами кооперации, что в этих центрах ей нужно остаться и развивать в них наиболее прогрессивные стороны кооперативного движения. Решительно отрицал М. Л. Хейсин хозяйственное выделение рабочей кооперации, отвергая даже предложенную Волковым форму комиссионно-торгового отдела при проектируемом Совете рабочей кооперации.

Третий докладчик—Е. О. Ленская—решительно возражал против всякой формы выделения рабочей кооперации. Превращение Центросоюза в мелко-буржуазную организацию, по ее мнению, от-

нюдь не предрешено, а уход рабочей кооперации из Союза только облегчит это превращение, затруднив борьбу с действительно мелко-буржуазными тенденциями в недрах Союза и в частности против упорно живущей идеи сплачивания всех видов сельской кооперации.

Сторонников сохранения status quo в организационных взаимоотношениях рабочей и общегражданской кооперации на Съезде не нашлось. Но вместе с тем не нашлось и сторонников немедленного и полного выделения рабочей кооперации с образованием своего хозяйственного центра. Съезд, как видно из следующей принятой им резолюции, решил создать идейный центр, оставив вопрос о хозяйственном выделении рабочей кооперации пока открытым:

«1. Рабочие кооперативы являются одной из форм рабочего движения, преследующей те же цели, что и другие формы классовых организаций,—борьбу за освобождение рабочего класса,—а потому они должны координировать свою работу с ними.

2. Цель рабочей кооперации состоит не только в стремлении улучшить материальное положение своих членов, но и в создании условий для духовного развития и воспитания классового самосознания их.

3. Вышеуказанные задачи и особое положение рабочих кооперативов, отличающие их от других кооперативных организаций, настоятельно требуют создания особого всероссийского идейного центра, способного обслуживать, объединять и координировать их деятельность на почве осуществления как теоретических, так и практических общих задач.

4. Исходя из того, что в данный момент для материальной деятельности кооперации необходима концентрация капитальных сил, а организация собственного хозяйственного центра ослабила бы силу Центросоюза, что нанесло бы вред всей кооперации вообще, и рабочей, в частности, Съезд постановляет, не предрешая пока вопросов о хозяйственном объединении рабочих кооперативов, что организационный центр является лишь идейным центром.

5. Этот центр избирается на Съезде рабочей кооперации, он должен быть автономным и не зависимым ни от центрального союза союзов, ни от какого бы то ни было другого районного объединения.

6. Принимая во внимание ту передовую роль, которую играет рабочая кооперация в общей, Съезд постановляет, что рабочие кооперативы продолжают работать в ней под общим руководством своего центра.

7. А потому Союз союзов (Центросоюз) объединяет всю торговую деятельность кооперации, рабочие же кооперативы для обеспечения правильного распределения товаров и для участия в торговых операциях Союза союзов выдвинут из своей среды не менее трех кандидатов в органы управления, чем будет обеспечено правильное взаимоотношение между рабочей кооперацией и Союзом союзов.

8. Задачей Всероссийского Центра рабочей кооперации должно быть: а) объединение рабочих кооперативов, б) организация рабочих кооперативов и способствование их развитию, в) выработка общей линии работы, г) разрешение организационных вопросов, д) разрешение общих вопросов кооперации, е) установление отношений к Центросоюзу и к Совету съездов, ж) общая защита интересов кооперации, з) создание центрального журнала рабочей кооперации, и) установление отношения к другим формам рабочего движения, представительство в них и т. п.

9. Средства Центра образуются из взносов отдельных обществ и союзов на основаниях, которые устанавливает Центр.

10. Съезд считает необходимым, чтобы из общей суммы неторговых расходов Союз союзов отчислял проводимую в сметном порядке часть сумм на центры рабочей кооперации, пропорционально оборотам рабочих кооперативов в Союзе союзов.

Исходя из всего вышеизложенного, Первый Всероссийский Съезд рабочих кооперативов постановляет избрать Всероссийский Совет рабочей кооперации».

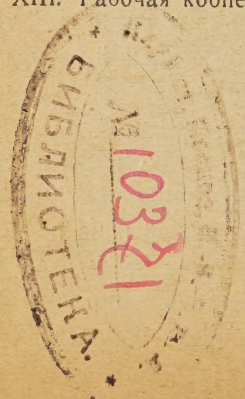
Таким образом, Всероссисйкий Совет Рабочей Кооперации должен был стать идейно-организационным центром. За Центросоюзом сохранялась роль хозяйственного центра всей кооперации, в том числе рабочей, все же остальное, что выходит за пределы хозяйственной работы,—идейное сплочение рабочей кооперации и ее организационное строительство,—становилось самостоятельным делом рабочей кооперации.

Вопрос об образовании самостоятельного хозяйственного центра Съезд оставил открытым, не предрешая, как сло-

жатся в этом отношении обстоятельства в будущем. Съезд исходил при этом из тех соображений, что для самостоятельного хозяйственного существования кооперации требуется достаточное накопление «капитальных сил», какими рабочая кооперация отнюдь не могла похвалиться, а ослабление хозяйственной силы Центросоюза тяжко отзовется на рабочей же кооперации. Если это было и верно, то не снимало вопроса о хозяйственном выделении даже в том случае, если материальное положение рабочей кооперации радикально не изменится к лучшему. Ибо если верно, что хозяйственная самостоятельность кооперации требует «капитальной силы», то не менее верно, что без хозяйственной самостоятельности идейно-организационное сплочение рабочей кооперации не может быть достигнуто в той степени, как это требуется интересами рабочего класса. Последнее в особенности верно для революционного времени, которое предъявляет свои запросы к организованности рабочего класса и меньше всего склонно притуплять классовые противоречия. А в этих условиях революции вопрос о хозяйственном обособлении рабочей кооперации должен был рассматриваться не только с точки зрения «капитальной силы» кооперативов, но и с точки зрения, главнейшим образом, задач рабочего класса в революции и соответственного им построения всех его организаций. Этим самым вопрос о «хозяйственном» обособлении развертывался в проблему социально-политического самоопределения рабочей кооперации, укрепления ее самостоятельности, упрочения связи с революционными организациями пролетариата и с тою частью крестьянской кооперации, которая могла поддержать борьбу рабочего класса. Но руководящие круги рабочей кооперации на это не пошли. В данном вопросе, как и в прочем, они стояли на той точке зрения, что революция не выйдет из рамок буржуазной революции, и потому все свои предположения строили в перспективе побеждающей буржуазно-демократической революции и утверждающегося буржуазно-демократического строя. А в такой перспективе, расходившейся с действительным ходом революции, значительная часть построений Съезда оказывалась запоздавшей и не поспевавшей за требованиями жизни, ибо заключалась задача уже не только в классовом обособлении рабочей кооперации в условиях буржуазного порядка, но и в ее служении борьбе рабочего класса против этого порядка.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стр.
Предисловие		3
Глава I.	Социально-экономические предпосылки и общий ход развития рабочей кооперации в России	5
Глава II.	На заре кооперативного движения.—Первые рабочие кооперативы	20
Глава III.	Кооперация на службе у капитала	42
Глава IV.	Переходное время	70
Глава V.	Общие условия развития независимой рабочей кооперации	87
Глава VI.	Раскрепощение зависимых обществ	111
Глава VII.	Независимые рабочие кооперативы (1905—1914).—I Рабочие кооперативы Петербурга	118
Глава VIII.	Независимые рабочие кооперативы (1905—1914).—II Рабочая кооперация в Москве и в провинции	143
Глава IX.	Независимые рабочие кооперативы (1905—1914).—III Общие итоги	159
Глава X.	Рабочая и общегражданская кооперация в довоенные годы	178
Глава XI.	Рабочая кооперация в годы войны. I	189
Глава XII.	Рабочая кооперация в годы войны. II	209
Глава XIII.	Рабочая кооперация в год революции 1917 г.	229



19p50

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
NOV 28 1977			

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ“
МОСКВА, Страстной бульвар, д. 10
Книжн. Магазины: Москва, Петровка, дом 16
Ленинград, Просп. 25-го Октября, дом

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00027877361